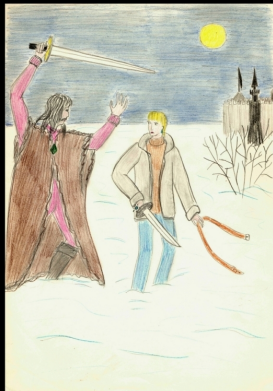

Натали Р.

НАДЕЖДА ЧЕРНОГО КРУГА

16+

Натали Р. Надежда Черного Круга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67724288

SelfPub; 2022

Аннотация

Студентка МГУ Вита не верит ни в черных, ни в белых богов. Колдовские книги сказали, что именно поэтому лишь Вита может остановить чудовищного Флифа, порождение абсолютного Зла и Тьмы, способное поглотить весь мир. Они молчат лишь о том, КАК она это сделает. Мнения колдунов и плененной ими Виты на этот счет сильно различаются...

Содержание

Часть 1. Конец света отменяется	4
Часть 2. Халтурка для Черного Круга	82

Натали Р.

Надежда Черного Круга

Часть 1. Конец света отменяется

1. Знакомство

Воздух колебался над раскаленным асфальтом, искривляя стройные силуэты телеграфных столбов и искажая формы деревьев. Горячая пыль, выбиваемая двумя парами вьетнамков, надолго зависала в нем, еще больше мешая досужему взгляду. Грузный мужик, шедший с огорода, промокнул пот на лбу и устало поплелся своей дорогой, пожалев, что две хорошенькие фигурки скрылись из поля зрения чересчур быстро. И еще подумав, что в это такое пекло даже девушки не в радость.

Две девушки, соломенноволосяя и рыжая, весело переговариваясь, шли по залитому Солнцем шоссе, болтая пляжными сумками. Стояла прекрасная летняя пора, когда пересыхают все лужи и вода в озере нагревается до температуры человеческого тела. Прелесть этой погоды не бесспорна, но обе девушки любили жару и обожали купаться.

Познакомились они лишь вчера. К этому времени Вита умирала с тоски. Сестра с родителями на море, все дру-

зья разъехались. Лёшка и то в отъезде, прибудет с практики только двадцать пятого. Погода идеальная, а гулять-то и не с кем. Вита мрачно думала о том, как плохо быть старшей сестрой.

– Денег у нас только на три путевки. Ты же старшая, должна понимать. Придется тебе остаться в Москве, чтобы Валечка могла съездить на море.

Вообще-то Вита любила сестренку, но в тот момент возненавидела ее до глубины души. И ненавидела до тех самых пор, пока они не уехали. А потом стала лезть на стенку от скуки.

И вот однажды, когда она выходила из булочной-кондитерской, к ней подошел парень в шортах и темных очках. Парень был ничего, симпатичным, с таким можно и на дискотеку сходить, и на пляж... Почему бы и нет, вряд ли Лёшка будет против невинного развлечения. Вита уж размечталась, но парень в манере заправского рекламщика сунул ей листовку:

– Вы все еще не ходите в церковь? Тогда церковь придет к вам!

– Ну вот еще, – несколько резко ответила ему Вита. – Ненавижу эти церкви. И в эту ерунду не верю.

Она была не вполне правдива: на самом-то деле, церкви очень нравились ей, как произведения архитектуры. Но в тот, к счастью, недолгий период своей жизни она ненавидела все вокруг. И была бы рада шокировать этого набожного

прилипалу, который вместо того чтобы, как все порядочные люди, валить гурьбой на природу в большой компании друзей, затаскивает несчастных прохожих в душную церковь, куда и не войдешь-то без дурацкого платка и длинных рукавов, будто без того пот ручьем не льется...

По искреннему мнению Виты, произнесенной ею фразы должно было хватить на то, чтобы повергнуть парня в шок, заставить его несколько раз перекреститься, плюнуть и отойти от греха подальше. Но он не отставал:

– Посетите проповедь отца Николая! Пора думать о душе!

Вита возмутилась. Наглость какая! Не тот у нее возраст, чтобы думать о душе! И не то мировоззрение. Почему-то религиозные фанатики, расплодившиеся после провозглашения свободы веры, совсем не понимают того, что другие люди тоже свободны в своей вере – или неверии. Кто-то любит сладкое, кто-то – соленое, а кто-то на диете, нельзя же всем впихивать халву и мармелад, как бы они ни были хороши на твой вкус.

– Вы не верите в бога? – вкрадчиво шептал парень, окончательно переставший быть симпатичным. – Уверуйте и почувствуйте разницу!

– Слушай, отвали! – вскипела она. – Восемнадцать лет обходилась без всяких богов, обойдусь и дальше!

Когда она повысила голос, дискуссией заинтересовалась рыжая девушка в короткой юбочке и розовом топике, которая все это время обреченно высматривала кого-то в толпе

– видеть, безнадежно опаздывающего кавалера. Кто сказал, что дамы имеют обыкновение опаздывать на свидания? Это все парни сваливают с больных голов на здоровые. Сама Вита не опаздывала ни разу, а вот Лёшка... Впрочем, с этим его маленьким недостатком она была готова мириться, потому что на фоне всей Лёшкиной замечательности...

– Вот-вот, отвали!

Рыженькая, похоже, восприняла Витину позицию близко к сердцу, она вклинилась между фанатиком и Витой, вроде как пытаясь заслонить ее, хотя из-за миниатюрности сложения у нее это не слишком хорошо получалось.

– А вы, девушка, верите в бога? – парень переключился было на новую жертву, но рыжая вдруг подалась вперед и резко клацнула зубами.

Вита чуть не засмеялась. Но парню вдруг стало не до смеха. Наверное, он прочел что-то такое в выражении лица девушки, не видного Вите. Он выронил несколько листовок, повернулся и затрусил прочь, время от времени оглядываясь.

– Спасибо, – с признательностью сказала Вита. – Я уж и не знала, как от него отделаться.

Девушка ей понравилась. Она была примерно ее ровесницей, миловидной, но не роковой красавицей из тех, кого хочется удушить, если ты тоже принадлежишь к женскому полу. Тонкая фигурка, зеленые глаза, провожающие драпающего фанатика ехидным взглядом. Она вызывала симпатию

у Виты уже тем, что не сказала «да» в ответ на вопрос назойливого парня: нынче модно верить в бога, а тот, кто не идет у моды на поводу, а отстаивает собственные взгляды, какими бы они ни были, всегда достоин уважения.

– Ждешь тут кого-то? – спросила Вита, чтобы завязать разговор. Ни к чему не обязывающий разговор, из которого, возможно, вырастет хорошее знакомство.

– Ага, – охотно ответила она. – Кого-то вроде тебя.

Не успело у Виты в мозгу шевельнуться подозрение, как она пояснила:

– Народу полно, а поговорить не с кем. Все только об этой проповеди и трюндят, как будто важнее события в Москве нет. Пойдем на озеро?

Вита аж подскочила:

– Пойдем!

Радостная улыбка сверкнула на лице ее новой знакомой.

Теперь они приближались к озеру – две девушки, Вита и Фая в пляжных сарафанах и вьетнамках, с легкомысленными плетеными сумками на плечах, набитыми покрывалом для загорания, солнечными очками, картишками – развеять скуку, дешевой книжонкой про вампиров – если одолеет дрема, пластиковыми бутылками с соком и кое-чем покрепче и пакетами с рисовыми хлопьями объединения «Колосс», чтобы голод не испортил удовольствия.

Царило почти полное безветрие. Водная гладь переливалась мелкой ленивой рябью, ослепляя солнечными бликами.

Они расстелили покрывало, побросали сумки и с наслаждением избавились от сарафанов. Кто только выдумал летом носить одежду? Купальники – вполне пристойный компромисс с цивилизацией, так ведь нет...

– Значит, ты не веришь в бога, – сказала Фая, закалывая на затылке длинные рыжие волосы, чтобы не мешали плавать. Черный купальник с золотыми цветочками очень ей подходил. – Отрадно. Ты поклоняешься дьяволу?

Вита пренебрежительно фыркнула. И почему народ мыслит так примитивно? Почему все уверены, что человеку насуточно необходимо кому-нибудь поклоняться?

– А ты? – ответила она вопросом на вопрос.

Фая засмеялась.

– Дьяволу? О нет! Это слишком пошло.

Тут Вита была согласна.

– Но кое-кому я все же поклоняюсь. Скажи, неужели твоя душа совсем ни к кому не обращается в молитвах? Бывает, что человек этого не сознает.

– Увы, я материалистка до костного мозга, – ответила Вита со вздохом. Наверное, Фаяе трудно было смириться с тем, что новая подруга не разделяет ее интереса к духовной жизни. Но Вита не могла себя перекрыть.

– Витка, ну а греческие боги тебя никогда не прельщали? Или эльфы какие-нибудь?

– Сказки для маленьких, – выразила свое мнение Вита, пробуя воду кончиками пальцев.

– Как ты категорична! Может, ты посещаешь шабаши ведьм?

– Нет, не приходилось, – произнесла Вита со всем сарказмом, на который была способна. Беседа на эту тему уже начала ей надоедать.

В глазах Фаи неожиданно зажглось торжество:

– Что ж, у тебя будет такая возможность!

Уж не хватил ли ее солнечный удар, думала Вита, стоя по шиколотку в воде и с изумлением глядя на Фаю. Та широко раскинула руки и выкрикивала какие-то непонятные слова. Шпильки упали, и огненная грива разметалась по плечам. Вита вдруг увидела, что происходит нечто странное – линия горизонта поднималась вверх, и земля со всех сторон вздымалась вокруг них стенами чаши. Они стояли как будто на арене посреди огромного амфитеатра, и Вита почувствовала, что вовсе не хочет быть участницей начинающегося представления.

– Я, Фаирата Хешшкора Огненный Локон, – закричала Фая, и голос ее показался Вите таким мощным, словно шел из недр земли, – я устанавливаю барьер вокруг Хешширама-на до тех пор, пока не будет покончено с Флифом!

Сверкнула ослепительная вспышка, и вздыбленные края горизонта подернулись чуть заметным голубоватым пламенем без языков и сполохов, мягким, как огни святого Эльма. А может, это *у меня* солнечный удар, подумала Вита и на всякий случай пошупала голову. Особого жара не ощущалось,

и она пришла к выводу, что придется верить своим глазам.

Фая обернулась к Вите с полуулыбкой:

– Вот я и выиграла. Теперь ты останешься здесь.

– Ты свихнулась, – Вита покрутила пальцем у виска. Она была изрядно напугана и уже не желала проводить время с Фаей, которая при ближайшем рассмотрении оказалась чокнутой фокусницей. – Я немедленно отправляюсь домой, и даже не думай мне препятствовать!

– О, у тебя будет препятствие. Не глупи, дорогая. Что ты можешь против меня, Фаираты Хешшкора?

– А вот что! – Вита рассердилась и подскочила к несостоявшейся подруге с намерением надавать ей оплеух.

Разозлилась она не на шутку, в противном случае ей просто не пришло бы в голову решать проблему физическим воздействием. Она никого не била аж с седьмого класса, когда родителям и учителям удалось наконец внушить ей, что девочки драться не должны. Но ненормальный, стоящий торчком горизонт, голубой огонь и грубость Фаи вывели ее из себя. Она замахнулась, чтобы отвесить сумасшедшей Фае хорошенькую плюху, но та опередила ее.

– Аррхх! – издала она то ли шумный вздох, то ли рычание, и мгновенно за этим последовал приказ: – Взять ее!

И тут Вита задохнулась от ужаса. Словно туча набежала на Солнце – гигантская тень накрыла обеих девушек, и с небес молниеносно скользнуло чудовище. Огромная змея размером с электричку метнулась к Вите, и не успела та оглянуть-

ся, как оказалась схваченной двумя витками длинного гладкого тела, черного с золотом. Толщина его была столь огромна, что наружу из холодных объятий торчала лишь голова Виты. Голова эта в страхе уставилась на разверстую пасть змея, в которой извивался темно-пурпурный язык.

– О боже, – прошептала Вита.

Фая, стоя рядышком, откровенно потешалась над ней.

– Кого ты призываешь? – насмешливо спросила она. – Он не поможет тебе. Он тебя не знает.

Вита с ненавистью посмотрела на нее.

– Черт бы тебя побрал, – процедила она, не способная ни к чему, кроме проклятий.

– Он тоже тебя не услышит, – Фая засмеялась. – Мне крупно повезло, дорогая. У тебя нет защитника, и ты в полной моей власти.

Она отвернулась, сделала какой-то жест и медленно стала таять в воздухе. Вита смотрела на нее, стиснув зубы. Сейчас она исчезнет и оставит Виту на съедение змею. Рыжая поганка. Вот и доверяй случайным знакомым!

Холодное тело змея шевельнулось, и она мысленно попрощалась с жизнью.

Фая, почти прозрачная, оглянулась через плечо:

– Ты мне нужна кое для чего, – она просверлила взглядом Виту и кивнула змею. – Следи за ней.

И пропала совсем.

Вита поняла, что змей убрал свои массивные кольца, лишь

когда почувствовала, что падает. Она распростерлась на приозерном песке. Несмотря на жару, ее била дрожь. Она никогда не страдала от нервов, но приключившееся с ней было чересчур для восемнадцатилетней девушки.

Купаться ей расхотелось.

2. Флиф Пожиратель Душ

Солнце село, а Вита все лежала, не смея пошевелиться под ледяным взглядом пурпурных глаз чудища, свернувшегося кольцами в трех метрах от нее. Она была близка к отчаянию. Пойти на пляж с подружкой – и оказаться вдруг во власти свихнувшейся маньячки с дрессированной змеюкой-мутантом! От этого кто хочешь поседел бы. Поначалу ее трясло от страха быть переваренной этим монстром, но монстр лежал спокойно и голода не обнаруживал. Постепенно страх уменьшился, и Вита ощутила унижение. Она не сомневалась, что легко сладила бы с Фаей, будь она хоть Фаиратой, хоть Хешшкорой, – но она никак не могла предугадать, что у той есть за пазухой камень в обличии змея. А Фая, видя, как беспомощна Вита, сдавленная могучим телом проклятой змеюки, не упустила возможности посмеяться. Ох, унижение было еще хуже, чем страх! И эта шизофреничка еще поплатится за то, что заставила ее испытать такие неприятные чувства.

Словно по заказу, сзади послышался насмешливый голос: – Вообще-то мне все равно, где ты будешь ночевать.

Вита перевернулась на спину и вздрогнула: прямо над ней в темном воздухе стояла полупрозрачная светящаяся Фаирата.

– Но я обещала пригласить тебя на собрание в узком кругу, – продолжил призрак.

Вита криво усмехнулась:

– Шабаш ведьм?

– Можешь сказать и так. В общем, поторапливайся, милая. Тебе придется идти пешком. Мой приятель покажет тебе дорогу.

Змей бесшумно поднялся с песка и, будто на воздушной подушке, заскользил по дороге к лесу. Вита вскочила.

– Не вздумай заблудиться, – предупредила напоследок Фаирата. – В Хешширамане водятся твари гораздо более опасные, чем мой малютка.

Виту передернуло. Фаирата уже исчезла. Ночь была темная, лишь звезды равнодушно глядели сверху вниз на озеро, лес и маленькую Виту. Сердце ее сжалось при мысли о том, каковы же другие обитатели этого проклятого Хешширамана, если в сравнении с ними гигантский змей – малютка. Она вдруг поняла, что не видит его хвоста. За каким поворотом скрылся ее жуткий проводник? В панике она схватила сумку и бросилась бежать следом.

Она мчалась, не глядя под ноги, в ужасе оттого, что ее оставили одну. Змея не было видно. Вита с шумом втянула в себя воздух и затормозила, махая руками, когда из-за следу-

ющего поворота на нее посмотрели глаза, горящие пурпурным огнем. Змей ждал. Она не знала, бояться ей его или радоваться встрече – чувства перепутались, взбаламученные последней репликой Фаираты. Но странный провожатый не дал ей времени на размышления. Он тотчас же развернулся и двинулся вперед, а она припустила за ним, словно щенок за хозяином, спотыкаясь о камни и царапая в кровь ноги – вьетнамки она потеряла два поворота назад.

Впереди показалась группа призрачных строений. Полупрозрачные башни, стены с зубцами – настоящая крепость. По мере приближения нечеткие черты все более застывали, делались земными, материальными. Змей, чудом не застряв, проскользнул в распахнутые настежь ворота, замедлил ход у каменного крыльца и громадным хвостом легонько подтолкнул Виту к ступенькам.

Она взлетела на крыльцо и ворвалась в дверь, подгоняемая этим импульсом. Внутри было светло, свет исходил неизвестно откуда. Вита захлопнула за собой дверь, лихорадочно задвинув тяжелый засов, облокотилась на нее и отдышалась. Здесь, при свете, в помещении, собственные страхи показали Вите необоснованными. Вполне возможно, что насмешница Фаирата предвидела ее реакцию и веселилась, глядя в какое-нибудь хитрое устройство, как она, точно потерянная собачонка, не помня себя от ужаса, несется за этой живой электричкой. И такая мысль ничуть не прибавила ей симпатии к Фаирате.

Перед носом у Виты вдруг оказалась массивная дверь. Створки ее распахнулись сами собой, и взору предстала большая комната, освещенная весьма скупо в стиле «интим». Посреди комнаты – скорее даже зала – стоял накрытый стол с подсвечником, в котором горело пять свечей. При виде блюд, расставленных на столе, Вита почувствовала острый голод.

– Добро пожаловать, – сказала Фаирата, восседающая во главе стола.

Сейчас она уже не казалась ни простодушной рыжей девчонкой, ни шизой, сбежавшей из психушки. Черное платье оттеняло ее распущенные, извивающиеся по плечам волосы цвета огня, на руках в неверном свете свечей блистали перстни. По губам блуждала холодная улыбка. Она была средоточием власти, таинственной и недоброй.

Кроме Фаираты, за столом сидели еще двое – красивый молодой человек лет двадцати пяти, неотрывно глядящий на хозяйку, и удрученного вида дама примерно того же возраста. Чуть поодаль расположился свернувшийся кольцами змей, его гладкое тело поблескивало темным золотом.

– Это и есть ваш шабаш? – спросила Вита, стараясь, чтобы фраза прозвучала вызывающе. – Негусто. Где же представительство? Налицо ли кворум?

– Нас пятеро, – ответила Фаирата. – Вполне достаточно для благородного собрания.

– Но я – не ведьма! – отрезала Вита. – И я не имею отно-

шения к вашему собранию!

– Ты – необходимый его элемент, – невозмутимо сказала Фаирата. – Это открыли мне древние книги, которым у меня есть основание верить. Я тебя нашла, и теперь я использую тебя, чтобы пленить Флифа.

Словно смертельным дыханием повеяло при этом слове. У Виты подкосились ноги. Очень кстати сзади оказался стул – в противном случае Вите пришлось бы пополнить список унижений, терпимых от Фаираты.

Когда Вита справилась с приступом неожиданной тошноты, ей снова захотелось есть. Прямо перед ней стояло блюдо с жареным мясом. Оно так аппетитно пахло...

– Ешь, не бойся, – сказала Фаирата. – Ты мне понадобишься, и я вовсе не намерена тебя отравить. И, если тебя это беспокоит – мясо не человеческое.

Вита была столь голодна, что это обеспокоило бы ее в последнюю очередь. Она набросилась на еду.

– Итак, – произнесла Фаирата, обращаясь к присутствующим, и огоньки свеч торжественно затрепыхались в тон ее голосу, – первая наша цель достигнута. Она здесь, – колдунья мельком глянула на Виту, торопливо запивающую мясо красным вином, – и она никуда не денется отсюда: мною установлен магический барьер. Сергей и Бэла, – Фаирата остановила на них взгляд, – вы займетесь тщательным изучением книг. Мы должны выяснить, как нам следует употребить ее, – она вновь кивнула на Виту, – чтобы Флиф перестал

досаждать нам.

Употребить! Использовать! Хотелось выцарапать глаза этой надменной рыжей кошке, которая позволяет себе *так* говорить о Вите. Но услышав имя «Флиф», Вита забыла о подобной мелочи. Она ощутила, как мурашки снова поползли у нее по спине.

– Кто такой... Флиф? – прошептала она, с трудом выговорив мерзкое слово, навевающее жуть.

– Флиф Пожиратель Душ, – прозвучал ответ, и в ужасе дернулось пламя свеч.

У Виты екнуло сердце.

– Вы... вы собираетесь скормить меня ему?

Фаирата захохотала.

Борясь с тошнотой, вновь подступившей к горлу, Вита отшвырнула стул и кинулась вон. Она сбежала по ступенькам крыльца и, не переводя дух, помчалась дальше, дальше, прочь из этого гнусного логова, вверх по дороге, ведущей к вздернутым краям чаши горизонта. Она смутно помнила, что там были какие-то избышки – не то дачки, не то хижинки бомжей. Вите было все равно: пусть бомжи, но они все-таки люди, они спасут ее от одержимой ведьмы с ее змеюкой. На пригорке она запнулась о торчащий из земли металлический прут, упала. Разбитые ноги были в крови. Вита заплакала от отчаяния. Там, в ложбинке меж пригорком и опять задирающейся вверх почвой были люди, но как до них добраться, когда босые израненные ноги нещадно болят?

Снизу потянуло холодом. Откуда взяться холоду в жарком июле? Вита задрожала. Это был не просто холод, от которого можно защититься одеждой или движением, а зловещий иррациональный Холод, ледяное дыхание Смерти. Что-то черное, клубящееся, как газ, и в то же время неуловимо плотное ползло по лощине. Огромное, длинное, подобно телу змея, вдвое превосходящего размерами Фаиратину рептилию, отвратительное черное *нечто*. Вита была уверена, что оно живое, но не могла различить ни глаз, ни зубов – оно было абсолютно, чудовищно черным, словно само олицетворение Тьмы, темное даже на фоне безлунной ночи. В зловещей тишине – ни одна травинка не шелохнулась – оно надвинулось на хижину. Из дверей выбежал человек, напуганный, голый, только что из теплой постели. Он открывал рот, как рыба, но не доносилось ни звука. Вита сама хотела закричать, но что-то перехватило в горле. Несчастный, заламывая руки, засветился голубым сиянием, странно похожим на то, что дрожало по краям чаши. Оно исходило из его помертвевшего тела и, постепенно краснея, поглощалось абсолютной Тьмой. Вот и не осталось больше света, и на месте еще недавно живого человека за клубилась чернота. Кошмарное нечто помедлило и двинулось к следующей хижине.

– Боже, – прошептала Вита, трогая себя за горло, словно пытаясь ослабить стальной захват. – Они все обречены! Все, кто по эту сторону проклятого барьера...

Ее охватила безысходность.

По двору крошечного домика металась женщина, разевая рот в безмолвном крике. Руки ее уже начали истекать свечением. Вита кляла свою беспомощность. Если бы она могла как-то помешать этому! Сердце ныло от сострадания и безотчетной жути.

Свечение неожиданно прекратилось. Чернота свернулась в клубок и, снова вытягиваясь, поползла прочь от домика. Женщина, в глазах которой не было больше ничего человеческого, отрешенно смотрела на свои руки. Вместо них вихрились расплывчатые сгустки тьмы!

Вита перевела взгляд на ночной кошмар. Он полз прямо на нее! Она замерла с ощущением омерзительного, животного страха, распласталась по земле лицом вниз, чтобы не видеть этот мрак... Что-то прошелестело мимо, обняло ее холодным прикосновением. Она подняла голову. Гладкое тело змея-гиганта заслоняло ее от пугающей черноты. С благодарностью она прижалась к прохладному боку чудища, скорее почувствовав, чем увидев, что угроза миновала. Воплощение Тьмы изогнулось газовой лентой и двинулось вниз, в том направлении, откуда прибежала Вита. Она с отвращением и облегчением следила, как оно скрывается за деревьями, бесплотно обтекая их.

– Что это было? – прошептала она и содрогнулась, не в силах совладать с собой.

Флиф Пожиратель Душ, сам собой возник в мозгу ответ.

3. У барьера

В течение нескольких дней Вита была совершенно деморализована. Едва сгущались сумерки, она запирала все двери в комнате, которую ей предоставила Фаирата, закрывала ставни и в узкую щелочку смотрела, как из окна Бетреморогской башни медленно выползают завихрения черноты, формируются в невообразимую змеящуюся колбасу и исчезают вдали. Флиф выходит на охоту.

– Ты и днем держись подальше от Бетреморогской башни, – с усмешкой, как всегда, сказала ей Фаирата. – Может, в конце концов и придется накормить тобой Флифа, но только не по его инициативе.

Утешение в этом было небольшое. Но пока Виту никто не трогал, и она медленно отходила от потрясения. Этому весьма способствовали завтраки, обеды и ужины: каждый прием пищи обставлялся в доме, то есть в замке Фаираты, как в дорогом ресторане – свечи, сервировка, деликатесы... Многие кушанья Вита попробовала здесь впервые, например, мидий и папайю. И использованные тарелки и столовые приборы сами собой поднимались со стола и куда-то улетали – по-видимому, на кухню, а к следующему приему пищи красовались на столе на свежих салфеточках, чистенькие и сверкающие. Поначалу Вита не то чтобы опасалась, страшного здесь ничего нет, но с тоской предчувствовала, что ее, как пленницу, заставят мыть посуду и убирать в замке. Это было бы в стиле Фаираты, подвергнуть ее лишнему унижению. Однако Фая с

презрением высмеяла глупые выдумки своей невольной гостью:

– Ты не на какой-нибудь паршивой загородной вилле новых русских, милая. Ты в волшебном замке. Мы, колдуньи, прислугу не держим, здесь хозяйствуют духи этих стен. Они любят свою работу и, несомненно, огорчатся, если я переложу часть ее на тебя, – и добавила с ухмылкой: – Только это меня и останавливает.

Вита обиделась, но потом подумала и решила, что нет худа без добра. Проживет как-нибудь без грязных тарелок и половой тряпки, вот и славно. Погода держалась хорошая, и дни она проводила на озере. Фаиратин змей всюду сопровождал ее. Она продолжала немного его побаиваться, но помнила, что именно он спас ее от страшного Флифа. Змей был флегматичен и не делал резких движений, за что она, вздрагивающая от каждого шороха за спиной, была ему весьма признательна. Он лишь неотступно следовал за ней, куда бы она ни направлялась. Если же она отдыхала на озере, он лениво дремал, свернувшись на теплом песке, косясь на нее пурпурным глазом.

Вита сидела на клетчатом покрывале, обсыхая после купания под жарким Солнцем, и мрачно размышляла о будущем. Что ждет ее дальше? Зачем ее держат здесь под зорким присмотром гигантской рептилии? Предназначена ли она в жертву ужасному Флифу, и троица колдунов выжидает только нужного дня? Фаирата как-то обмолвилась, что использо-

вать Виту можно лишь в особый день, означенный звездами. Это она вычитала в одной из своих книг. Вита бы дорого дала, чтобы взглянуть на эти писульки, которые перевернули всю ее жизнь. Проклятие! Что они хотят с ней сделать? Она вспомнила родителей и сестренку, и слезы навернулись ей на глаза. Милая Валюша, такая пухленькая, смешная и наивная... Перед отъездом она наговорила сестренке гадостей, и теперь всю жизнь Валя будет вспоминать ее последние слова. А мама с папой? «Вы меня не любите», – заявила им обиженная Вита. И бросила нечто совершенно ужасное: «Если вам не хватает денег на двух детей, то не надо было рожать!» Конечно, она так не думала. Конечно, сказала в сердцах. Родители ее любят, и она их любит, и Валюшу тоже, но как теперь сказать им об этом, попросить прощения за несдержанный язык? Они еще ничего не знают. И никогда не узнают, что с ней случилось. Ее внесут в списки пропавших без вести и поставят на ней крест.

Нет! Вита встrepенулась. Она должна вырваться отсюда, должна найти способ сбежать! Что ей терять, в конце концов? Это просто стыдно – сидеть здесь в отупении, подобно овце, откармливаемой на заклятие! Она злобно посмотрела на горизонт с голубой светящейся кромкой. Блюдечко с голубой каемочкой, а она – в самой его серединке. Будь что будет, она попробует!

Она решительно встала, скинула мокрый купальник, смущенно оглядываясь на недремлющее око змея. Она поче-

му-то стеснялась его. Конечно, это было нелепо – стесняться толстой кишки с пастью, для которой ты можешь представлять интерес лишь как содержимое желудка. Но, черт возьми, эта кишка была явно мужского пола, а Вита повидала на своем коротком веку не так много мужчин, чтобы относиться к этому с полным равнодушием. Она торопливо накинула изрядно потрепанный васильковый сарафан, отряхнулась и зашагала к шоссе.

Шоссе выглядело так обычно, что Вита вдруг подумала: а не приснились ли мне все эти кошмары, как приснилась Алисе страна чудес в такой же жаркий полдень? Разогретое асфальтовое покрытие, поджаривающее подошвы, посыпано неизбежной летней пылью, грязь в пересохших лужах похожа на слепок серого гипса с коры головного мозга. Такие знакомые столбы, указатели, деревья с обеих сторон дороги. Привычно жужжат под ухом лесные мошки. И если бы не...

Если бы не загибающийся кверху и горящий голубым пламенем дальний конец шоссе, и если бы не змей, ползущий сзади, соблюдая дистанцию! Вот тогда Вита со спокойной душой согласилась бы, что это был нелепый страшный сон.

Дорога круто забирала вверх. Идти было трудно, но не настолько, насколько обычно препятствует подъему земное притяжение. Казалось, вектор притяжения искривился. Он не был ни, как полагается, направлен к центру Земли, ни перпендикулярен чашеобразной поверхности, а представлял собой как бы их равнодействующую. Вита поднималась все

выше и выше, утирая со лба пот. От несоответствия реальной и ощущаемой вертикали кружилась голова. Расстояние до горизонта неправдоподобно уменьшалось. Еще несколько шагов – и она ступит на край...

Она не осмелилась поставить ногу на сияющую кромку. Вся панорама окрестностей расстилалась перед ней далеко внизу. Дома как спичечные коробочки, рощи – зеленые кляксы, дороги – серые нитки. Виту замутило от головокружения, она зашаталась на самом краю и чуть было не полетела туда, вниз, с высоты птичьего полета... Но ее крепко удержала невидимая преграда.

Она лежала на самой границе, полыхающей голубым холодным пламенем, и широко раскрытыми глазами смотрела перед собой. Вблизи она четко разглядела, что слой земли истончается на краю, постепенно прозрачнеет и наконец становится совсем незримым, но остается прочным. Вита стукнула кулаком по невидимому барьеру. Он был тверд, как камень.

Вита встала на четвереньки и осторожно поползла вперед через светящуюся границу. И вот она стоит на прозрачной поверхности, а под ней небо, и лишь далеко-далеко – земля. Пленка барьера даже не прогибалась под ее тяжестью.

Она отползла назад и с раздражением уставилась на непреодолимую преграду. Если бы голубой край действительно был краем! Она бы придумала что-нибудь. Она сплела бы веревочную лестницу, соткала бы парашют... То, что

ей никогда в жизни не приходилось прыгать с парашютом, а в ткачестве она понимала еще меньше, ее не смущало. Ей слишком хотелось домой.

Но барьер был сплошным. Вита в припадке ярости замолотила кулаками по прозрачной стене. Злые слезы брызнули из глаз.

– Неужели, неужели я не выйду отсюда?

Да, ты не выйдешь, отдалось в ее мозгу.

Она вздрогнула:

– Кто это?

Аррхх.

Слева подплыла пасть гигантского змея.

– Это ты? – недоверчиво спросила Вита.

Молчание. Наверное, почудилось, решила она. Что ж, надо поворачивать обратно. Голыми руками дыру в барьере не пробьешь.

Она поднялась на ноги и повернулась к Хешшираману, еще недавно бывшему частью Битцевского парка. Сдавленный крик невольно вырвался у нее из горла. Она стояла на краю чаши, вот-вот готовящейся опрокинуться и прихлопнуть ее сверху. Она не успела осознать, что за эффект был виной этому впечатлению, да ей и дела до этого не было – ее охватил мгновенный ужас. Она увидела нависающий над ней под нелепым углом замок, Бетреморогскую башню, так рискованно наклонившуюся, что ее жуткое содержимое вот-вот могло выплеснуться наружу черными клубами, деревья, тор-

чашие, словно терапевтические иглы, из морщинистой кожи земли, озеро, в котором вода держалась каким-то чудом... Все закружилось у нее перед глазами и померкло. С отчаянным воплем, теряя опору, она покатилась вниз к Хешшираману, обдирая локти и колени.

4. Услышанное

Вита пошевелилась. Тотчас же отозвались ссадины. Было больно.

Она лежала на обочине шоссе, исцарапанная и избитая твердой и шершавой поверхностью асфальта. Вот и еще одна неприятность, грустно подумала она. А впридачу – изорванный сарафан. Она представила, как спросит Фаирата с усмешкой: «Кто это тебя надоумил кататься по колючей проволоке, милая? Сарафан в крупную сетку – гм, неплохая идея, но, боюсь, змея ты этим не обольстишь». Вита даже стиснула зубы.

Охая, она села. Ободренные места ныли, но вроде ничего не сломано. Ишь, размечталась о парашюте, горько подумала она. А у самой голова закружилась всего-навсего от непривычного устройства этой части пространства.

Вита не воспринимала магический барьер, как чудо. Конечно, он приводил ее в некоторое замешательство, как и полупризрачный замок Хешшираман с хозяйничающими там духами, и гигантский змей, послушный Фаирате, и – сильнее всего – клубящийся Флиф, вытягивающий из своих жертв

жизнь и саму материю. Но все это несомненно имеет объяснение с точки зрения каких-то законов, пока еще неизвестных большинству. Дикарю, не знающему об электричестве, простая лампочка показалась бы чудом, а полосатый жезл гаишника, по мановению которого страшные рычащие железные чудовища останавливаются и извергают растерянных проглоченных людишек – настоящей волшебной палочкой. Но и в наш просвещенный век знания человека все еще слишком ничтожны, и сейчас Вита получила этому подтверждение. Она столкнулась с неведомым, которое, если бы она сама в нем не участвовала, показалось бы ей сказкой. Однако реальность состояла в том, что вот она здесь, отрезанная от всего мира, под надзором черной с золотым кишки-переростка, назначенная лекарством от чудовища, глотающего души. Ей оставалось только принять эту реальность и признать существование неоткрытых законов, которые бы описывали ее. Барьер был для Виты не мистической преградой, а встреченным впервые физическим явлением. Возможно, это и придавало ей силы.

– Я убегу отсюда, – прошептала она, сжимая окровавленные кулаки. – Я найду путь через барьер!

Ты не убежишь, послышалось ей.

– Тогда, – воскликнула она вызывающе, – тогда я покончу с собой, но не достанусь Флифу!

Ты не покончишь с собой, пока я отвечаю за тебя, Вита-Упрямица.

Вита уставилась на змея. Тело его загадочно посверкивало золотом в лучах заходящего Солнца.

– Ты все-таки говоришь. Почему ты молчал, когда я тебя спросила?

Я не отвечаю на глупые вопросы.

Вита задохнулась. Эта живая электричка с пастью размером с холодильник еще и разумна! Да к тому же поучает ее, Виту, свысока... Пока Вита переваривала новую информацию, змей флегматично помахивал хвостом, валя деревья.

– Ты... – спросила она осторожно, – откуда ты взялся такой?

Я сын Флифа, был ответ.

Вита в ужасе зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Мысль о родстве ее стража с этим олицетворением мрака и жути повергла ее в глубочайшее смятение и всколыхнула все уснувшие было страхи.

– Ты такой же, как Флиф? – пролепетала она с замиранием сердца.

Я не Флиф, ответил змей без тени эмоции, *я Аррхх.*

Вита не совсем поняла, что он имеет в виду.

– А чем ты питаешься?

Молчание. Относился ли этот вопрос к глупым, или же змей не хотел на него отвечать? Неужели он тоже сжирает людские души? Вита инстинктивно отодвинулась, хотя ни три, ни пять метров расстояния не смогли бы защитить ее от гиганта.

Путь к замку они проделали молча. Вита иногда с тревогой оглядывалась через плечо, но змей следовал за нею на почтительной дистанции.

Огромная зала была пуста. На столе остывали остатки ужина. Вита в одиночестве поела кальмаров в кляре, запив их белым вином, и побрела по замку в поисках ванны. Она смертельно устала, движения причиняли ей боль, а страх перед наступающими сумерками прогонял любые намеки на мысль искупаться в озере, даже если они не изживались первыми двумя причинами.

В одном из темных коридоров она прислонилась к стене, чтобы передохнуть и сориентироваться: планировка замка оставалась тайной для Виты, несмотря на вроде бы неплохое пространственное воображение. Похоже, пространство тут имело какую-то иную геометрию, чем та, к которой она привыкла. Может, даже и переменную.

Вдруг она услышала голоса. Голоса звучали гулко, невозможно было понять, откуда они доносятся. Наверное, в стене шла труба.

– Осталось не столь уж много времени до назначенного дня, – резко и раздраженно говорила Фаирата, – а вы так и не узнали, что делать с этой девушкой!

– Изучать книги – не очень-то легкий труд, – донесся бархатистый голос Бэлы, черноволосой компаньонки Фаираты. – Ты сама это знаешь. Если бы ты читала их почаще, мы бы сейчас жили в свое удовольствие, а не гадали, как изба-

виться от Того, Кто Жрет Души.

В голосе Фаираты прозвучало бешенство:

– Теперь уже поздно сожалеть об этом! И я жду от вас помощи, а не упреков. В конце концов, я сделала достаточно, чтобы исправить содеянное. Я нашла эту Виту и заманила ее сюда, я воздвигла магический барьер, чтобы она не дала деру...

– Конечно-конечно, – умиротворяюще произнесла Бэла. – Кроме того, этот барьер весьма полезен тем, что ограничивает число черных призраков – порождений Пожирателя... как ты думаешь, кстати, когда он поглотит всех, кто оказался по эту сторону, он не бросится на нас с голодухи?

Нервозность послышалась в ответе Фаираты:

– Пока мы находимся в замке, мы под защитой Хешшкора.

– По-моему, Хешшкор не слишком заботится о тебе. Когда ты его вызвала, он даже говорить с тобой не захотел. Может, он обижен, а? Может, он имел на тебя особые виды?

– Прекрати! – заорала Фаирата, потеряв самообладание.

В наступившем молчании снова вкрадчиво заговорила Бэла:

– Да простит меня всемогущий Хешшкор, покровитель этого места, за неосторожное предположение. Однако меня весьма удручает перспектива провести век за этим барьером, который держит здесь не только Виту и Голодного Флифа, но и всех нас. И поэтому, – она повысила голос, видимо, заметив, что Фаирата собирается возразить, – поэтому я взя-

лась за книги. И я делаю, что могу, потому что это и в моих интересах, Фаирата.

– Ничего мы не найдем в этих проклятых книгах! – взорвался вдруг Сергей. Ага, и красавчик, стало быть, с ведьмами. – Я уже весь в пыли этих талмудов, а результат – ноль! – в голосе его сквозила паника. – Надо отдать ее на съедение Флифу, и дело с концом. Зачем еще может пригодиться эта девчонка? Пусть он ее сожрет и отравится, или подавится...

– Нет, – твердо сказала Фаирата. – Мы сделаем это лишь в том случае, если найдем прямое указание. И пока мы его не нашли, ни один волосок не упадет с ее головы!

Возможно, Фаирата и порядочная сволочь, подумала Вита, но все-таки не маньячка-садистка, как она опасалась. По крайней мере, без необходимости она не тронет Виту. Знать бы еще, не возникнет ли эта необходимость? И когда наступит роковой день? Заглянуть бы краешком глаза в эти ее книги!

Словно услышав ее, Бэла проговорила мягким кошачьим голосом:

– А если мы не найдем никаких указаний до назначенного дня? Времени осталось мало.

– Так ищите! – рассерженно зарычала Фаирата. Раздался хлопок двери, и Фаирата мучительно простонала: – О, если бы у меня был перстень Тюремщика Флифа...

Вита наткнулась на Фаирату, блуждая по коридорам. Та, по обыкновению, встретила ее насмешливой улыбкой, и

Вита вспыхнула, готовясь вызывающе ответить на любую шпильку. Но по мере того, как Фаирата пристально разглядывала свою пленницу, улыбка медленно сходила с ее лица.

– Тебя что, Флиф искушал? – она все-таки исторгла из себя насмешку, но тон ее не был язвителен.

– Мне нужна ванна, – буркнула Вита.

И если ты мне ее не предоставишь, добавила она про себя, я устрою истерику, какой Хешшираман не видывал со дня своего основания – а замок казался древним.

Рядом возникла открытая дверь в мягко освещенное помещение. Фаирата жестом предложила ей войти.

С полчаса Вита нежилась в душистой ванне. Царапины и места, где была содрана кожа, слегка пощипывало. Приятный слабый свет, шедший прямо из стен, успокаивал глаза, легкий аромат шампуня навевал сон. Вита отдыхала душой. Она ловила минуты блаженства среди кошмаров и невыносимой неопределенности. На некоторое время она даже забыла о Флифе и о том, как она оказалась здесь. Она вылезла из ванной, завернувшись в огромное махровое полотенце, в благодушном настроении.

Фаирата пила кофе в своей комнате. Виту допустили сюда впервые. Двери Хешширамана сами решали, кого и куда пропускать, и нынче Вите выпал бонус. Темнота за окном была прикрыта тяжелой зеленой шторой, на неразобранной кровати – зеленое же покрывало. На стенах и полу – ковры с серо-коричневыми орнаментами. Фаирата подперла голову

рукой, словно в тоскливом ожидании облокотившись о низкий столик с ароматической свечой в вычурном подсвечнике. Что-то ее тяготило.

– Ты бы наколдовала мне что-нибудь надеть, – сказала Вита, входя. Просьба ее прозвучала бы как требование, если бы не умиротворенный после ванны тон.

Фаирата усмехнулась:

– Добывать такую ерунду колдовством? Открой шкаф и выбери себе, что хочешь.

Створки шкафа распахнулись, и у Виты разбежались глаза. Одежды у Фаираты хватало на все случаи жизни. Вита прошла к шкафу по мягкому ворсистому ковру, приятно щекочущему босые ступни. Она пробежалась глазами по трико, лосинам и маечкам, и жадно уставилась на платья. Вот, к примеру, это серебристо-серое, которое наверняка великовато хозяйке, придется ей впору... Или нет, лучше вон то, бледно-голубое с разрезами... Подобные туалеты нормальные девушки надевают два раза в жизни: на выпускной вечер и на свадьбу, но Фаирата, насколько Вита изучила ее привычки, таскала роскошные наряды по любому поводу. Да и Бэла, что ни день, в новом белоснежном костюме, и ведь не пачкается, зараза. Интересно, все колдуньи такие? А вот очаровательная кофточка из сплошных черных кружев, такая очень понравилась бы Лёшке... То есть не то чтобы он захотел напялить ее *на себя*... Юбка до пола из золотой парчи, и от талии до подола – мама родная, золотые застёжки!.. Вита при-

мерялась то к одному, то к другому, пока из-за окна не потянуло знакомым леденящим душу холодком. Она вздрогнула и, поплотнее закутавшись в полотенце, поспешила отойти подальше от окна.

– Флиф, – глухо констатировала Фаирата, оторвав взор от дымящейся чашки и устремив его на окно. Вита поразилась тому, сколько ненависти было в ее прищуренных глазах. – Проклятая тварь...

– Мне казалось, что вы одного поля ягоды, – заметила Вита.

– Никто, – резко ответила она, вперясь в сжавшуюся Виту огненным взглядом, – никто не стоит по одну сторону с Пожирателем! Он – глотка, в которую может угодить весь мир.

Вита с омерзением содрогнулась.

– Забирай манатки и уваливай, – Фаирата отвернулась и снова уставилась в чашку.

Косясь на мрачную колдунью, Вита принялась торопливо отбирать вещи. Ей вдруг пришло в голову, что это великолепие нарядов выглядит как-то похоронно. Во все лучшее одевают мертвецов. Ассоциация испугала ее. Она выбрала легкие брюки, простую рубашку и ветровку на случай плохой погоды.

5. Раздумья

Несколько дней Вита зализывала раны. Плохая погода не заставила себя ждать: жара разродилась дождями, и боль-

шую часть времени она проводила в замке Хешшираман. Когда за окном сквозь шелест струй можно было различить лишь серую мглу, мрачный замок казался даже уютным. Впрочем, Вита не оставляла мысли о побеге. Вот только заживут стесанные колени, думала она. Я найду способ вырваться отсюда. В конце концов, я сделаю подкоп под барьером. Надо только восстановить силы.

А пока она в тоске смотрела в промозглую тьму за окном или бродила по извилистым коридорам Хешширамана. Далеко не все комнаты замка были доступны ей. Иногда двери по бокам коридора исчезали, едва она поворачивалась к ним, чтобы взяться за ручку, и появлялись в глухой стене, если по коридору шла Фаирата или Бэла. Как ни старалась Вита, как ни сверлила глазами стены, перед ней они открываться не желали. Сергей, красивый молодой человек с нервным выражением лица, тоже не мог влиять на двери. Почему-то Вита испытывала от этого мерзкое удовлетворение. Парень ей не нравился, несмотря на его красоту. Она не могла забыть подслушанной фразы: «Отдать ее на съедение Флифу, и дело с концом». Как-то она поймала себя на том, что чувствует к нему даже большую антипатию, чем к Бэле и Фаирате.

Правда, Бэлиным равнодушием к ее судьбе и Фаиратиным нежеланием причинять ей вред она не обольщалась. Она прекрасно понимала, что если они найдут наконец запись о том, что Виту следует принести в жертву, они это сделают не колеблясь. Ею владело непроходящее желание под-

смотреть, что написано в магических книгах. И однажды ей повезло.

В один из тоскливых вечеров, завернув в своих блужданиях за угол коридора, она неожиданно увидела, как Бэла выходит из комнаты. Не заметив Виту, колдунья направилась в противоположную сторону. Вот ее белые, в контраст черным как уголь волосам, одежды скрылись в темноте, и Вита с замиранием сердца выступила из скрывающей ее тени. Дверь еще не начала затягиваться. Вита подскочила к ней, боясь, что вот-вот, и дверной проем исчезнет. Но она успела – едва, но все-таки успела. Перепрыгнув порог, она почувствовала, что за ее спиной сомкнулась стена.

Переведя дух, она огляделась. Да! Сердце ее загорелось. Это была библиотека. На огромном дубовом столе разложены старинные фолианты. Вита двинулась к ним... но не смогла отступить от стены и на полный шаг.

В панике она обернулась. На лбу выступил пот облегчения, когда она увидела, что в стене остался краешек ее рубашки. Она рванулась. Нити затрещали, и лоскут, зажатый стеной, оторвался. На мгновение Вита похолодела, представив, что было бы, если бы она попыталась войти на секунду позже. Не оказалась ли бы она заживо замурованной в стене? Или вовсе раздавленной?

Но мысли эти быстро уплыли. Перед нею лежали вожде-ленные тома. И она, подлетев к столу, отвернула первую попавшуюся пыльную, тяжелую, покрытую золотым тиснением

и изображениями звезд обложку. Витиеватые буквы бежали по древним страницам. Вита перелистнула книгу. Ничего не понятно. Она взялась за другую – та же самая картина.

У нее вырвался непроизвольный стон. Она добралась до источника необходимой информации, но не предвидела, что преградой будет незнакомый язык! Она так радовалась, что очутилась здесь, в этой комнате, по случайности, казавшейся счастливой... и все это бесполезно.

Она перевела взгляд на то место, где находилась дверь. А как же она выберется отсюда? И что она скажет, когда Бэла вернется и обнаружит ее тут? Этого она тоже не предусмотрела.

В ярости она стукнула по толстому фолианту кулаком и закашлялась в облаке поднятой пыли. Проклятие!

Несколько часов спустя ее нашли Бэла и Сергей. Она сидела, уронив голову на стол на крохотном пятачке, свободном от книг.

– Это еще что такое? – Бэла удивленно приподняла черные брови, воззрившись на Виту.

Сергей был более оперативен. Он подошел и грубо встряхнул ее за ворот:

– Ты что здесь делаешь, мерзавка? Как ты пробралась сюда?

Вита попыталась вырваться, но он держал ее крепко. Она взглянула на него с ненавистью. Руки его были потными.

– Если ты сейчас же не признаешься, что тут вынюхивала,

я тебе все волосы выдеру по одному!

Собираясь начать осуществление угрозы, он поднес руку к ее волосам. Вита, ощерясь подобно зверю, извернулась и цапнула его зубами за мякоть ладони.

Он неожиданно взвизгнул, отпустил Виту и затряс рукой, глядя на нее с ужасом. Вита метнулась к дверям.

– Я... я... – задыхаясь от злобы, проговорил он.

– Оставь ее, – услышала Вита стихающий голос Бэлы, на бегу огибая колонны. – Она не могла ничего понять из наших книг. Для нас нет зла, что она была здесь.

– Как ты посмела кусаться? – кричала на нее за ужином Фаирата; в гневе ее глаза сверкали огнем, как волосы. – Тебя здесь никто пальцем не трогает, а ты позволяешь себе!

Вита стиснула зубы.

Сергей принципиально не смотрел на нее. Ужин прошел в обстановке взаимного холодного презрения. На завтрак Вита не вышла. Придя в столовую залу час спустя, она поела остывшее. Через пару дней это вошло у нее в привычку.

Не желаю их видеть, говорила себе Вита. Смазливый грубиян и две колдуньи, озабоченные Флифом – хорошенькое общество! Она предпочитала им общество змея. Она больше не боялась Аррхха – опасалась, да, нельзя не опасаться сына самого Флифа, но Аррхх не делал ей ничего плохого. Он спас ее от ужасной участи... Конечно, он выполнял приказ Фаираты – охранять ее, в том числе и от Флифа. Может быть, предоставленный самому себе, он с удовольствием бы

ее сожрал – не зря же он умолчал о том, чем питается. Вита часто разговаривала с ним в эти долгие дождливые дни – ей надо было хоть с кем-то облегчить душу. Но мало утешения было в его ответах.

– Что со мной будет, Аррхх? – спрашивала она. – Если меня хотят отдать Флифу, почему они не сделают это сейчас?

Фаирате Хешшкора Огненный Локон, – змей питал влечение к длинным именам, таким же длинным, как и он сам, – открылось, что твоя встреча с Флифом должна произойти в день, когда расстановка магических сил будет роковой для него.

– Для него? А для меня?! – ее возмущало, что все обитатели Хешширамана поглощены проблемой укрощения Флифа, а ее личная судьба никого не волнует, ее держат как пешку – сделать ход и пожертвовать.

Ты встретишься с Флифом один на один. Так предопределено.

Виту передернуло:

– Я не желаю с ним встречаться! Я убегу, слышишь, ты, я не стану пищей для чудовища! Мне плевать на ваши проблемы, решайте их без моего участия!

Змей ничего не ответил.

В раздумьях у мокрого окна в голове у Виты начал выкристаллизовываться план. Она выроет подземный ход. Трудности не пугали ее, гораздо больший страх внушал кошмарный Флиф. Правда, она опасалась, что выполнению плана

помешает ее недремлющий страж. Аррхх сказал: «Ты не убежишь, пока я с тобой». И Вита склонна была верить этому. Он неизменно сопровождал ее во всех передвижениях вне замка, и он слишком могуч, чтобы одолеть его примитивными способами. Если бы она могла как-то усыпить его бдительность! Усыпить...

Ее вдруг осенило. Конечно, усыпить! Вот только чем? Где бы достать эфир? Она вспомнила, что в пляжной сумке у нее была водка. Пластиковые бутылки не разбились, и у нее имелся литр драгоценного реагента. Если ей удастся раздобыть серную кислоту, то для студентки химического факультета получить эфир – не проблема.

Вита даже знала, где стоит поискать кислоту. В тех домиках, хозяев которых пожрал Флиф, превратил в черные тени, были гаражи. Наверняка там есть кислота в аккумуляторах. Только надо быть осторожней. Аррхх не так глуп, как она раньше думала о змеях. Он не менее умен, чем она сама. И не менее опытен. Ей всего восемнадцать лет, а ему – сто тысяч, по его собственному признанию.

Выход был один, и Вита поежилась, когда поняла, что ей придется совершить. Действовать надо ночью. Ночью, когда все, и даже Аррхх, уверены, что она заперлась в своей комнате, трепеща перед прожорливой Тьмой.

Ей очень не хотелось оказаться беззащитной перед Флифом. Каждый вечер она думала о том, что ей предстоит, и залезала с головой под одеяло, как будто надеясь спастись

там от терзающих ее страхов. Но однажды она должна была решиться. И это произошло раньше, чем она сама рассчитывала.

Дождь приостановился на некоторое время, словно объявил антракт. Подышу свежим воздухом, решила Вита и вышла на крыльцо. Тут же рядом оказался Аррхх. Мокрая кожа его поблескивала золотом. Он молча свернулся и затих.

Она вдыхала влажный воздух, как будто хотела надышаться на всю оставшуюся жизнь. Сколько мне еще осталось, с грустью подумала она.

– Аррхх, – сказала Вита, – ты знаешь, когда наступит назначенный день?

Знаю, Вита-Задумчивая, – он никогда не говорил ничего лишнего.

Вита посмотрела на него с вопросом:

– Аррхх?..

Это случится в полнолуние, Вита-Зовущая-Меня-По-Имени.

Вита похолодела. Полнолуние... Это же совсем скоро! Надо бежать... Надо бежать немедленно.

Она чувствовала неловкость перед змеем, которого собралась обмануть, усыпить и оставить объясняться с Фаиратой по поводу пропажи пленницы. Но решение ее было твердо. Как бы искупая свою будущую вину, она разговаривала с ним долго и ласково – в последний раз.

– Аррхх, расскажи, как ты появился на свет.

Как и ты, Вита-Любопытная. Я появился на свет из чрева.

– Разве есть Флифы женского пола? – Вита ужаснулась, представив целое племя кошмарных существ.

Нет. Флиф один.

– Он что же, гермафродит?

Аррхх посмотрел на нее пурпурными зрачками, и она прикусила язык.

Моя мать – золотая змея Соа, что является в мир для добра.

– Для добра? Как же она могла... с Флифом?!

Змей промолчал, отвернув гигантскую голову.

– Прости, Аррхх, – мягко сказала Вита. Он не оборачивался. – И еще... спасибо тебе за то, что прикрыл меня там, на пригорке перед дачами.

Змей молчал. Вита нерешительно потопталась и ушла вовнутрь.

6. Побег

Спустился вечер. За окном была шуршащая дождем темнота. Лишь иногда проскальзывала Луна за бегущими облаками, зловеще-оранжевая, почти полная Луна. И тогда окрестности озарялись ее мертвенным светом.

Виту била нервная дрожь. Она выключила освещение, чтобы глаза привыкли к темноте, и теперь ей чудилось, что в каждом углу таится Тьма. Она разорвала простыню на по-

лосы, связала их дрожащими руками, подергала импровизированную веревку – вроде, достаточно прочная. Затаив дыхание, открыла окно, не зная, чего бояться больше – того, что рама скрипнет, и ее побег заметят, или того, что ждет за окном. Помедлила, наконец решилась: кинула через плечо сумку с двумя бутылками водки, закрепила веревку и полезла вниз, поминутно замирая от страха.

Стена ливня оглушила ее. Струи барабанили по капюшону, заливали лицо, стремились затечь за воротник ветровки. Ветер раскачивал Виту, повисшую на простынях. Она вцепилась в ненадежную опору мертвой хваткой. Когда она была уже внизу, долго не могла разжать руки, сведенные судорогой.

Наконец, ей это удалось, и она метнулась в лес. Только бы не нарваться на Флифа, молила она неизвестно кого, продираясь сквозь кусты. От мысли, что это может случиться, заныли зубы. Как метеор, промчалась она через лес, подгоняемая страхом, боясь оглянуться, и выскочила на пригорок. Вот они, гаражи. Она перевела дыхание, отерла воду с лица и со всех ног кинулась вниз, в лощину.

Домики стояли покинутые. В окно одного из них Вита увидела разбросанные игрушки, детскую кроватку. Все лежало так, словно сейчас хозяева вернутся. Только Вита знала, что они не вернутся никогда. И этот ребенок, чья молочная бутылочка стояла на столе рядом с миской, в которой плавали окаченные кипятком соски – этот младенец стал пи-

щей для мерзкого Флифа. Виту замутило, но она справилась с собой. Уж она-то Флифу не достанется!

Она обшарила все гаражи, в которые ей удалось проникнуть, и посливала серную кислоту из аккумуляторов в кастрюлю из жаропрочного стекла, найденную на кухне одной из дачек. Прихватила заодно и длинную трубу от глушителя, а также банку с вареньем из погреба, на который наткнулась по дороге.

Груженная добычей, Вита ввалилась на кухню ближайшей дачки и – бывает же везение! – чуть не споткнулась о ящик с бутылками. Водка, радостно встрепенулась она. Ну, теперь можно не беспокоиться: эфира хватит, чтобы усыпить двух таких Аррххов. Лишь бы не запороть синтез.

Она бросилась сооружать перегонный аппарат. Скоро установка из чайника и металлической трубы, приспособленной в качестве холодильника, была готова. Вита щедро наполнила чайник водкой, зажгла под ним газ, и через некоторое время в подставленный бидончик закапала азеотропная смесь: девяносто шесть частей спирта на четыре части воды. А на соседней плитке уже кипел, все больше концентрируясь, раствор серной кислоты.

А потом спирт и кислота были слиты воедино в многострадальном чайнике, и спустя некоторое время в сосуд-приемник упали первые капли отогнанного эфира.

Ночной зефир

Струит эфир, –

напевала Вита себе под нос, подчищая коркой зачерствевшего хлеба банку варенья. В эти минуты она была химиком, радующимся успешному синтезу, она даже забыла о Флифе, о вредной Фае, о мерзком Сергее... о том, для чего, собственно, этот синтез затеивался.

Небо на востоке начинало светлеть, когда Вита вышла обратно к замку со своей добычей: в руках она тащила два бидона диэтилового эфира, а за спиной – скрученный и прилаженный ремнями чехол от «Москвича».

Аррхх дремал под навесом с южной стороны замка. С противным ощущением, что она совершает гадость, Вита поставила оба бидона перед его огромными ноздрями и открыла их. Змей шумно вздохнул и пошевелился во сне. Вита развернула чехол и осторожно, боясь кашлянуть, накрыла его голову вместе с бидонами.

Спи спокойно, Аррхх. Надеюсь, это не причинит тебе вреда.

Она залезла по веревке в свою комнату и подождала, пока не появился из-за пелены дождя черный Флиф и не скрылся в Бетреморогской башне. Потом она спустилась в столовую залу. Никого еще не было: даже колдуньям надо спать. Вита быстро перекусила, завернула в пакет десяток бутербродов и, бросив их в сумку вместе с бутылкой минералки, выскользнула из замка Хешшираман.

Дня и ночи ей должно хватить. На шоссе она видела брошенный экскаватор. Даже если бак у него пуст, в дачном по-

селке можно достать несколько канистр топлива.

Дождь кончился на рассвете, и выглянуло Солнце, чуть прикрытое туманом. От земли, превращенной ливнем в жидкую кашу, шел пар. Виту радовала грязь: ее легче копать, чем твердую высушенную почву. Она пригнала экскаватор к намеченной позиции, съехала с мокрого шоссе в непролазную возюку и начала работу, поминая добрым словом своего отца – экскаваторщика, дававшего ей в детстве «поручить». Увы, в седьмом классе мама решительно положила конец неуместному для девочки баловству, но кое-что осталось в памяти.

Время от времени она выходила из машины и укрепляла стены своего микротоннеля сушняком, большими камнями и железными прутьями из дачных оград. Она ободрала себе руки до мяса, запыхалась, вывозилась в грязи и чуть не надорвалась. Но она знала, что должна выбраться, чего бы ей это ни стоило.

В полдень она передохнула. Съела пяток бутербродов, запила водой. Солнце шпарило всюду, лужи на шоссе высыхали. Она скинула ветровку. Немного прищурилась, поглядев в сторону замка – никакого шевеления. Аррхх спит, ее замысел еще не раскрыли. Что ж, отлично. Она с удвоенными силами продолжила работу.

День приближался к концу. Вдруг среди комьев глины в ковше экскаватора что-то блеснуло в закатном луче. Вита остановила машину. Может быть, это и не стоило ее вни-

мания, может быть, разумнее было бы не терять времени и копать дальше. Но все-таки Вита, несмотря на грязное лицо, ободранные ладони, рабочую одежду и свое странное занятие, была девушкой восемнадцати лет. Блеск привлек ее, точно сороку. А вдруг это золото, подумала она.

Она подбежала к ковшу, сунула руку и выудила оттуда прямоугольный предмет. Аккуратно очистила его от грязи рукавом... и приоткрыла рот от изумления. Это была золотая шкатулка – несомненно, золотая, Вита даже попробовала ее на зуб. Она была расписана замысловатым чернением, и Вита загляделась. Чудесные животные, растения, красивые девушки и сильные мужчины покрывали всю поверхность шкатулки. А что же внутри? Вита откинула крышку и ахнула: у нее глаза разбежались от чудных украшений, колец, кулонов, браслетов... Она взяла перстень с камнем густого синего цвета, слегка прозрачным, так что в глубине этой потрясающей синевы угадывалось какое-то мерцание. Вита щелкнула языком от восхищения и надела перстень на свой изуродованный палец. Боже, какая красота! Не в силах устоять, она вдела в уши синие серьги в золотой оправе и стала выбирать, что бы еще надеть...

И тут сзади надвинулся ледяной холод. Вита задрожала, почувствовав за спиной чье-то нехорошее присутствие. Она быстро обернулась к экскаватору, и успела лишь увидеть, как он проваливается вниз. Земля дрогнула у нее под ногами. Стены так старательно прорытого ею подземного хода с гро-

хотом обрушились.

– Нет, – простонала она.

К ней, злобно клубясь, полз огромный неумолимый Флиф. И рядом не было Аррхха, чтобы спрятать ее.

– Нет, еще не полнолуние! – вырвался у нее страдальческий крик.

Но чудовищу было все равно. Она хотела бежать, но ноги подкосились, она упала, хватаясь руками за сырую землю, стараясь вжаться в нее под напором Тьмы. Флиф приближался. Вита почувствовала, что становится трудно дышать, словно горло перетягивают ледяным жгутом.

Чернота нависла над ней. Отчаянным жестом перепуганного ребенка она прикрыла голову руками.

И вдруг ее словно отпустило. Вернулась легкость дыхания, пропал озноб. Вита осторожно раздвинула пальцы и поглядела через них одним глазком. Черная громада Флифа замерла над нею в неоконченном движении, как каменное изваяние, подобно половине разведенного моста.

Пошатываясь, она поднялась. Под ногами в свете Луны сверкнула шкатулка. Вита нагнулась и бережно положила ее в сумку.

Флиф застыл и не подавал признаков жизни. Неуверенно хмыкнув, Вита огляделась... и не поверила своим глазам! Барьера не было. То есть он был, он сиял голубым огнем и слева, и справа, и сзади, но прямо перед нею и Флифом поверхность искривлялась вниз, словно чаша превратилась в

ковш, носик которого свисает до самой земли. Сияние в этом месте бледнело и исчезало. Выход! Вита схватила ветровку и ринулась туда. Сумка колотила ее по спине.

Вырвавшись за край барьера, она почувствовала себя в безопасности. Вокруг были леса и пустыри, в получасе ходьбы – окраинные многоэтажки, во дворах которых ночами собирались не самые приятные компании. Но это Виту не волновало. После ужаса, перенесенного ею наедине с жутким чудовищем, грабители в ее представлении казались милейшими людьми, а насильники – просто душками. Возможно, кое-кто с нею не согласился бы – кто не видел Флифа. Вита шла по лесной тропе, освещенной Луной, беззаботно насвистывая.

На холме она обернулась, чтобы помахать ручкой этому проклятому месту... и сердце ее заныло. Через брешь в барьере перетекала Тьма. Флиф ожил!

Вот последние вихри миновали носик ковша, Тьма сгустилась, угрожающе закружившись. Брешь начала затягиваться. Вита смотрела, не шевелясь, на то, как вновь формируется барьер. Боже! Барьер, преодолеть который бессильна Фаирата, поставившая его, подвластен Флифу! Эта тварь еще опаснее, чем казалось вначале, хотя и час назад вряд ли Вита считала что-то более опасным.

Вита сглотнула и вновь побежала. Нет, она не останется здесь, в этом городе, вокруг которого разгуливает Флиф. Она едет к родителям, немедленно!

У поворота на окружную дорогу ее чуть не сбила машина. Взвизгнули тормоза, Вита дернулась в сторону.

– Такси! – с облегчением выдохнула она, хватаясь за рукав шофера, открывшего дверцу, чтобы сказать бросающейся под колеса пару теплых слов. – Срочно, на Киевский вокзал!

– Я еду в парк, – проскрипел шофер.

– Я заплачу! – закричала Вита невпопад, и что-то было в ее голосе такое, что шофер почел за лучшее не спорить.

7. За барьером

В глухой ночи Киевский вокзал оставался оживленным местом. Свет, шум, толпы народа; носильщики и таксисты, зазывающие своих жертв... Чемоданы и авоськи, запах пирожков с мясом, сигарет и тепловозного дыма... Так было всегда. А сейчас Вита почувствовала, что в воздухе вокзала носится что-то ранее не присущее ему, что-то чужеродное и тревожное. Может, это я принесла с собой тревогу, предположила она, стараясь себя успокоить, и прошла к кассам.

Дама за прозрачным пластиком вопросительно посмотрела на Виту.

– Будьте добры, билет до Феодосии, – попросила она.

– Минуточку, – та нажала несколько кнопок, и по экрану перед ней поползла информация о наличии мест в поездах. – Вам на сегодня?

– Да, да, – закивала Вита радостно. Она видела на экране,

что на сегодня есть свободные места.

Дама за стеклом открыла рот... и вдруг глаза ее расширились, словно пораженные внезапным ужасом, она рванула себя за воротник и в мучении схватилась за горло, из которого исторгла механическая фраза:

– Билетов нет.

– Как же нет, – запаниковала Вита, – как же нет, когда вот они, есть!

Возможно, кассирша была с ней полностью согласна, но что-то не позволяло ей сказать это.

– Билетов нет, – скрипуче повторила она, скорчившись будто от боли, и вдруг метнулась к дверям и пропала.

Вита бросилась к следующей кассе:

– Девушка, до Феодосии, пожалуйста!

Тот же дикий взгляд, та же смесь страдания и изумления во взоре, и жест тот же: как будто ее душили, и она хотела освободиться от тисков. И тот же ответ:

– Нет билетов.

Девушка из кассы напротив смотрела на это вытаращенными глазами. Вита повернулась к ней. Та в испуге замахала руками и убежала, не дожидаясь, когда она к ней обратится.

– Да что же это? – простонала Вита.

Взгляд ее упал на табличку: «Междугородный телефон». Надо хотя бы позвонить родителям! Они и не знают, что с ней произошло. Она нашарила жетон и устремилась туда. Цепляясь за диск непослушными пальцами, набрала номер

гостиницы, где остановились родители с Вале́й. Ничего – ни гудков, ни отбоя. Зловещая тишина в трубке. Еще одна попытка – снова молчание. Вита сильно занервничала. Почему она не может дозвониться? Что препятствует ей уехать?

Набирая номер в пятый раз, она краем глаза заметила нечто, повергшее ее в смятение. Дверь из зала ожидания приоткрылась, и в помещение с телефонами вползла женщина. Именно вползла – у нее не было ног. Вместо ног и нижней половины туловища чернела газообразная темнота, она извивалась за нею подобно змеиному хвосту.

Вита со свистом втянула в себя воздух и выронила трубку. Это была та дама из билетной кассы. На лице ее словно застыла искаженная маска. Она тянулась к Вите с нечеловеческим упорством.

Вита выскочила из кабины и, огибая жуткого наполовину человека, наполовину тень, помчалась к выходу. Кассирша стремительно поползла за ней.

В зале ожидания бушевала паника. Люди, еще оставшиеся людьми, просыпались от воплей тех, кто видел кошмарное превращение своих соседей. Они словно распространяли вокруг себя заразу: всех, кого касались перерожденные призраки своей новой дымной материей, ждала та же участь. Женщины визжали, матери хватали детей и ломались к выходам, где их уже поджидали темные порождения Флифа.

Вита не сомневалась в прямой причастности Флифа к этому кошмару. Он покинул Хешшираман, прошел через ба-

рьер; это он не давал ей связаться с семьей; он преследует ее. Зачем? Зачем ему нужна именно она? И если так, то почему он не тронул ее там, у барьера, когда она была уже в его бесплотных лапах? О боже, в отчаянии ломала она руки на заднем сиденье машины, несшей ее к дому. Неужели все эти люди на вокзале погибли из-за нее? Лучше бы они попали в железнодорожную катастрофу! То, что случилось с ними – хуже, чем смерть, во сто крат.

У своего темного подъезда она расплатилась с водителем и вызвала лифт. Тени, преследовавшие ее, отстали. Надолго ли? Трясущимися руками она с трудом попала ключом в замок. Войдя, немедленно включила свет и крепко заперла за собой дверь, отдышалась.

– Витка! – послышалось из гостиной, и к ней вышел Лёшка, поправляя русый «ежик» знакомым до боли и смешным до слез движением, радостный, веселый, такой родной... – Где ты запропала? Господи, как ты выглядишь!

Лёшка! Он же должен приехать только двадцать пятого... Она вдруг поняла, что двадцать пятое было позавчера.

Вытирая со лба липкий пот, Вита пробормотала:

– Лёшенька... Здесь опасно. Уходи. Тут с минуты на минуту может начаться такое...

– За тобой что, бандиты гнались? Сейчас позвоним в милицию, и все будет путем, – он расторопно открыл бутылку пива. – На, выпей и отдышись.

Она глотнула из бутылки. Лёшка смотрел на нее свои-

ми серыми глазами ласково и ободряюще, и она чуть-чуть расслабилась. Самое страшное позади, теперь с ней Лёшка, храбрый, сильный и умелый, и можно уткнуться расцарапан-ным носом в его широкое надежное плечо и выбросить все проблемы из головы. Все будет хорошо. Он не даст ее в оби-ду. Он защитит...

От Флифа?

– Уходи, умоляю тебя! – она вцепилась в его рукав так, что, вздумай он выполнить ее просьбу, ему пришлось бы оставить в нервно сжатых пальцах изрядный кусок рубаш-ки. – Уходи! Я не могу подвергать тебя опасности.

– Ну нет, – он решительно заключил ее в объятия. – Какая бы опасность тебе ни грозила, я буду с тобой. Ты прекрасно это знаешь.

– Но...

– Молчи, – он запечатал ей рот поцелуем. – Иди, приведи себя в порядок, а потом все мне расскажешь.

Она улыбнулась, через силу отпустила его рукав и скры-лась в ванной.

Горячий душ пришелся весьма кстати грязной, продрог-шей, переволновавшейся Вите. Она искренне наслаждалась, как и раньше, в ванне замка Хешшираман. Однако она не могла забыть, каким кратким оказалось тогда блаженство.

Из комнаты раздался сдавленный крик. Вита похолоде-ла. Не вытираясь, она стремительно влезла в заготовленную одежду, впрыгнула в кеды.

– Лёшка!

В комнате было темно.

– Лёшка... – неуверенно повторила Вита.

Из угла выдвинулась бурлящая тень. Не в силах сдержаться, Вита закричала.

– Витка, – голос, казалось, исходил из какого-то механического агрегата. – Не подходи ко мне, Вита...

Это был еще он, ее Лёшка, но руки его... руки стали тенью Флифа.

– Лёшенька, это ты? – она не желала верить.

– Беги отсюда, скорей, – каждое новое слово давалось ему со все большим трудом, словно он постепенно терял то человеческое, что в нем еще оставалось.

Она смотрела на него с мукой:

– Лёшка... Ну зачем ты остался? О боже, это я виновата! Я должна была настоять на своем, выгнать тебя. Я же говорила, что здесь опасно...

– Теперь это все равно, – скрипнул он, как ржавый засов, и она вздрогнула. – Беги. Он боится тебя. И он хочет тебя уничтожить. Но он бессилен перед перстнем.

– Перед этим? – внезапная догадка озарила ее, она подняла перстень.

То, что оставалось от ее Лёшки, страдальчески застонало, прикрываясь от горящего на ее пальце синего огня.

– Да, перед перстнем Тюремщика Флифа! Он посылает нас... нас, своих теней, чтобы мы тебя окружили. Перстень

обездвижит одного, на кого он направлен, но остальные доберутся до тебя... Ты тоже станешь тенью. Беги. Беги, пока не поздно.

– Куда мне бежать?

– Туда, где ты сможешь победить его. Витка, сделай это... Все, я больше не могу сопротивляться! Прощай, Вита, – глаза его закатились, а руки закрубились гуще, словно зажали самостоятельную жизнь. – Беги, – прохрипел он в последний раз, и тьма поползла вперед, к ней, увлекая за собой его безвольное тело.

– Я люблю тебя, – всхлипнула она потерянно.

Но существо, подбирающееся к ней, уже не было тем, кого она любила. Вита в страхе кинулась прочь. Лестничная площадка кишела черными призраками. Беспорядочно размахивая рукой с кольцом, она прорвалась сквозь их толпу и, перепрыгивая через ступеньки, помчалась вниз, не дожидаясь лифта. Сумка болталась у нее на плече. Вита рыдала. Лёшка! Самый любимый человек на свете, он тоже отдал душу Пожирателю. Никогда больше он не скажет ей ласкового слова, не погладит с нежностью ее взъерошенный затылок... Лёшенька! Эта потеря потрясла ее больше, чем множество страшных смертей, виденных ею на дачах близ Хешширама-на и на вокзале.

Дверь подъезда хлопнула за ее спиной, и навстречу ей выкатилась Луна. Вита взвыла, как тоскующий волк. Луна была почти полной.

Она добилась своего – она за барьером, она оставила позади проклятый Фаиратин замок. Но что хорошего это принесло ей? Она одна на пороге своего подъезда, ее квартира осквернена чернотой, за нею гонятся темные призраки, ее любимый сгинул в вихре Тьмы, во власти ненавистного, отвратительного Флифа. Сейчас она остро поняла, что Флиф – это не чужие проблемы, от которых можно откреститься. Он грозит всему миру нашествием всепоглощающей Тьмы. Он пожрет все, что ей дорого... пожрет вообще *всё*, если его не остановить. Он уже начал, он лишил ее Лёшки. И она отомстит! Да, она отомстит.

Слезы на глазах высыхали. Горе уступало место ожесточению. У нее есть перстень, и она его использует. Как? Она узнает это. Она вернется к Фаирате и вытрясет из нее все. Беги туда, где ты сможешь победить его, сказал Лешка в последние секунды своего бытия. Она выполнит его прощальную просьбу.

Она глубоко вдохнула тревожный предрассветный воздух, поправила сумку и, не рискнув терять время на ожидания такси, побежала к Битцевскому парку. Где-то сзади плыли преследующие ее тени, но она больше не боялась. Она была полна решимости. И заходящая Луна странно посмотрела с небес на маленькую фигурку, бегущую, немного прихрамывая, сквозь ночь навстречу судьбе.

8. Союз

С лесистого взгорья она увидела снаружи чашу Хешширамана. И тут же стиснула зубы. Как она попадет туда? Она покрутила кольцом – не веря, что это поможет, так, на всякий случай. Ничего не изменилось. Вот черт! Она выругалась и поникла головой.

На востоке небесный мрак поблек, потерял черноту. Звезды начали гаснуть. И тут у барьера возникло шевеление. Вита резко подняла голову и уставилась на шевелящуюся внизу Тьму. Там был Флиф, и было еще целое море призраков. Сейчас меня вырвет, отрешенно подумала Вита, глядя на копошение черных языков холода. Холод дотягивался снизу и пробирал до костей, но она больше не чувствовала слепого ужаса. Довольно бояться этой мерзости. С нее хватит.

Флиф остановился перед барьером и стал выгибаться своим призрачным телом в каком-то чудовищном ритме. Свечение участка барьера перед ним начало бледнеть, цвет его перешел в красноватый. Вита вспомнила, как он высасывал из людей свечение их души. Здесь было что-то похожее. Барьер погас, и тотчас же навстречу Флифу скатился мост – носик ковша. Флиф и его тени двинулись по нему.

Надо проскочить за ними, подумала Вита. Ее могут заметить, но это единственный шанс попасть за барьер.

Узкий туннель уже начал затягиваться, когда Вита подбежала к нему. Она стремительно промчалась через сужающийся проход, и тут земля под ней дрогнула и вознесла ее вверх. Сдавленная перегрузкой, словно космонавт, разме-

стившийся не в кресле внутри ракеты, а прямо на ее носу, она не могла даже пискнуть. А когда немислимая сила исчезла, она обнаружила, что лежит в мокрой от предрассветной росы траве почти на самом краю чаши, лицом обратившись книзу. В трех-четыре метра позади нее невинным голубым огнем горел барьер. Как будто и не было только что в этом месте зияющей дыры.

Черно-золотая молния пронзила небо, и рядом с нею опустился змей.

– Аррхх! – она чуть не бросилась ему на шею. После Флифа с его мерзким воинством ее неудачливый страж казался ей родным и домашним. – Прости меня, Аррхх... Боже, как я устала!

Только сейчас она почувствовала, как болят мышцы ног и как неровно вырывается из ее груди дыхание. Эта ночь вымотала ее не только душевно, но и физически.

Змей аккуратно обвил ее кольцом, подняв на несколько сантиметров над землей, и они бесшумно заскользили к замку.

– Я вернулась, Аррхх, – шептала Вита, лежа в его прохладных объятиях и наконец-то чувствуя себя в безопасности. Глаза у нее слипались.

Она брела по коридорам замка, пошатываясь от усталости. Замок выглядел так, словно все духи, следящие за порядком, враз покинули его. Под ногами валялся мусор, двери беспорядочно торчали из стен. Строжайше охраняемая

от нее библиотека была распахнута настежь. Она вошла, печально потрепала раскрытую книгу: какая жалость, что мне не дано тебя прочесть. И вдруг замерла: витиеватые буквы дрогнули перед глазами и приобрели знакомые очертания. *«Рождение посвященных золотому Солнцу, – прочла она, – происходит...»*

Что-то щипало в левом ухе. Вита вынула сережку, в любопытстве не отрывая глаз от текста... и тут буквы вновь стали незнакомыми значками. Вита недоуменно покосилась на серьгу. Неужели в ней секрет? Вновь вдела ее в ухо – прояснился текст на русском языке.

Что ж, подумала она, если у меня есть перстень Флифа, почему бы не быть серьге-переводчице. Эх, найти бы сейчас место, где написано про Флифа!

Не успела она об этом подумать, как книга зашелестела страницами, вздымая многолетнюю пыль. И через полминуты перед ней, потирающей неожиданно щипавшее правое ухо, раскрылся украшенный черными полями разворот.

«Флиф Пожиратель Душ, – прочтала она, – зло, которому больше лет, чем Земле, был заточен в момент его пробуждения ото сна, в свете полной Луны. И когда покинет он свое узилище, наступят времена конца света для людей, и богов, и всех прочих, Землю населяющих. Потому следует тем, кому выпал жребий хранить узника сего в глубинах, исполнять долг свой тщательно. И должны те, кому это предстоит, отказаться от одной мирской радости,

ибо лишь жертва делает сильными тех, кто принадлежит своему богу. И дается им перстень Первого Тюремщика Флифа, дабы при желании одного выйти из глубин, в коих находится, парализовать его волю, сказав: «Возвращайся же туда, где ты должен находиться, светом полной Луны заклинаю тебя». Но пусть и они опасаются полнолуния, ибо перстень сей – палка о двух концах, и может его владелец ослабить своего бога»...

– Возвращайся же туда, где ты должен находиться, светом полной Луны заклинаю тебя, – шепотом повторила Вита, чтобы запомнить, и аккуратно закрыла книгу.

Дверь столовой залы была полуприкрыта – еще одно свидетельство царящей в замке апатии. Обычно двери были либо бдительно заперты и спрятаны, либо приглашающе распахнуты. Вита остановилась, не заходя в залу, и осторожно заглянула внутрь. Трое обитателей Хешширамана сидели на своих местах за огромным столом. Фаирата подперла виски руками, поза ее выражала безысходность. Бэла, насупившись, разглядывала потолок. Сергей был угрюм, и в его мрачных глазах нет-нет да и мелькали панические искорки. Вокруг стола гигантским кольцом обвился змей. Единственный из всех, он не излучал никаких отрицательных эмоций – невозмутимый, как всегда. Вита догадалась, что он не выдал ее возвращения.

– Что же нам теперь делать? – протяжно простонала Фаирата, не поднимая головы.

– Нужно было предусмотреть вариант, что девчонка не дура, – промолвила Бэла. – Она хитра и смела, надо отдать ей должное.

– Но где она, о всемогущий Хешшкор? Не могла ведь она пересечь барьер! По каким буеракам она прячется? А может, Флиф уже сожрал ее?

– Туда ей и дорога, – злобно буркнул Сергей.

– Замолчи! – взвилась Фаирата. – Ты, ты... ты даже не в состоянии понять, что она для меня значила! После всего, что ты натворил! Ты, только ты виноват во всем!

– Да? – скривился он в подобии усмешки. – А я-то думал, это была твоя идея!

Фаирата стиснула кулаки.

– И почему только он не сожрал *тебя*? – закричала она.

Бэла посмотрела на нее с отстраненным интересом. Словно опомнившись под ее взглядом, она уронила голову на руки и зарыдала. В глубине души у Виты шевельнулась жалость к колдунье.

– Итак, сегодня полнолуние, – напомнила Бэла. – Сегодня должно решиться главное: мы, весь мир – или Флиф. Что мы можем сделать?

Фаирата подняла мокрые от слез глаза:

– Ничего! Мы бессильны, а все потому, что эта пустоголовая толстомордая кишка, это Флифово отродье, этот безмозглый ублюдок дрых, как пожарник! – и она топнула ногой в сторону змея.

Аррхх равнодушно скосил на нее глаз.

– Все это подстроено нарочно! – вопила Фаирата. – Он предал нас, он забыл о том, что мы все обречены – и он вместе с нами! Он либо предатель, либо полный олигофрен!

Вита ощутила горькую обиду за обманутого ею Аррхха. Что ж, рано или поздно ей придется войти и прервать этот разговор. И она решила сделать это сейчас. Она распахнула дверь и шагнула вперед.

– Мне послышалось, тут назвали Аррхха предателем и глупцом, – холодно произнесла она. – Так вот: он не предатель, и он умнее всех вас, вместе взятых. И он не виноват. Я усыпила его эфиром.

Ей почудилось, что пурпурный глаз глянул на нее с благодарностью. В остальных же взглядах, направленных в ее сторону, читалось плохо скрываемое изумление. В выражении лица Сергея можно было, пожалуй, различить досаду на то, что она не угодила в пасть Флифа. К чувствам Бэлы примешивалось сдержанное восхищение. Фаирата же неотрывно уставилась на кольцо и серьги, она, как вытащенная из воды рыба, ловила ртом воздух.

– Ты... Это мои драгоценности!

– А мне кажется, что мои, – хладнокровно ответила Вита.

– Отдай их мне!

– Попробуй, возьми, – Вита вынула из кармана прихваченный из дома кухонный нож. Может, он был недостаточно остер, но по длине разрезал буханку вдоль.

– Аррхх! – задохнувшись, крикнула Фаирата.

Змей обратился к ней огромные пурпурные глаза. Вита поняла, что между колдуньей и ее змеем происходит обмен мыслями. Через полминуты Фаирата побагровела. Вита не могла представить, что сказал Фаирате Аррхх, но, во всяком случае, ей стало ясно, что он ничего ей не сделает.

– Я думаю, Аррхх прав, – проговорила Бэла. – Не пытайся отнять у нее перстень.

– Да, – Фаирата горько сжала плечи. – Тысяча проклятий! Мы все зависим от нее.

– Вот именно, – подтвердила Вита и села за стол, поигрывая ножом.

– Девочка, ты не понимаешь, как опасен Флиф, – сказала Бэла.

– Еще как понимаю. Он опаснее, чем вы думаете. Он может преодолевать барьер. И его темные порождения – тоже.

– Преодолевать барьер! – ахнула Фаирата, ее огненные волосы как будто бы побледнели от ужаса. – Откуда ты знаешь?

– Я была с ним рядом в этот момент. Я была за барьером и вернулась обратно по следу Флифа.

Бэла испуганно покачала головой.

– Это невозможно! – отчаянно воскликнула Фаирата. – Только приспешники Флифа могут идти по его следу! И этого не могут те, кто принадлежит иным богам. Ты что, служишь Флифу? – зрачки ее расширились.

– Я не служу никому, – отрезала Вита. – Плевать мне на

всех ваших богов. Да, я беззащитна, но никто и не властен надо мной! Я принадлежу только себе. И я пройду, где хочу, невзирая на идиотские запреты.

Некоторое время все молчали. Красавец Сергей уныло ковырял зубочисткой в зубах, исподлобья глядя на Виту. Бэла и Фаирата смотрели друг на друга, словно сознаваясь в том, *что* они проглядели в Вите. Сама же она застыла, пораженная неожиданно открывшейся ей истиной. Она – ничья. И в этом ее слабость и ее сила.

– Итак, – Вита первая нарушила молчание, – я нужна вам. И я могу ставить любые условия в обмен на свою помощь. Так вот, я желаю знать, из-за чего вышел этот сыр-бор. Из-за чьей промашки или умысла мир оказался на краю гибели?

Фаирата хлюпнула носом и заревела в голос, как школьница.

Бэла вздохнула:

– Наверное, я смогу рассказать тебе. Это ошибка неведения. Видишь ли, чтобы держать Флифа взаперти, нужно от чего-нибудь отказаться.

– Я знаю, – перебила Вита.

– Вот как? – откликнулась она с ноткой удивления. – Ну, хорошо. Фаирата появилась на свет семнадцать лет назад, и мать ее была при смерти. Умирая, она успела посвятить свою дочь Хешшкору и передать ей перстень Тюремщика Флифа, провозгласив как жертву, что та должна навек остаться девственницей.

При этих словах Сергей покраснел.

– Фаирату воспитывала моя мать, – продолжила Бэла. – Она очень хорошо понимала, что драгоценности, находящиеся при ребенке – большой соблазн для злых людей. Она зарыла их в тайном месте, чтобы вручить Фаирате, когда ей исполнится тринадцать лет.

– Почему именно тринадцать? – спросила Вита. Число показалось ей неудачным.

Бэла грустно улыбнулась:

– Это у нас, у колдуний и магов, что-то вроде совершеннолетия. К сожалению, моя мать не смогла передать никому из нас ни перстня, ни предупреждения. Она трагически погибла, неправильно сформулировав заклинание, – голос ее дрогнул: видно, Бэла, даром что колдунья, любила свою мать. – И перстень остался похороненным в земле, а тайна жертвы – в могиле с моей матерью.

Она помолчала.

– Об остальном ты можешь догадаться сама. Фаирата – нормальная девушка, не уродина. С чего ей было хранить девственность? Колдуньям чужды монашеские замашки. Лишь когда это уже случилось, – она неодобрительно взглянула на Сергея, – и Флиф Пожиратель Душ вырвался на волю, мы бросились листать магические книги и нашли там запись... Но было поздно. И мы стали искать другой выход из постигшей нас неприятности.

– Неприятность! – фыркнула Вита. Подумать только, ко-

нец света должен был наступить из-за того, что какой-то рыжей девчонке вдруг захотелось испытать радости интимной жизни! Но она посмотрела на всхлипывающую Фаирату, и сердце ее смягчилось. В конце концов, маленькая колдунья была невиновна в том, что никто не удосужился сообщить ей о ее важной миссии. И ее желание приобщиться к взрослым забавам она тоже не могла осудить. Вите сам ой шел девятнадцатый год, а в этом возрасте хотеть любви более чем естественно.

– Ладно, не реви, – неловко проворчала она, тронув Фаирату за тонкое плечо. – Пусть поганый Флиф поплачет!

9. Полнолуние

Стоял канун конца света. На опаленную летним Солнцем землю спускались сумерки, последние сумерки перед ночью полнолуния. Виту мучило неясное волнение – так бывало с нею и раньше, во время сессии, за день до экзамена. Но сегодня ей предстояло более суровое испытание, чем любой экзамен, даже по матанализу. Пульс бился чаще, и чувство то ли голода, то ли холода ощущалось острее. Она вышла на крыльцо, присела на каменные ступени. Мгновенный шорох – и рядом с нею свернулся громадный змей. Они молча глядели на постепенно темнеющие небеса.

– Аррхх, – сказала Вита. – Флиф – твой отец. Почему ты заодно с его врагами?

Он не ответил.

– Ты считаешь, что это глупый вопрос?

Ты видела Флифа? О чем же ты спрашиваешь?

Тени опустились вокруг, вышла из-за края барьера Луна.

– Аррхх, – она опять позвала его, и он повел бездонным глазом. – Знаешь, я боюсь.

Ты умна.

– Они могут достать меня сзади. Они могут окружить меня, и будь у меня хоть десять перстней...

Фаирата Хешикора Огненный Локон и Бэла Айанур Никогда-Не-Выходящая-Из-Себя охраняют тебя.

– Что они против воинства Флифа! – горько воскликнула Вита. – Они сами до смерти боятся. И... я им не доверяю. А этому жлобу с мордой киноактера – тем более.

Они не хотят причинить тебе зло и не позволят этого ему.

– И все-таки, Аррхх, я прошу: прикрой меня. Если за моей спиной будешь ты, я буду уверена на все сто.

Спасибо, Вита-Не-Знающая-Богов, услышала она после минутного замешательства.

На крыльце появилась Фаирата в черном платье, огненные волосы схвачены золотым обручем. Она дрожала, хотя ночь была теплая.

– Пора, – сказала она. – Флиф выходит из башни, и с ним – туча тварей. Они окружили замок.

– Куда нам идти?

– Ты должна встретиться с ним лицом к лицу. Вита, – Фа-

ирата остановила ее, когда она встала со ступенек. – Полнолуние – день перелома. Сегодня решится все: либо Флиф будет заточён, либо он навсегда освободится, и тогда... – она передернулась. – Если нам суждено сгинуть, то знай: я никогда ничего против тебя не имела. Извини, что я втравила тебя в эту историю, но у меня не было другого выхода.

Вита махнула рукой: мол, замечано, – и побрела к Бетреморогской башне, где в гнетущей тишине рос черный мрак.

– О Хешшкор, – пробормотала Фаирата, глядя ей вслед. – Что с ней будет? Даже если нам сопутствует успех, она может умереть. У нее просто не хватит сил. Это же надо – не иметь защитника!..

Змей скользнул за Витой.

Земля сейчас опасна, Вита-Спасительница-Мира, раздался в ее мозгу знакомый голос. Я могу поднять тебя в воздух.

Он завязался узлом вокруг ног Виты, и она с удобством расположилась в образовавшемся углублении. Впрочем, удобство сейчас занимало ее гораздо меньше, чем безопасность. Змей взмыл в воздух, и земля закружилась внизу. Вита судорожно вцепилась в гладкую кожу, увидев, что они оставили там. Земля была не просто темна, как полагается ночью, а черным-черна от собравшейся нечисти. Порождения Флифа приползли поддержать его в этой странной битве.

– Где же Флиф? – Вита уловила в собственном голосе отголоски истерики и попыталась взять себя в руки. Ей ничто

не грозит, пока рядом Аррхх... по крайней мере, надо стараться так думать.

Высыпали звезды. Луна горела ярким фонарем, и в ее свете бесплотная чернота, шевелящаяся внизу, казалась еще более черной. Вита вдохнула душноватый воздух и хрипло прошептала:

– Аррхх, давай снижаться.

Они медленно, как сухой лист, полетели вниз, туда, где клубился черными языками Флиф.

Ты будешь разбираться с ним одна, предупредил Аррхх. Я уйду назад.

– Конечно, – кивнула она, напряженно вглядываясь во Тьму.

Он ссадил ее в самой сердцевине кишашего тенями пространства. Ее пронзило холодом, она зашаталась, но устояла на ногах. Вокруг – слева, справа, сзади и спереди – было зло. Оно буквально ощущалось в воздухе – не запах, не цвет, а невидимое давление, сжимающее сердце и горло. Вита, с трудом распрямившись, обернулась вокруг себя, поводя рукой с перстнем – волна отхлынула, но лишь для того, чтобы потом накатиться снова. Аррхх висел в ночном воздухе точно за ее спиной. Она бросила последний взгляд в его сторону и повернулась прямо к Флифу.

Воплощенная Тьма клубилась перед ней. У этого чудовищного образования не было ни глаз, ни языка – Флиф не мог ни смотреть на нее, ни говорить с нею. Но она чувство-

вала, что он знает: она здесь. И он нанес удар – парализующий волевой импульс.

Вита задохнулась, не в силах управлять дыхательными мышцами. Флиф нависал над ней, и его призрачная материя заklubилась быстрее, жадно пуская по направлению к ней черные языки. Вита попыталась поднять руку, но ее словно сковало льдом, рука не гнулась. Сердце затрепетало в паническом ужасе, по спине пробежал озноб. Флиф придвигался все ближе, пользуясь ее беспомощностью. Она чувствовала, как холодеют конечности, и жизненная сила начинает вытекать из нее, и на место всех эмоций приходит равнодушие... Наверное, именно это чувствовали те, кто становился пищей Флифа, подумала она почти отрешенно.

Нет! Эта мысль встрепенула ее. Она не позволит ему сковать ее волю! Хватит этой мрази жрать!

– Нет! – закричала она на всю Вселенную, не раскрывая рта, и Тьма дрогнула перед этим безмолвным воплем. Медленно, с натугой, противясь железной бесплотной хватке, она начала поднимать руку с перстнем. Это стоило ей немыслимых усилий, будто она пыталась поднять многотонный грузовик. Руки разрывало от боли, легкие горели от недостатка кислорода, голова раскалывалась, и билась в висках бесполезная кровь, пустая, не несущая жизни. Как она слаба! Какой-то миг она боролась с желанием опустить руки и спокойно отойти в мир иной. Насколько это легче! А Флифом пусть займется кто-нибудь еще...

Но кто? Она с усилием закачала головой, стараясь отогнать коварные, подтачивающие мысли. Только она может победить Флифа. У нее нет ни защитника, ни дублера. Никто из сильных не станет сражаться за ее душу. Она должна справиться сама, чего бы это ей ни стоило.

Надрываясь, поддерживая одну руку другой, судорожно сясь вдохнуть, она подняла перстень. И тут в легкие наконец ворвался воздух. Она задышала, захлебываясь, срываясь на рыдание.

Новый удар свалил ее с ног, когда она, стремясь надыхаться, невольно ослабила контроль за перстнем. Снова невыносимая боль и ледяной холод, пронизывающий тело до самого сердца. Рука с перстнем подвернулась, она упала на нее. Достать, скорее... только не уступать этой давящей злобной силе... Забыв обо всем: о боли, о дыхании, о самой жизни, – миллиметр за миллиметром она передвигала руку, такую тяжелую, словно она была отлита из свинца, такую непослушную, словно она специально сопротивлялась ей. Вынуть руку – это было в тот момент ее единственной целью, единственным смыслом существования. И она выпростала ее нечеловеческим усилием из-под заживо холодеющего тела. И вновь отступил холод, и ослабла стальная хватка.

Она поднялась на колени, дрожащими руками удерживая перстень, хрипя, сипя и кашляя, но держа руку, не отклоняя. Лицо ее было искажено, по щекам катился соленый пот, на губах выступила пена, в искромсанной душе – ненависть.

– Нет, я не сдамся, – прохрипела она растянутыми связками, и звук ее голоса, слабый и сиплый, подбодрил ее. Чудовище замерло в синем свете кольца, разожженном Луной. И сами собой пришли слова. – Я, Виталия, приказываю тебе именем Первого Тюремщика: возвращайся же туда, где ты должен находиться – светом полной Луны заклинаю тебя!

Казалось, стон пронесся над темным скопищем – ужасный, нечеловеческий звук. Тени, вибрируя, стали истаивать на глазах. Лишь Флиф оставался неподвижен, как изваяние из черного камня.

И в этот момент, перекрывая агонию призраков, прозвучал непривычно тонкий, напряженный голос Фаи:

– Я, Фаирата Хешшкора Огненный Локон, приношу обет Тюремщика Флифа. Я обещаю... – она запнулась, – обещаю никогда не пить спиртного.

Флиф задрожал. Как будто невидимая мясорубка скрутила его, выжала, разбила на мелкие черные капельки – крошечные вихрики, а затем налетела неслышная буря, подхватила их и унесла к Бетреморогской башне. И тут же взрыв сотряс землю, и голубое сияние барьера погасло, и горизонт упал сверху вниз на положенное ему место. И вновь воцарилось спокойствие – словно и не было ничего. Лишь проплыл, огибая деревья, змей, опустился рядом с неподвижно распростертой на земле Витой, и что-то прозрачное выкатилось из его немигающего глаза.

Подшли Фаирата с Бэлой, обе до сих пор подрагивали от

пережитого. Бэла внимательно посмотрела на бесчувственную Виту.

– Она без сознания, – сказала колдунья своим бархатным голосом. – Теперь ты можешь взять у нее то, что тебе принадлежит, не опасаясь, что оно потеряет магические свойства на тринадцать лет. Она ведь не окажет сопротивления, – улыбнулась Бэла одними уголками губ.

– Твоя правда, – Фаирата склонилась над Витой, но тут же отпрянула. Аррхх угрожающе зарычал, разверзнув пасть, и обвил лежащую девушку толстым кольцом. – Ты что это, Аррхх?

Он не стал отвечать. Ответила, хмыкнув, Бэла:

– Похоже, ей удалось-таки очаровать твой пожарный шланг, несмотря на все твои насмешки.

10. Возвращение

Вита открыла глаза, и в них сразу хлынули брызги солнечного света, пробившиеся через густую зеленую листву. В окно задувал ветерок, пьяняще пахнувший травой и медом, весело жужжала мошкара, слышался перестук дятлов, птичьи трели, писк мелких зверюшек. И сразу несказанное облегчение пришло на сердце. Конец света не состоялся. Жизнь продолжается.

Она села на кровати. Ночная рубашка на ней была чужая. Голова кружилась, ощущалась какая-то неестественная легкость. Она попробовала подняться, и у нее потемнело в гла-

зах. В ушах звенело.

Она остановилась перед зеркалом.

– Боже, и это я! – вырвалось у нее.

Вита никогда не была склонна к полноте и, увидев себя похудевшей килограммов на десять, особой радости не ощутила. Фигура дистрофика, облаченная в тяжелый зеленый шелк, вызывала жалость. Но какие это мелочи по сравнению с тем, что она одолела Флифа! Зеркало дало ей кое-что еще: серьги и перстень были на ней. Она огляделась в поисках золотой шкатулки с остальными драгоценностями – сумка стояла в углу, содержимое ее было нетронуто. Вита оценила благородство своей хозяйки. Вряд ли Вита на ее месте упустила бы подобный шанс завладеть желаемым. Впрочем, колдуны – люди странные, может быть, их этика предписывает что-нибудь особенное на этот счет.

На столике у окна, завешенного тонким белым кружевом, стоял кувшин. Вита отхлебнула. Это было прохладное вино с травяным ароматом. Она набросила на плечи расшитый серебром темно-зеленый халат, висевший на спинке стула, и взялась за дверную ручку.

– Аррхх! – он лежал в коридоре, который еле вмещал его тушу, около ее дверей, и она едва не наткнулась на него. – Аррхх, старина, что бы я без тебя делала! – она погладила толстое веко обращенного к ней глаза размером с экран телевизора.

Ты бы осталась без спины и без украшений, Виталия-Не-

Служащая-Никому-И-Побеждающая-Флифа, игриво ответил змей.

– Страшно хочу есть, – пожаловалась Вита.

Еще бы, ты так исхудала, что я тебя едва заметил.

Занавеси на окнах столовой залы были подняты, снаружи лился свет и свежесть. За столом сидели две колдуньи. Бэла в белом брючном костюме, откинувшись на спинку стула, попивала коньячок с лимоном. Фаирата в черной майке и джинсах с тоской смотрела на бутылку.

– Привет, – сказала она, завидев входящую Виту. – Как спалось?

– Спасибо, хреново, – Вита, не дожидаясь приглашения, уселась на свободное место и впиалась зубами в бутерброд. – Господи, и как я только осталась жива?

– Господь здесь уж точно ни при чем, – заметила Фаирата, с глубокой печалью в глазах проследив движение Витиной руки к бутылке вина, а потом путь рюмки к ее рту и обратно на стол. – Хоть этот джентльмен и альтруистичен не в меру, для таких пропащих душ, как ты, он и пальцем ноги не пошевелит. Так что благодари только себя.

Вита с набитым ртом картинно поклонилась сама себе в зеркало.

– Э, а где твой хмырь? – она вдруг заметила, что их в зале только трое. – Эта звезда телеэкрана, согрешившая по неведению?

Фаирата вздернула нос, а Бэла сказала:

– Аррхх в последнее время испытывал к нему не лучшие чувства. Ну, а когда он с неизвестной целью попытался проникнуть к тебе в комнату, тот ему чуть голову не откусил. Бедняга бежал из Хешширамана, только подошвы сверкали, – ее, похоже, ничуть не огорчало, что Фаиратин ухажер лишил их своего общества.

Фаирата вздохнула и махнула рукой:

– Ладно, дело прошедшее. Туда ему и дорога. А каковы твои дальнейшие планы?

– Как это? – растерялась Вита. Для нее дальнейшие планы разумелись сами собой. – Возвращаюсь домой, конечно. Родители, наверное, волнуются.

Она вдруг сообразила, что ее родители не подозревают, какие ужасы с ней приключились. Если они звонили домой и ее не застали, то наверняка подумали, что она проводит время с Лёшкой. Если бы они даже приехали, то вряд ли всполошились бы раньше, чем через неделю – а мало ли что могло бы стрястись с ней за такое длительное время!

– Ну что ж, – проговорила Фаирата. – Желаю счастья. Береги себя: никто, кроме тебя самой, о тебе не позаботится. Слушай, – она неожиданно хлопнула ладонью по столу. – Давай посвятим тебя Хешшкору! Ты ему понравишься.

– Да плевать мне на твоего Хешшкора, – беспечно отозвалась Вита. – Терпеть не могу дурацких богов. Проживу как-нибудь и без их покровительства.

– Покровительство – не такая уж плохая вещь, – промол-

вила Бэла.

– Ну да. Только за эту льготу приходится платить кучей условностей и запретов. Благодарю покорно, я сама себе хозяйка.

Файрата и Аррхх проводили ее до озера, где началось ее пленение.

– Прощай, Аррхх, – сказала Вита, потрепав его по бездонному брюху. – Было очень приятно с тобой познакомиться.

До свидания, Вита-Сама-Себе-Хозяйка, ответил он.

Появились купальщички, и змей благоразумно ускользнул в лес. Файрата сжала руку Виты с перстнем.

– Может, ты отдашь мне его? Зачем он тебе теперь?

– Ну нет, – хитро улыбнулась Вита. – Это слишком красивое украшение, чтобы так легко с ним расстаться.

– Как знаешь, – вздохнула колдунья, сейчас, в вареных джинсах и с собранными в хвостик волосами выглядевшая простой девчонкой Фаей. – Заходи в гости.

– Как же я найду твой призрачный замок, который не виден отдыхающим, что в изобилии гуляют по Битцевскому парку? – усмехнулась Вита.

– Ты – увидишь.

Девушка в цветастых шортах и белой маечке, с которыми не очень гармонировали сапфировые серьги и перстень, шлепала кроссовками по залитому Солнцем шоссе, помахивая пляжной сумкой с солнечными очками, покрывалом для загорания, дешевой книжкой про вампиров и чудесной золо-

той шкатулкой с драгоценностями. Возле свалки она вдруг остановилась, вынула из сумки книжку с неаппетитно оскаленной мордой на обложке и бросила ее в кучу.

– Хватит с меня колдовских приключений! – заявила она пространству. – Буду сидеть дома и читать только любовные романы.

Ага, как же, ехидно сказал внутренний голос. Ты теперь – Тюремщица Флифа, и в золотой шкатулке, что лежит на дне рюкзака, полно волшебных финтифлюшек. Только не пытайся себя убедить, что даже не попробуешь разобраться, как они работают. И к Файке в гости наверняка еще не раз зайдешь. А в компании этой девахи, заносчивой и дружелюбной одновременно, проще простого влипнуть в какие-нибудь магические делишки.

Она вздохнула. Ну что же, надо как-то с этим справиться. А как готовиться к колдовским приключениям? Записаться, что ли, в секцию каратэ? Мысли вступить в Черный Круг и посвятить себя какому-нибудь из богов у нее даже не возникло.

Кончался новый день. На автобусной остановке парень в шортах и темных очках агитировал прохожих посещать проповеди отца Николая в местной церкви.

– Настало время обратить свои помыслы к истинному богу, – приставал он к Вите. – Участились нашествия нечисти. Уже были знамения конца света. Только в боге ваше спасение перед лицом вечности!

Вита снисходительно улыбнулась:

– Конец света отменяется. Это я тебе, дорогой, гарантирую.

Часть 2. Халтурка для Черного Круга

1. Колдунья

Большая столовая зала была освещена весьма скупо – в стиле «интим». За столом, покрытым атласной зеленой скатертью, могли бы с удобством разместиться человек двадцать. Но в настоящий момент в зале находилась всего одна девушка. Худенькая, с точеным личиком и огненно-рыжими волосами, затянутая в черное трико, она вольготно расположилась в кресле, изящно держа сигарету тонкими пальчиками с длинными ногтями, на которых старательным дизайнером были выписаны загадочные символы.

Выдохнув дым и слегка потряся сигаретой над вычурной серебряной пепельницей, девушка перевела взгляд на большое, в человеческий рост, зеркало, висящее на стене залы.

– Ну, и что у нас сегодня? – лениво проговорила она и слегка прищелкнула безымянным ногтем правой руки о мизинец левой.

Символы на ногтях пришли в движение. Маникюрша ничего не понимала в рунах, но срисовала их с бумажки совершенно правильно. Руны вспыхнули, и вспышки, отразившись в зеркале, разлились по стеклянной поверхности, как

нефтяное пятно по воде, а потом сквозь золотистый туман проступило видение.

В зазеркалье плескались волны. Темно-серые валы с пенными верхушками мощно перекатывались в ту же сторону, куда бежали по небу рваные черные тучи. Девушка не сразу разглядела среди серости неба и моря серый корабль, движущийся чуть наискосок. Корабль приблизился, и стало возможно различить мерно описывающую круги антенну радара, ракетную установку на палубе и два китайских иероглифа на борту. Он шел быстро и легко, и пенные гребни не были ему существенным препятствием. Движение его выдавало мощь, не имеющую ничего общего ни с ветром, ни с углем, ни с соляжкой, а гораздо более грозную и малопонятную даже опытным магам, и повадка его была повадкой хищника, преследующего добычу.

А вот и добыча! В углу зеркала показался сухогруз под либерийским флагом, тяжело переваливающийся по волнам. Были видны матросы, бегающие по палубе, что-то кричащие – зеркало показывало картинку, но, к сожалению, не транслировало звук. Чего это они так заметались? Ага, вот и первый корабль поднял флаг. Черное полотнище, а на нем – череп и скрещенные берцовые кости.

Полыхнул огненный росчерк – пиратский корабль пустил ракету. Мимо. Вторая ракета – тоже мимо, но уже с другого борта. Нет, это не промах. Выстрелы абсолютно симметричны и точны, просто пираты не хотят увечить судно, надеются

взять на испуг. Так и есть – либерийский флаг спускается. Два корабля, совершенно непохожие друг на друга, сближаются, и вооруженные китайцы прыгают на палубу сухогруза, споро, без лишней суеты, связывают команду, вот уже поднимают из трюмов какие-то ящики...

Зеркало вдруг мигнуло и дало крупный план. Мужчина в комбинезоне защитного цвета, темных очках и каске, на поясе – целый арсенал оружия, в зубах – сигара, в позе – власть. Он медленно вспарывает устрашающего вида ножом один из стоящих на палубе мешков, подставляет ладонь под высыпавшийся из разреза белый порошок. Мужчина улыбается, и, видя его улыбку, бледный капитан сухогруза становится еще бледнее...

– Ну и что? – капризно спросила зрительница.

Она бы подумала, что по ошибке поймала какую-то романтическую волну, где гонят фильмы про корсаров. Но в романтических фильмах корсары не рассекают на атомных крейсерах и не пользуются радаром. Это раз. А два – колдунья знала это точно – зеркало показывало только то, что было жизненно важно, что непосредственно касалось человека, смотрящего в его глубины. И что же здесь для нее жизненно важно? Она потеряла ноготь, и изображение улыбающегося китайца замерло. Чем этот пират может ей пригодиться? Как мужик он абсолютно не в ее вкусе.

Она пожалала плечами, и изображение подернулось рябью. Через несколько секунд в зеркале, как и полагается, отража-

лись только стол, рыжая девушка и окно, в котором разгоралось какое-то свечение.

Свечение? Колдунья вскочила и подбежала к окну. Из-за дальней башни замка выплескивалась река золотого, неземного света, прекрасного, как самый чудный сон. Но почему-то девушка не замерла в восхищении красотой переливов этой светящейся реки. Она прижала руки ко рту и закричала от ужаса.

2. Что-то случилось

Что-то черное, клубящееся, как газ, и в то же время неуловимо плотное ползло по ложине. Огромное, длинное, отвратительное черное нечто. В зловещей тишине – ни одна травинка не шелохнулась – оно наползло прямо на нее! Она замерла с ощущением омерзительного, животного страха, распласталась по земле лицом вниз, чтобы не видеть эту жуть. Извивающаяся чернота нависла над ней, замораживая сердце. Оно больше не повиновалось Вите; она чувствовала, как слабеют удары, медленнее, медленнее... и тишина.

Она проснулась в холодном поту. Тикали часы в изголовье, ровно дышал Димка, заняв три четверти кровати. Запотевшие стекла с ледяными узорами чуть розоватые. Рассвет, значит, около девяти утра. Не самое хорошее время для того, чтобы проснуться 1 января: все нормальные люди будут спать до обеда, и Димка, и сестренка Валя, и ее смешной парнишка, и даже родители, уехавшие на новогодние празд-

ники в Ригу, и, конечно же, все приятели и знакомые. Она закрыла глаза, но сон не шел. И мудрено ли – после такого-то кошмара!

К чему бы это, думала она, лежа и на первый взгляд безучастно уставившись в розовое окно. Вита не страдала психическими расстройствами, и страшные сны мучили ее редко. Собственно, этот жуткий сон нельзя было назвать порождением извращенной фантазии, распоясавшейся, пока организм отдыхает. Это было скорее воспоминание. Воспоминание о том, что *было* и о чем хотелось бы забыть. Почему оно пришло сейчас? В глубине души шевелилось неприятное предчувствие, ожидание чего-то.

Оно не затянулось. Внезапно посреди комнаты замерцали прозрачные очертания человеческого тела. Если бы Вита была мужчиной, она бы их оценила. Призрак принадлежал молодой женщине в зеленом платье, с изящными, хоть и несколько заостренными чертами, и с волосами цвета огня. По мере того, как гостя материализовалась, фонтан рыжего пламени на голове разгорался все ярче. Лицо призрака, принимающего все более земные черты, можно было бы назвать красивым... если бы не выражение в глазах. Выражение полнейшей беспомощности.

– Витка, – прошептала она, выйдя из зоны слабо-серебристого сияния, погасшего тотчас же, как она покинула его.

У Виты защемило сердце. Фая была ее приятельницей, но радостная улыбка слетела с губ, не успев оформиться. Очень

уж Витино мрачное предчувствие согласовывалось с состоянием Фаи. Та сразу же устремилась к Вите, даже не поглядев на симпатичного, ладно скроенного молодого человека, лежащего рядом, и это насторожило Виту еще сильнее.

– Витка, вставай, – проговорила дрожащим голосом Фая. – Ты нужна нам. Пойдем, – она схватила Виту за руку, и в тот же момент Вита почувствовала, как пространство вокруг нее размывается, колеблется и распадается на осколки. Она успела протянуть руку за собранным на завтра рюкзаком, стоящим у изголовья, и ее затянуло в темную, как колодец, аэродинамическую трубу. Она попыталась вдохнуть, но ни один мускул больше не повиновался ей.

Пора бить панику, подумала она отрешенно, вот только как. Несусь куда-то, не то вверх, не то вниз, ни продохнуть, ни нос почесать. Другая бы на моем месте с ума сошла.

Здесь Вита была права. *Другая* на ее месте не отделалась бы легким испугом и раздражением. Когда-то и Вита была *другая*. Когда-то она жила, наслаждаясь самою жизнью и не зная настоящего горя и настоящего страха. И рядом был Лёшка. Ее милый, неизменно ласковый и веселый Лёшенька, надежный друг и замечательный любовник... Теперь-то она в этом хорошо разбиралась. Нет, никто ему в подметки не годился. Даже Димка.

Она потеряла его по собственной вине, по собственной неосмотрительности. Ему было двадцать, и больше его нет. Вита надеялась, что он умер. Ибо есть нечто более ужасное,

чем смерть. Лёшка превратился в черноту, был поглощен и растворен абсолютной Тьмой. И все из-за нее. Из-за того, что он не пожелал оставлять ее в беде одну, но не имел сил справиться с тем, от чего хотел ее защитить.

Она не любила вспоминать об этом. Воспоминания причиняли ей боль. А сегодня ночью они нахлынули сами, не спрося, в кошмарном сне. И теперь она летит сквозь чудовищную трубу в неизвестность, не в состоянии пошевелить даже веком.

Пришла мысль, непревзойденная по четкости: что-то случилось.

Она могла бы даже примерно сказать, что.

3. Золотая змея Соа

Труба выплюнула их посреди заснеженного леса. Вита посмотрела на сугробы, на свои босые ноги и голые руки и перевела взгляд на Фаю.

– Уникально, – единственное, что исторгли ее уста.

– Прости, – пробормотала Фая в отчаянии. – Я промахнулась. Я сейчас в таком состоянии...

Вита быстро и деловито разложила рюкзак, достала теплые вещи: свитер, пуховую куртку, ватные штаны, шерстяные носки и рукавицы, меховую шапку. Они с Димкой собирались в лыжный поход... Что ж, развлечение, похоже, отменяется, но собранные вещигодились.

Фая, дрожа от холода, шептала что-то про себя. Вдруг ее

объяла вспышка света, и через миг она была уже в длинной шубе из черного, неестественно отливающего зеленым меха.

– Пижонка, – фыркнула Вита. Прошлое научило ее, бросаясь в омут с головой, гнаться не за модой, а за комфортом. – Ладно. Полагаю, мы направляемся в Хешшираман? Далеко мы оттуда?

– Надеюсь, что нет, – вздохнула Фая, глубже кутаясь в шубу.

– Так, – Вита закусила губу. – Спокойно. Сейчас сориентируемся.

Кровавое зарево занималось над лесом. День будет ветреный, подумала Вита, топая по припорошенной тропке вдоль лыжни. Фая семенила за ней, дыша на заиндевевшие пальцы. То здесь, то там валялись пустые бутылки, серебристая мишура и серпантин – свидетели ночного праздника. Битцевский парк оставался для окрестного населения любимым местом отдыха и пьянок даже лютой зимой. И в этом оживленном, как перекресток, подмосковном лесу таился колдовской замок Хешшираман, принадлежащий Фаирате Хешшкора Огненный Локон. Невдалеке от замерзшего озера, за лесополосой стоял он, не видимый ничьему глазу – кроме избранных.

Вита и Фая углубились в лес. Ели и сосны, присыпанные снегом, стояли густой стеной, смыкаясь кронами над тропинкой. Вдруг деревья расступились, и вдали замерцали прозрачные очертания цитадели Хешширамана и башен. Ви-

та хмуро посмотрела на одну из них, стоящую чуть поодаль. Там, в глубине ее, клокотало зло.

Там было обиталище черного Флифа. Вите пришлось тогда встречаться с ним один на один, и встречу никак нельзя было назвать приятной. Их поединок окончился победой Виты, но она хорошо помнила, какой очнулась после двухдневного не то сна, не то забытья – похудевшей килограммов на десять. Помнила и то, как тайком выдирала первые седые волосы – это в восемнадцать-то лет. Опустив голову вниз, Вита миновала зловещую Бетреморогскую башню. Она уже вполне материализовалась. Остальные строения замка приобретали должный каменный вид по мере того, как девушки приближались к ним. Они поднялись по скользким ступеням на высокое крыльцо, и дверь распахнулась перед ними. Вита пропустила хозяйку вперед.

Спустя некоторое время они сидели друг напротив друга в обеденной зале за огромным столом, уставленным яствами. Ярko горели свечи, тени метались по мерцающим стенам. Тяжелые темно-зеленые шторы закрывали окна.

– Ну, выкладывай, – Вита посмотрела на Фаирату с мрачным предчувствием. – Что за проблема? Ты наклюкалась на Новый Год?

Самая опасная обязанность Тюремщика Флифа – помериться волей с этим средоточием Тьмы – выпала Вите, но обет Тюремщика принесла Фаирата, отказавшись от питья спиртного во имя того, чтобы магические скрепы Бетремо-

рогской башни оставались крепки.

– Нет, нет! – Фаирата умоляюще заломила руки. – Я ни при чем. Капли в рот не брала. Он освободился помимо меня. Витка, весь шабаш в трансе.

Сон оказался в руку. Вита тяжело откинулась на спинку стула и повертела на пальце изящное кольцо с густо-синим камнем, внутри которого вспыхивали крохотные искорки – тот самый перстень.

– Сколько до полнолуния?

– Неделя. Но, Витка...

– Неделя! – в неудовольствии воскликнула Вита. – Да я бы успела из похода вернуться! Неужели же так обязательно было врываться ко мне именно сегодня, вытаскивать меня из теплой постели...

– Витка, я же хотела объяснить, – устало и чуть ли не раздраженно произнесла Фаирата. – Неделя – не так много, как тебе кажется. Ты думаешь, почему Пожиратель Душ вырвался на свободу? В мир явилась Соа.

– Соа, – повторила Вита, задумчиво жуя бутерброд. – Как же, помню, – и она процитировала фразу из читанной украдкой во время своего пленения волшебной книги: – *Соа, золотая змея, что приходит в мир для добра.* Ну, и что же... Она освободила Флифа? – внезапно прозрев, Вита подскочила на стуле.

При звуке имени, произнесенного Витой, словно подул ветер с ледника. Пламя свечей задергалось, будто в припад-

ке, по углам сгустились тени. В зале стало холоднее – или это мурашки страха пробежали по спинам.

– Она освободила его, – хмуро кивнула Фаирата. – Но еще не совсем. Все решится в полнолуние. А *мы* должны принять решение сегодня.

– Принять решение? – переспросила Вита.

– Мы собираем шабаш в Айфарете. Считай, что ты приглашена.

– Айфарет? Где это?

– Где находится Хешшираман? – вопросом на вопрос ответила Фая.

– Гм... Известно где – в Битцевском лесопарке.

– Ну, если рассуждать таким образом... то Айфарет находится в Ливийской пустыне.

– А как еще можно рассуждать?

Это не был вызов: мол, моя точка зрения единственно правильна. У Виты за плечами имелся опыт, говорящий о том, что есть в мире факты, не объяснимые наукой в ее современном состоянии. Но это не повод ни считать данные факты иллюзиями, ни отказывать науке в праве описывать реальность. И поэтому Вита, встречаясь с чем-то непонятным, просто принимала это к сведению и использовала, а проблему объяснения оставляла будущему. И вопрос ее звучал вполне спокойно: какой еще способ предложит Фая, чтобы определить местоположение Айфарета?

– Наши замки находятся в другом мире, – сказала Фаира-

та. – Лишь когда нам есть дело до *этого* мира, мы материализуем их на Земле.

– А ты не могла материализовать Хешшираман поближе к моему дому? – в голосе Виты прозвучала укоризна.

Фаирата покачала головой.

– Только там, где есть канал между мирами. Я не настолько сильна, чтобы прорубить новый канал.

Они помолчали. Шторы темнели на узких окнах. А за ними было холодное зимнее утро, в котором к обычному январскому холоду примешивался холод неестественный, гнетущий. Вита почувствовала себя неуютно.

– Есть у тебя какое-нибудь приличное вино?

Фаирата вздохнула:

– Ты же знаешь, что я поклялась не пить спиртного ради того, чтобы Флиф оставался в заточении, – пламя свеч колыхнулось, сопровождая ее слова.

– Но сейчас-то это уже неважно.

– Все равно в Хешширамане ни одной бутылки, – она махнула рукой и понимающе спросила: – Расслабиться хочешь? Может, сигарету?

– Давай.

Они выкурили по сигарете. Курево Фаираты было выше всяких похвал. В Хешширамане все было отменного качества – кроме того, конечно, чего там вовсе не было. Вита достала из рюкзака пластиковую бутылку с водкой, аккуратно отвинтила крышку, плеснула по стаканам. Они чокнулись.

– За удачу, – сказала Вита и подумала про себя, что удача им ох как пригодится.

– О всемогущий Хешшкор, – промурлыкала Фаирата, высосав стаканчик. – Наконец-то я могу выпить, как человек.

Надо же, подумала Вита, она еще в состоянии чему-то радоваться. Отыскать положительный момент в освобождении Флифа! Впрочем, Фая не испытала на *своей* шкуре, каково это – оказаться одной против чудовищного сгустка Тьмы.

– Витка, да брось ты морщить брови, – проговорила Фаирата, выпив еще. После долгих лет воздержания ей хватило совсем немного, чтобы прийти в состояние эйфории. – Ну его, этого Пожирателя. Не желаю о нем думать. Расскажи лучше, как жизнь, как успехи. До вечера далеко.

– Успехи, – Вита невольно улыбнулась. – На личном поприще – никаких. На работе... Поступила осенью в аспирантуру. Благодаря Искательнице, – она бережно дотронулась до правой серьги, состроив гримасу загадочности, – с блеском написала реферат по методам синтеза стероидов, благодаря Переводчице, – она коснулась левого уха, – легко сдала экзамен по английскому.

Синие серьги она очень ценила и не расставалась с ними никогда, даже если они не слишком гармонировали с ее одеянием – вот как сейчас, с клетчатой хлопчатобумажной рубашкой, шерстяной фуфайкой и ватными штанами. Как действовали серьги? Это был вопрос из тех, в которые она не вникала. Но они уже принесли ей больше денег, чем если бы

она их продала. Вообще-то она предпочитала помалкивать об этом. Как и о том, откуда достались ей эти серьги и прочие драгоценности из золотой шкатулки. Как-никак она была благоразумной девушкой.

Но Фая – дело другое. Когда-то золотая шкатулка, случайно выкопанная Витой, принадлежала Фаиратиной семье. Фая сама могла бы порассказать многое про серьги и кулоны, которые в глубине души считала своими, хотя и не осмеливалась отобрать у подруги. Не только из дружеских чувств – что значит дружба, когда речь о наследстве? – но и не в последнюю очередь потому, что магические драгоценности теряли свои свойства на тринадцать лет, если завладеть ими силой.

– Приятно сознавать, – сдержанно хмыкнула Фаирата, – что мои драгоценности приносят тебе пользу.

– Кроме одной, – вновь помрачнела Вита, взглянув на кольцо.

– Вот это да, – раздался неожиданно за спиной Виты бархатный кошачий голос. Она резко обернулась.

Фаирата тоже повернула голову к гостю. Прозрачные контуры черноволосой дамы с кожей, способной поспорить по белизне с облегающим платьем цвета свежего снега, постепенно приобретали объем и массу. Наконец, дама полностью проявилась. Звали ее Бэла, и она была хорошо знакома обеим приятельницам.

– Вы как будто выпиваете? – осведомилась она, скрестив

руки на груди. – Весь Черный Круг стоит на ушах, весь Белый Круг занят грызней, Соа с Пожирателем вот-вот натворят что-нибудь непоправимое, Аррхх валяется в депрессии, а эти две голубушки сидят и киряют. Вот это самообладание!

День был ветреный, морозный. Солнце не показывалось из-за низко летящих облаков. Вита сидела на заснеженном крыльце, подперев голову руками, и глядела с невыносимой тоской на темный силуэт Бетреморогской башни. Она слишком хорошо знала, какие мучительные испытания ей придется пройти в полнолуние. Все-таки не в первый раз. Несказанно тяжело было даже помыслить о том, чтобы снова вступить в поединок с Флифом. Вита не слыла трусихой, но она боялась. Она ненавидела Флифа, пожравшего ее любимого, и тогда, четыре с лишним года назад, этой ненависти хватило, чтобы преодолеть страх. Но повторить это...

Она сглотнула. Ранние зимние сумерки пали на Хешшираман, горизонт окрасился кровью. Вита встала, отряхнулась. Глупо было бы искушать судьбу, поджидая Флифа *сейчас*. Она ушла внутрь замка, плотно закрыв за собой дверь.

Бэла как раз собралась покинуть замок.

– Ну, мне пора. У меня еще много дел, – ее точеное лицо тронула озабоченная гримаска. – Я не прощаюсь, – она кивнула Вите. – Встретимся в полночь.

Она вскинула руки, засветившись холодным сиянием, и медленно растаяла в воздухе.

Файрата обратила к Вите измученные невыспавшиеся глаза:

– Надо бы вздремнуть. Нам предстоит бессонная ночь.

Вита кивнула и повернулась к выходу из зала, но не удержалась от глухой реплики себе под нос:

– Уснешь тут... Дай бог, чтобы опять кошмары не при-
снились.

– Ему все равно, – чуть слышно проговорила колдунья ей
вслед. – Но, может быть, мой Хешшкор услышит тебя. Спи
спокойно.

Она сжала в руке амулет на золотой цепочке, обвиваю-
щейся вокруг шеи, и пробормотала еще тише:

– Впрочем, он давно не интересуется Хешшираманом...

Зеркало, обрамленное массивной бронзовой рамой, без-
жалостно отразило странный блеск в уголках зеленых глаз.

Проснувшись, Вита с изумлением оглядела стены комна-
ты, сочащиеся мягким светом, и причудливый орнамент на
ковре. Но прошла секунда, и она вспомнила, как и по какой
причине оказалась в Хешширамане. Блаженная сонливость
сразу улетучилась, а с нею хорошее настроение. Она бросила
хмурый взгляд на часы – мама родная! Без двадцати двена-
дцать, а в полночь начинается шабаш.

Она вскочила, отшвырнув пуховое одеяло. Делать нечего,
надо в темпе собираться. Она второпях натянула рубашку,
свитер, теплые штаны, носки, сдернула с крюка куртку и вы-

ломилась в коридор.

Было тихо. Где же Фая? Вита помчалась по коридору, открывая все видимые двери. Хуже всего было то, что нужная дверь могла оказаться невидимой, но для начала следовало проверить хотя бы эти. Рванув очередную, она убедилась, что и в этой комнате темно, и собралась было захлопнуть, но ее внимание привлек звон ложечки о чашку, какой бывает при помешивании питья. Вита взгляделась во мрак и минуту спустя различила женский силуэт на фоне чуть подсвеченного снаружи окна.

– Здесь я, здесь, – тихо проговорила Фаирата, не поворачивая головы.

Чем она так поглощена? Вита подошла к окну, и тут же ей стал ясен источник странного света в ночи.

Вокруг черной Бетреморогской башни, торчащей, как мертвая скала из снега, лился полноводный поток сверкающего расплавленного золота... Нет, не золота. Это был, казалось, сам свет, невесомый и прекрасный, прозрачный и в то же время неуловимо материальный, ласкающий взгляд и одновременно такой неземной... Вита замерла, не в силах оторвать глаз.

– Какая красота, – прошептала она одними губами.

– Не все золото, что блестит, – резко отозвалась Фаирата и повернулась к ней. – Эй, Витка! – видя затуманенность ее зрачков, она затрясла ее за плечи.

Вита очнулась. Фаиратино лицо прямо перед нею, иска-

женное испугом, казалось удивительно некрасивым после завораживающей переливчатости светящейся субстанции. Она непроизвольно отодвинулась.

– Приди в себя! – почти грубо приказала ей Фаирата, задернув штору. Золотое сияние исчезло, и тут же мягко, успокаивающе засветились стены.

Вита машинально взяла чашку из рук Фаираты, глотнула остывшего кофе. Соа... Воплощение добра и света, так же как Флиф – олицетворение мрака и зла...

Флиф! Она вспомнила о Флифе и о шабаше. Короткий взгляд на наручные часы:

– Ох, – вырвалось у нее. – Мы опоздали.

– Нет, – спокойно ответила колдунья. – Айфарет расположен в другом часовом поясе. Да и, кстати, на другой широте, – напомнила она, скептически оглядывая полярное облачение Виты. – Я бы посоветовала тебе переодеться.

Ливийская пустыня, всплыло в памяти. Вита нерешительно взглянула на свои ватные штаны и теплую куртку и развела руками.

– Придется мне опять воспользоваться твоим гардеробом.

4. Шабаш в Айфарете

– Пора, – сказала наконец Фаирата и поднялась из-за стола.

– Как мы попадем в Айфарет? – спросила Вита. – Ты опять нас телепортируешь?

– Дипломированная невежда! – Фаирата сердито сверкнула глазами. – Как ты любишь приклеивать научные термины к тому, чего не понимаешь!

– Так же, как ты преклоняешься перед тем, чего не понимаешь, – парировала Вита и встала. – Что ж, поехали, как бы там оно ни называлось.

Фаирата взяла ее за руку. Пространство вокруг заколебалось и растаяло, и вновь Вита ощутила, как уходит опора из-под ног и перехватывает дыхание. На сей раз испуга не было вовсе. Несколько мгновений, и снова появился свет. Свет гигантского костра в темноте ночного неба. Сперва смазанный, он постепенно сфокусировался в языки огня. Вита почувствовала под ногами теплый песок.

Они стояли всего в паре метров от ревущего костра. Вита оглянулась и похолодела: что, если бы Фая опять промахнулась?

Рядом с ними вдруг оказалась Бэла. Ее белые одеяния развевались на ветру, на них плясали кроваво-красные отблески.

– Разрешите представить почтенному собранию новоприбывших, – произнесла она своим голосом, подобным бархату, и он неожиданно перекрыл рев пламени, свист ветра и гомон толпы. – Фаирата Хешшкора Огненный Локон, – при этих словах Фая коротко поклонилась, отпустив Витину руку, и отошла на несколько шагов. – И Виталия, – представила Бэла Виту.

Вита ощутила на себе десятки внимательных взглядов. Вокруг костра сидели и стояли женщины и мужчины самых разных возрастов и цветов кожи, в самой разной одежде, увешанные драгоценностями и предельно скромные, раскрашенные, как попугаи, и бледные, словно тени, с оружием и без. Была даже беременная женщина. И старикашка на костылях в цветастых шортах. И все они пялились на Виту, как если бы она чем-то выделялась из их среды.

– Виталия, а дальше? – поинтересовался кто-то наконец.

– Чего же дальше? – спросила Вита. – Вам что, фамилия с отчеством требуется?

– Назови своего покровителя! – крикнули из задних рядов.

– У меня нет покровителя.

Поднялся седой старик с жезлом и заговорил внушительно:

– Женщина, если ты прибыла, желая совершить обряд посвящения, то ты выбрала неудачную ночь. У нас есть дела поважнее.

Виту почему-то покорила его уверенность в том, что непосвященные могут жаждать лишь посвящения.

– Я здесь по тому же делу, что и вы все, – отрезала она. – Посвящение меня не интересует.

Она подняла правую руку вверх:

– Разве вы не узнаете это кольцо?

Синий перстень грозно блеснул в свете костра. Взгляды

собравшихся обратились на него.

– Перстень Тюремщика! – пронесся вздох по толпе.

– Это Тюремщица Флифа!

– Как непосвященная может быть Тюремщицей? – усомнился кто-то. – Не потому ли Флиф оказался столь близок к освобождению?

– Это Соа освободила Флифа, – напомнили ему. – Кто бы ни был Тюремщиком, золотая змея сильнее.

Вита, стараясь не обращать внимания на вспыхнувшее «в кулуарах» обсуждение, отошла от жаркого костра вместе с Фаиратой. Народ прибывал. Бэла представляла всех, но Вите ничего не говорили вычурные имена, и она тотчас же их забывала. Фаирата молчала, Вита тоже не заговаривала и лишь поеживалась на резком ветру пустыни. Ветер нес обжигающую пыль, трепал складки ее бледно-голубого одеяния. «Парадное платье моей матери», – сказала Фаирата. Оно не шло к ее рдяным волосам, а соломенной блондинке Вите пришлось впору. Вот только разрезов в нем было чересчур много...

– Все в сборе, – промолвила Бэла. – Пора устанавливать барьер.

Вита однажды присутствовала при установке барьера. Это было на второй день их знакомства с Фаей и произвело на Виту огромное впечатление. Сердце замирало, когда под аккомпанемент заклинания земля изгибалась чашей. Фаирата выкрикивала слова заклинания с неистовым торжеством, а

Бэла произносила их спокойно и величественно, и под мерный звук ее голоса края горизонта так же медленно и размеренно вздымались вверх. Шуршал песок, чуть осыпаясь ко дну чаши. Ветер стих – стены барьера служили надежной преградой.

Бэла воздела руки к черному, мерцающему звездному небу:

– Именем Айанур я устанавливаю этот барьер до тех пор, пока шабаш не примет решения!

В тот же миг края гигантской чаши с костром посредине, алевшим словно сердцевина чудовищного цветка, подернулись холодным голубым огнем. Вита невольно вздрогнула. Теперь Айфарет начисто отрезан от остального мира, в то же время находясь в нем. Ни вездеход, ни самолет не проникнут сквозь светящуюся границу. Случайный путник в пустыне примет ее за мираж. Лишь такие, как Флиф, способны пройти сквозь барьер, созданный чужой магией.

Смолк рев огня, пламя безмолвно застыло над Айфаретом. И в этой неестественной тишине гулко прозвучал голос мужчины с властным лицом, обрамленным бакенбардами и прямыми черными волосами. Говорил он, кажется, по-французски, но Вита все понимала благодаря висевшей в левой мочке Переводчице.

– Итак, настала ночь, выбранная звездами для начинания. Сегодня Черный Круг должен избрать путь, которым он будет идти. Время не ждет, и ночь кончится. Давайте обсудим

дело, не откладывая. Хозяйка, тебе слово.

Бэла встала, взмахом белого рукава привлекая к себе внимание.

– Золотая змея Соа пришла к Бетреморогской башне Хешширамана, – сказала она. – Она уничтожает заклятие Тюремщика. Пожиратель Душ может оказаться на свободе, если мы не примем экстраординарных мер.

Какие такие экстраординарные меры, думала Вита. Ей был известен только один способ укрощения Флифа – тот, которым она однажды воспользовалась, вычитав в колдовской книге. Ее мучило недоумение. Долго она не решалась задать вопрос, но в конце концов не выдержала. Она откашлялась, дабы придать себе смелости.

– Что вы имеете в виду под экстраординарностью? Дождаться полнолуния, использовать перстень – и дело в шляпе.

В ту же минуту она пожалела об этой реплике. Она почувствовала на себе множество взглядов, во многом похожих на взгляды знакомых девушек, узнавших, что она не имеет понятия о том, кто оказался внебрачным сыном племянника мужа главной героини многосерийного телесериала «Любовь и кровь».

– Я же сказала, – терпеливо и спокойно ответила Бэла, – что Соа уничтожает заклятие своим присутствием. Пока что Флиф привязан к башне, ибо Луна еще не набрала полную силу. Но если в ночь полнолуния Соа будет рядом с Пожи-

рателем, перстень потеряет могущество, и оковы разрушатся... возможно, навсегда.

Вита открыла было рот, но ее перебил протолкавшийся из задних рядов лысый старичок в остроконечном колпаке с изображением звезд:

– Чем мы здесь занимаемся, позвольте спросить? – в его дребезжащем голоске звучало возмущение. – Как смеем мы говорить о противодействии Флифу? Мы Черный Круг или сборище сентиментальных сопляков и соплячек? Флиф – источник темных сил, черный абсолют, которому, в конечном счете, все мы должны поклоняться! Или мы предадим собственные принципы? Или Черный Круг стал белеть?

– Помолчи, Хафиз! – прогремел француз с черными бакенбардами. – Я тоже могу спросить тебя: мы Черный Круг или кучка слепых фанатиков? Чем мы будем заниматься здесь – философствовать о черном и белом или решать проблему?

Старикан что-то заговорил в ответ, но его заглушили крики:

– Решать!

– Пусть Хафиз убирается к Пожирателю, а мы туда не спешим!

– Давайте займемся делом!

Француз поднял руку, грозно сверкнув очами, и все умолкли.

– Когда у нас будет время, мы соберемся обсудить, на чем

зидется Черный Круг... а пока перед нами проблема более насущная и сугубо практическая. Ваши предложения!

Светлая голова, оценила его Вита.

– Что это за мужик? – тихо спросила она Фаирату.

– Дарьен, верховный колдун, – шепнула она. – Считай, что председатель шабаша.

Дискуссия долго не возобновлялась. Колдуньи и маги что-то не спешили с предложениями. Так порой бывало и на научных диспутах.

– Позвольте, – Вита вновь решила вмешаться. – Если дело обстоит так, как вы говорите, то до наступления полнолуния змею Соа необходимо... – она замялась, подбирая подходящее слово, – э... удалить?

Собравшиеся зашевелились, снисходительно переглядываясь.

– Да, – сказала Бэла. – Другого выхода нет.

– Так займитесь этим, – Вита пожалала плечами. – Разве это столь уж трудно для тех, кто владеет неведомыми науке силами?

– Ты находишься на шабаше Черного Круга, – напомнил Дарьен, запахнувшись в плащ от ночной прохлады. – Здесь никто не властен над Соа.

– Ну, тогда обратитесь к Белому Кругу.

В толпе послышался смех.

– О, это же сумасшедшие. Они пальцем не шевельнут против своей Владычицы Света. А мы – увы. Мы связаны служ-

бой богам Черного Круга. Нас не существует для Соа.

– Иными словами, – своим бархатным голосом пояснила Бэла, – для выполнения этой задачи нужен некто, не поклоняющийся ни белым, ни черным богам, – и она взглянула на Виту в упор.

Та похолодела от внезапного прозрения и отступила на шаг. Вот зачем ее сюда притащили! Проклятье! Опять! Почему она должна затыкать собой все дыры?

– Нет, вам не удастся втравить меня в это! – быстро проговорила она. – Я сыта Флифом по горло.

– Подумай, – вкрадчиво произнесла Бэла. – Если ты не поможешь нам справиться с Соа, то конец света, однажды отложенный, наступит.

Вита сглотнула и отрицательно замотала головой.

– Может быть, ты не против стать самоубийцей, но ведь и остальной мир канет во тьму. Леса и озера, города и материки, твои друзья и родные, дети, женщины, мужчины...

– Черт бы вас всех побрал, – бессильно проскрипела зубами Вита.

– А может быть, тебе плевать на окружающий мир, – продолжала Бэла. – Тогда подумай о себе. Ты хочешь сгинуть в ледяном мраке пасти Флифа? Ты ведь по себе знаешь, что ему неизвестны ни жалость, ни расчет. Если он вырвется на свободу, он уничтожит *всё* и *всех*. И ты позволишь ему сделать это? Разве ты перешла на службу Пожирателю?

– Нет, – выдавила из себя Вита. – Я никому не служу.

– Потому мы и рассчитываем на твою помощь.

– Ну... хорошо. Я помогу, чем могу. Но...

– Мы знаем, что за все надо платить, – прогремел голос Дарьена. – Мы щедро расплатимся, если это решит твои сомнения. Назови свою цену.

– Мне не нужны деньги! – вздернула нос Вита. – Да, я согласна вам подсобить, если что, и я взяла бы за это плату, если бы мне не хватало денег. Но для того, чтобы заработать деньги, я знаю кучу более безопасных способов.

– Кто говорит о деньгах? – сказал француз. – У колдунов много других ценностей. Сокровенные знания...

– Нет, – она тряхнула серьгами. – Я могу их получить сама.

– Льготные условия вступления в Черный Круг...

– Даром не надо, – отрубил она.

– Все удовольствия мира, все, что захочешь... У тебя наверняка есть мечта. Скажи, чего ты желаешь?

– Чего я на самом деле желаю? – усмехнулась Вита. – Что ж! Мне нужен мужчина.

Собравшиеся расхохотались.

– Слушайте меня! – Вита резко оборвала хохот. – Вы предложили плату, так слушайте теперь, какая плата мне угодна! Мне нужен мужчина. Не домашний ремонтник, не киногерой и не мальчик для постели! Для начала оговорю, что никто из столпившихся здесь экземпляров меня не устраивает. Ясно?

– Это оскорбление! – закричал из задних рядов Хафиз в

звездном колпаке. – Как смеет эта ничтожная девка оскорблять колдунов?

– Вы, кажется, нуждаетесь в моей помощи, – холодно напомнила Вита. – Так вот вам мои требования. Мужчина с наружностью мужчины – не монаха, не плейбоя и не питекантропа. Не импотент и не сексуальный маньяк, без вредных привычек и противоестественных наклонностей. Ласковый, но не слюнтяй. Страстный, но не психопат. Смелый, но не одержимый. Сильный, но не качок. Умный, но не профессор. С чувством юмора, но не пошляк. И чтобы не молился всяким дурацким богам!

– Это самое сложное, – промолвил кто-то.

– Черта с два! Самое сложное – это чтобы мы полюбили друг друга. Ну? Вы принимаете мои условия?

Честно говоря, Вита рассчитывала как минимум на замешательство. Но Дарьен даже не выдержал паузы. Взмахнув плащом, он провозгласил:

– Черный Круг принимает эти условия в обмен на то, что Виталия Тюремщица Флифа обязуется заключить своего подопечного в Бетреморогской башне на веки веков!

– Э, э... – запротестовала Вита.

Дарьен вскинул к черному небу руку со сверкающим кольцом:

– Айанур и Миленион свидетели, договор заключен!

Сияние барьера погасло, и стены громадной чаши, окружающей Айфарет, шурша песком, плавно опустились, слив-

шись с поверхностью земли.

5. Шаги наугад

Вот вляпалась, думала Вита, шаря в пыльной библиотеке замка Хешшираман. Это ж надо – так сглупить!

Пыхтя, она стащила с полки очередной фолиант, с отвращением уставилась на него и отчетливо произнесла про себя: «Как изгнать Соа?»

Ноль эмоций. Книга даже не пошевелилась. Это была уже двенадцатая попытка. Вита отказывалась верить в подобное невезение. После седьмой она подумала, что барахлит серьга-Искательница.

– Ну-ка, – сказала она для проверки, – сведения о Фаирате.

Тут же зашелестели страницы, и через минуту она смогла прочесть:

«Фаирата Хешшикора, по прозвищу Огненный Локон, хозяйка Хешширамана, родилась на свет двадцать три года назад, – уму непостижимо как, но записи в колдовских книгах всегда относились к настоящему моменту, – посвящена Хешшикору Всемогущему при рождении и тогда же стала Тюремщицей Флифа Пожирателя Душ взамен покинувшей мир Файгамеи Хешшикора. Четыре с половиной года назад нарушила по неведению обет Тюремщицы и прибегла к помощи женичины извне Круга. С тех пор несла только часть обязанностей Тюремщика, а именно хранила новый обет, от

которого ныне отказалась в связи с...»

Серьга работала. Значит, загвоздка не в этом. В чем же?

Она положила перед собой тринадцатый том, сосредоточилась, как учил сэнсэй.

– Как изгнать Соа?

Нет ответа. И никакие каратистские штучки здесь не помогут.

Она выругалась и хмуро подперла руками лоб. Вот сволочи!

Утром после шабаша она была просто вне себя. Она стремительно расхаживала по одной из зал Хешширамана из одного угла в другой с сигаретой в руке и сыпала проклятиями, которые, будь она колдуньей, могли бы круто повернуть людские судьбы. Она была так зла, что забыла даже о своей внешности. Фаирата тихонько сидела в уголке и с испугом косилась на ее перекошенную физиономию.

– Мерзавцы! Так меня обмануть! Так провести! А эта Бэла, предательница – какова, а?

Нет, это было вовсе не в характере Виты. А если и было, то она всячески старалась это подавлять и выглядеть милой и женственной. Но после того, как ее против воли втравили в это дело, она впала в бешенство. Какой низкий обман! Она согласилась всего лишь помочь – да и то, если сможет. Но ее хитро втянули в торг, чтобы заговорить зубы. А потом эта свинья, верховный маг Дарьен Миленион развел руками, даже не скрывая торжествующей улыбки: извини, мол, пере-

путал, но теперь ничего не попишешь, договор заключен, и обеим сторонам остается только его выполнять. Вита готова была его удушить. Ну и сволочная братия эти колдуны! Взвалили все на ее хрупкие плечи и еще посмеиваются.

Фаирата боялась даже слово сказать поперек. Хотя она и была колдуньей, но Виту в таком состоянии наблюдала впервые и не знала, что делать. Звать Аррхха? Аррхх сам в прострации, а если и явится, то скорее ее, Фаирату, удавит: познакомившись как следует с Витой, Аррхх неизменно держал ее сторону. А радикальные меры типа испепеления не годились хотя бы потому, что Вита была ее подругой, не говоря уже о предстоящей задаче, которую некому больше было выполнить. И Фаирата ограничилась тем, что сочувствующе молчала да вовремя подносила новые сигареты.

К середине дня Вита выдохлась. Бушуй не бушуй, а дело сделано. Договор засвидетельствован, и никуда от этого не убежишь. Ладно, пусть подавятся. Завтра она посмотрит магические книги. Она сделает все, чтобы снова заключить Флифа. Тем более что у нее с ним личные счеты. Лёшка... Она некстати вспомнила о нем и всю вторую половину дня ревела, а к ночи напилась, заливая свою печаль и свой позор в Айфарете.

Наутро она проснулась с больной головой, посмотрела на себя в зеркало, и ее чуть не стошнило.

– Нет, – поморщилась она. – Никто, будь он даже колдуном, не смеет заставить меня так опуститься. И ничто, да-

же если это грядущий конец света, не воспрепятствует мне принять ванну.

Она приняла ванну, переделалась в чистое платье и отправилась в библиотеку. Теперь ее платье, волосы и внутренняя поверхность легких были покрыты пылью, и это, увы, являлось единственным результатом ее корпения над мудростью веков.

С охами и вздохами, временами останавливаясь и потирая поясницу, она перетащила на стол четырнадцатый огромный фолиант, окованный серебром. Раньше она восхищалась этими массивными окладами, замками, переплетами из золота и серебра. От них так и веяло стариной и мудростью. О, как же теперь она их ненавидела! Если так необходимо было обивать книги металлом, бродила в голове нехорошая мысль, могли бы использовать, черт возьми, алюминий. В те времена он был, пожалуй, дороже золота, так что это не нанесло бы морального ущерба, зато как бы облегчило ее, Витину, участь!

– Ну? – вперилась она в обложку безнадежным взором. – Как заставить Соа покинуть Флифа?

Страницы вяло заворочались. Вита замерла, стараясь унять колотящееся сердце. Сейчас...

На раззолоченной бумаге перед ней предстал текст:

«Соа, золотая змея, Владычица Света, неподвластна никому из Черного Круга и повелевает Белым. Ни одному магу, будь он белым или черным, не под силу заставить ее изме-

нить свой путь».

– Вот так информация! – плюнула она в сердцах и захлопнула книгу.

Что ж, придется рассчитывать только на себя. Договор в силе. Раз она не может найти ответа в книге, она будет действовать на свой страх и риск. К счастью, у нее хватило ума не спутаться ни с какими кругами и богами. Она – ничья, она – сама по себе. Ей чихать на запреты богов. Она прошла по следу Флифа и победила его. Так неужто она не найдет управы на Соа?

Она просто должна это сделать, иначе... иначе... Она передернулась.

Ладно, для начала она предложит Соа убраться по-хорошему. Все-таки золотая змея добра. Может быть, она поймет, что так будет лучше.

Вита брезгливо отряхнула пыль и двинулась к выходу из библиотеки.

Был мороз, он кусал щеки и настырно лез под куртку. Под растущей Луной искрился кристаллами снег, покрывающий землю безжизненным мерцающим ковром. Темное небо над головой медленно совершало свое круговращение вокруг холодного равнодушного ока Полярной звезды.

Где же ты, Соа?

Позади Бетреморогской башни зажглось сияние. Оно росло, разгораясь. Вита привстала со ступенек. Из-за темной

зловещей громады башни выплеснулась золотая река.

– Соа! – закричала Вита. – Послушай меня!

Река, не останавливаясь, обвилась вокруг башни, закружилась, причудливо извиваясь, словно в беззвучном танце. Его странный ритм привораживал. Стоило поддаться ему, как все забывалось, уходило прочь – все, кроме этого чудесного света. Вита с усилием сжала виски, чтобы вновь не поддаться безумию.

– Соа, подожди! Остановись, дай мне посмотреть в твои глаза!

А есть ли глаза у этого бесконечного слепящего потока? Вита уже не была в этом уверена. Вот черт, как же до нее докричаться?

– Соа, ты слышишь меня? – она рванула себя за воротник, чтобы не мешал. – Ты же должна творить добро, Соа. Так зачем ты хочешь причинить зло всему миру? Уходи! Уходи, во имя добра.

Ничего не изменилось. Золотые волны все так же безмолвно плескались у подножия башни.

– Соа, неужели ты не понимаешь? Неужели этот мерзкий Флиф для тебя важнее остальной Вселенной? Почему ты не можешь подумать о нас? Соа, уходи!

Слова бесследно канули в потоке.

– Ты только прикидываешься доброй! – заорала Вита. – А на деле ты равнодушная гадина, вот ты кто! Убирайся из нашего мира!

Может, онаотреагирует на оскорбления? Но нет, Соа как ни в чем не бывало продолжала свой танец переливчатого света. А навстречу ей из окна Бетреморогской башни устремилась сгущающаяся тьма.

– Если ты не желаешь, уйти по-хорошему, я заставлю тебя убраться! – Вита в сердцах запустила снежком в направлении Соа и хлопнула дверь цитадели.

Гигантский черный с золотом змей свернулся кольцами, в центре которых вполне мог бы поместиться автомобиль, на полу залы, столь же огромной, как и он. Веки его были сомкнуты, тело валялось безвольной оболочкой.

– Аррхх, – тихонько произнесла Вита.

Аррхх был ее стражем во время ее пленения. Сперва Вита боялась гигантскую кишку с пурпурными глазами до икоты. Змей мог быть страшным врагом, но ей он стал другом. Он оберегал ее от Флифа – пусть не ради ее самой, а по воле Фаираты. А она вступилась за него перед Фаей, когда его, не справившегося с обязанностями охранника, оклеветали. Разве Аррхх виноват, что она, Вита, оказалась хитрее и сумела удрать? В решающую ночь полнолуния он прикрывал ей спину от темных призраков, а потом, когда она, обессилив, рухнула без сознания, не позволил снять магические драгоценности с ее безвольного тела.

Змей был неподвижен. Она присела на мозаичный пол, облокотившись спиной о прохладное, гладкое кольцо.

Аррхх, тебе тоже тяжело, подумала она с сочувствием. Она устало закрыла глаза. В голове не было ни одной мысли.

– Что ж, давай грустить вместе, Аррхх, – промолвила она. – Как я тебя понимаю! Мои предки тоже иногда откалывают такое, что мне остается лишь реветь в подушку. Но, к счастью, от них не зависит судьба Вселенной.

Ты совершенно права, Вита-Владеющая-Перстнем, возник в ее голове беззвучный голос. К тому же ты можешь повлиять на своих родителей – добром ли, силой ли. А я ничего, ничего не могу сделать!

Обычно невозмутимый Аррхх был чересчур эмоционален. Это существо, продолжительность жизни которого была сравнима с возрастом Вселенной, это порождение Соа и Флифа, в котором Свет и Тьма, слившись, неожиданно создали душу... по сравнению со своим обычным состоянием он был просто в истерике.

– Ты ничего не можешь сделать, – горько засмеялась Вита. – А Черный Круг хочет, чтобы что-то сделала я! Я, слабая женщина!

Ты не так слаба, как думаешь, Вита-Избранница-Круга.

– Ну да, конечно! – фыркнула Вита. – Я знаю пару приемов, с помощью которых могу начистить морду любой девчонке. Но боюсь, они не годятся для Соа и Флифа!

Я не говорю о физической силе. Ты сильна духом.

Вита опустила голову.

– Аррхх, я пыталась поговорить с Соа. Я думала, что смогу

убедить ее покинуть наш мир. Но мне это не удалось, и я отступила. Где же тут сила духа?

Он не ответил.

– Это глупый вопрос, да?

Спустя некоторое время Аррхх снова вторгся в ее мозг, и она могла поклясться, что в его беззвучном голосе была ирония:

Так ты пыталась поговорить с Соа, Вита-Преподносящая-Сюрпризы? А ты пробовала когда-нибудь говорить с Флифом?

– Разумеется, нет. Как с ним говорить? Это же слепое, глухое и безразличное вместилище зла!

Аррхх согласно наклонил голову.

– И что же? – спросила Вита. – Ты хочешь сказать... Но ведь Соа – добрая!

Тот же жест.

– Разве нет? – Вита запнулась. – Она прибыла сюда, чтобы освободить чудовище Флифа. Значит, она вовсе не добра?

Соа добра. Абсолютно добра.

– Она его любит? – робко предположила Вита.

Она абсолютно добра, повторил Аррхх.

– Аррхх, я не знаю, что делать! – воскликнула Вита в отчаянии, уронив голову на руки.

Змей успокаивающе обвил ее кольцом:

Ты узнаешь. За свои сто тысяч лет я много раз разочаровывался. Но ты не будешь моим разочарованием. Ты сильна.

Вита невольно улыбнулась сквозь слезы, прижавшись щекой к черному с золотом брюху. А он неплохой психолог, этот ползучий трубопровод.

6. Белые маги

Спала Вита беспокойно. Весь день она безуспешно выдумывала способ прогнать Соа пусть не из обитаемой людьми Вселенной, но хотя бы из Хешширамана. Если исходить из того, что Соа олицетворяет добро и свет, то всякая мерзость должна быть ей противна. Вита стала склоняться к мысли насинтезировать какой-нибудь химической вонючей дряни, чтобы заставить Соа ретироваться, наморщив нос. Но потом она усомнилась. Если у этой реки света нет ни глаз, ни ушей, то с чего надеяться, будто у нее есть нос? К тому же она не выказывала ни малейшей неприязни к донельзя мерзкому Флифу. Даже наоборот. И мысль Виты заработала в другом направлении. Убить? Слишком радикальный метод, но в крайнем случае... Только как? И можно ли убить Соа? Похоже, она бессмертна.

День прошел впустую. Неудовлетворенность Виты преследовала ее и во сне. Ей грезилась какая-то липкая муть, неясные шорохи, гадкие прикосновения к лицу. Она вздыхала и ворочалась во сне, но не просыпалась – сон не давал ей новых сил, а только изматывал, затягивая все глубже в паутину кошмаров. Перед ней мелькали бредовые видения: женщина с чертами лица, скрытыми темной накидкой,

делающая замысловатые пассы руками; бесконечный коридор, плавное движение, словно в плывущей по течению лодке; мужчины в серебристых одеждах, мужчины со странными глубокими глазами, они глядели прямо ей в сердце... и неотступный сладковатый запах травяного курения, преследующий ее сквозь все сновидения.

Внезапно она поняла, что не спит. Она не могла бы поймать момент пробуждения, только вдруг пришло ощущение яви. Она находилась в совершенно незнакомой комнате. Переливающиеся перламутром стены, уходящие ввысь и теряющиеся наверху во тьме, не заканчиваясь потолком; твердое ложе из неизвестного материала, покрытое кроваво-красным бархатом – она лежала на этой пугающей ассоциациями постели в неестественной позе, с вывернутыми руками и запрокинутой головой. В комнате витал странный запах из ее сна. Ее немного подташнивало, слегка побаливали виски. Наркотик, подумала Вита, прислушиваясь к своему сбивающемуся с ритма сердцу. Или колдовское зелье... что, в сущности, одно и то же.

Она попыталась изменить неудобное положение тела, но смогла только пошевелить кончиками пальцев. Ее несколько запоздало охватил ужас. Что делает она в этой чужой комнате, одурманенная, беспомощная? Как она сюда попала? Не иначе, ее похитили! Кто? Она не сомневалась, что в похищении замешаны колдуны. Ее тело не чувствовало ни веревок, ни бинтов, тем не менее она была словно связана. Кто

мог сделать это, кроме мага или колдуньи? Кто, кроме очень могущественного мага или колдуньи, мог пробиться сквозь защиту Хешширамана и выкрасть ее? И зачем? Уж не затем ли, чтобы открыть Флифу путь к свободе? Нет, это слишком чудовищно... Интрига? Какую роль могла играть Вита в раскладах магов? Дарьен и его приспешники поставили на нее – может быть, кто-то задумал диктовать свои условия в обмен на ее жизнь и успех ее плана? А может, она приманка для Дарьена в руках тех, кто хотел бы его уничтожить? Или для Фаираты?

Вита бессильно скрипнула зубами. Мучительно было лежать, как свернутый ковер, и гадать. Она снова попыталась двинуться. Туловище отказывалось повиноваться, но ей удалось чуть повернуть запрокинутую голову. Затеكшие мышцы тут же отозвались болью на это движение, и в глазах у нее помутилось. Когда же зрение вернулось к ней, она увидела себя. Она смотрела в большое зеркало, отражающее маленькую фигурку на кроваво-красном бархате. Ее волосы были растрепаны, в глазах легко читался страх, а тело... тело было спеленуто в кокон тончайшими серебристыми нитями. Если бы Вита не увидела это своими глазами, она бы не поверила. Серебристая паутина была невесома, неосязаема – но слишком крепка, чтобы счесть ее оптической иллюзией.

Спустя секунду Вита разглядела еще кое-что. Она была не одна в комнате. За ее спиной стояли трое мужчин в белых мерцающих одеяниях, стянутых золотыми поясами, на поя-

сах висело самое настоящее оружие. Тяжелые клинки, обоюдоострые, заточенные так тонко, что Вита уловила, как свет свечи распадается на крохотную радужку на краю лезвия. Одежания грозных незнакомцев были полупрозрачны, и когда взгляд Виты скользнул по их нижней части, ей вдруг пришло на ум, что ее похищение может иметь более прозаические цели. Эта мысль, как ни странно, вызвала облегчение. Лишь бы не зарезали, подумала она. Острые мечи гораздо сильнее волновали ее воображение, чем то, что скрывалось под белыми одеждами.

Все трое вдруг расхохотались. Вита вздрогнула. Точнее, по телу, стиснутому неосязаемыми путами, пробежала судорога. Над чем они смеются? Они смотрели на нее и хохотали. Знали ли они, о чем она думает? Их взгляды жгли, как рентген.

Будто в насмешку, один из них, подойдя, отцепил клинок от пояса и поднес к ее лицу – медленно, так чтобы она ощутила бесповоротность этого движения. У нее все сжалось внутри. Страшное лезвие было так близко, что она могла различить темную вязь заклиний вдоль желобка кровостока. На поверхности металла плясали блики. Мужчина, не меняя выражения лица, плавно провел мечом, почти касаясь ее кожи, и она увидела, как на бархатную подушку падают короткие волоски – ее брови. Господи, они изуродуют меня, промелькнуло в голове. И тут же снова раздался смех.

Они читали все ее мысли!

Холодный металл коснулся ее шеи, и она замерла на полдороге к обморочному состоянию. Но лезвие не проникло вглубь ее тела. Внимание мужчин привлекло сияние, вспыхнувшее посреди комнаты. Вита уже знала, что оно предвещает чье-то появление.

Это был еще один мужчина. Его белая туника была прикрыта неопределенного цвета плащом, по которому рассыпались длинные светлые волосы. Еще будучи наполовину призраком, он сделал останавливающий жест рукой. Мерзавец, остригший Вите брови, нехотя убрал оружие со словами:

– Но, Лисаан, ты же сам прикажешь убить ее! Мы смотрели в ее сердце и узнали всё. Черный Круг действительно замышляет против Владычицы Света, и она – его орудие, дерзнувшее помыслить навязать Соа свою волю и даже... о Лисаан, мой язык не смеет выговорить...

– Даже уничтожить золотую змею, – закончил за него второй.

Первый, переведя дыхание, кивнул.

– Так разве она не заслуживает смерти?

Лисаан прошелся по комнате. Вита следила за его отражением в зеркале.

– Несомненно, заслуживает, – проговорил он сурово. Похоже было, что только что полученная информация разбудила в нем негодование. – Она будет умерщвлена. Но не так, Асгиар. Неужели ты уподобился этим алкателям крови из Черного Круга? Белые маги используют оружие лишь для за-

щиты.

Она в руках белых магов! Вита не знала, стоит ли ей радоваться. Белые маги – не какие-нибудь поклонники дьявола, они служат добру... Это внушало надежду. Но тот человек ясно сказал – она будет умерщвлена!

Тем временем Лисаан промолвил:

– Асгиар, идеал Белого Круга – добро. Мы должны быть добры даже к тем, чьи мысли черны, даже к врагам, – он посмотрел на Виту. – Ей неудобно лежать.

Он сделал несколько неуловимых движений руками, и серебристая паутина, опутывающая Виту, растворилась в воздухе. Наконец-то она получила возможность принять более естественное положение. Она с трудом села, поправляя ночную рубашку. Все мышцы нещадно болели.

– Она напугана, – сказал Лисаан. – И голодна к тому же.

Голодна? До сих пор Вита не думала о голоде, но сейчас, когда он упомянул об этом, почувствовала, как томится желудок. Она была готова съесть целого гуся. Непроизвольно сглотнув слюну, она жадно уставилась на возникший перед нею столик. На блюдах были разложены овощи, фрукты, орехи, хлеб.

– Мяса не будет, – сказал Лисаан несколько резковато. – Только злые люди способны убивать животных ради еды. На вино тоже не рассчитывай, – он перехватил ее вопросительный взгляд на графин с водой и покачал головой: – Ты пропитана злом насквозь, наемница черных.

Вита начала есть, и по мере того, как она насыщалась, страх отодвигался в сторону. Возможно, этот моралист выслушает ее. В конце концов, он отнесся к ней гуманно. Она объяснит ему, что хочет только добра, добра для всех.

– Что ты можешь знать о добре, раба зла? – спросил Лисаан.

Вита проглотила застрявший в горле кусок.

– Я не служу злу, – выдавила она. – Я хочу, чтобы зло исчезло. Именно поэтому я решила сделать все, чтобы Флиф не получил власть над миром.

– Сделать все! – повторил Лисаан, и в его устах эти слова звучали весьма неодобрительно. – В том числе и поднять свои грязные руки на Владычицу Света.

– Но я не хотела ее убить, – запротестовала Вита. – Это была случайная мысль. Я лишь думала, как заставить ее уйти из нашего мира.

– Как смеешь ты, – громыхнул его голос, – думать о том, чтобы распоряжаться самой золотой змеей? Как смеешь ты хотя бы в душе своей препятствовать ей творить благо в твоём мире? Ты сама призналась сейчас, что не желаешь добра.

– Нет, я желаю добра! Но разве Соа делает добро, освобождая из заключения тьму, зло, черноту?

– Мы должны быть добры даже к врагам. Соа подает нам пример. Добро – это добро по отношению ко всем. Флиф заточён, он страдает. И Соа освободит его, дабы уменьшить страдание в мире.

– Уменьшить страдание? – вскричала Вита, забыв о еде. – Да Флиф поглотит все живое! Почему вы не думаете о страданиях тех душ, которые пожрет эта тварь? Они больше нуждаются в доброте!

– Больше? – холодно переспросил Лисаан. – Кто дал тебе право судить об этом? Откуда тебе знать сокровенное от высших?

– Но ведь Флиф – зло! – закричала Вита.

– Соа знает, что делает. Люди живут в свое удовольствие, а Флиф томится в тюрьме, несчастный, скованный. По-твоему, счастье людей должно держаться на страданиях Флифа? По-твоему, он должен мучиться вечно, а Соа должна подчиниться тебе или – да простит меня мой бог! – умереть?

– Мне плевать на муки проклятого Флифа! Да и на Соа тоже. Я вообще не уверена, что они могут чувствовать муку... что они живые. А люди – живые!

– Довольно, – оборвал ее Лисаан. – Либо ты черна сердцевинной, либо глупа. Ты берешь зло и называешь его добром. Ты берешь добро и говоришь, что это зло. У тебя все поставлено с ног на голову! Ты не понимаешь истинной сути добра и зла.

– А по-моему, – дерзко ответила Вита, – это вы ее не понимаете!

Столик с едой исчез, Лисаан поднялся на ноги.

– Надо быть милосердным даже к таким, как ты. Мы не прольем твоей крови.

Искорка надежды вспыхнула в сердце Виты.

– Ты умрешь в очищающем огне.

Вита в отчаянии хрустнула кистями рук, глядя на тающее изображение Лисаана.

В огне! Такого садизма она не ожидала от этих негодяев, прикидывающихся добренькими и беленькими. Вита сжала кулаки. Проклятые лицемеры! Лепечут о добре и зле, а сами ведут себя точь-в-точь как инквизиторы. Тут Вита вспомнила, что святая инквизиция действовала из самых лучших побуждений и, естественно, во имя добра. Может быть, она действительно не до конца понимает эти понятия – добро, зло?

Не время, стукнуло ей в голову. Совсем неподходящий момент для философских размышлений, когда вот-вот могут ворваться милосердные и высоконравственные палачи и поволоочь ее на костер. Она вскочила и заметалась. Где тут дверь? При попытке приблизиться к переливчатым стенам и хорошенько их рассмотреть они отодвигались. Вот она, стена – но делаешь шаг, и она ускользает. Неужели попасть сюда можно только телепортацией? Вита забеспокоилась не на шутку. Если так, то она никогда не выйдет отсюда по своей воле. Единственный остающийся у нее выход – попытаться повлиять на тех, кто придет за ней. Она больше не надеялась на слова: беседа с Лисааном убедила ее, что маги Белого Круга – непрошибаемые фанатики. Общаться с ними можно

лишь с позиции силы. Эх, а у нее нет даже ножа! Укладываясь спать в Хешширамане, она беспечно положила его на стол. В поисках хоть какого-то заменителя оружия она прошлась по комнате. Глаза ее остановились на бронзовой вазе. Глупо, наверное, надеяться помешать колдунам с ее помощью, но Вита рассчитывала на внезапность. В любом случае, терять ей было нечего.

Она уселась на бархатное ложе с тяжелой вазой в руке и тупо уставилась прямо перед собой. Ей оставалось только ждать.

7. «Морская звезда»

Виту вывел из состояния транса жуткий визг, переходящий в вой. Она встрепенулась. Стены вдруг потеряли перламутровый блеск и застыли серым камнем. Едва она успела отметить, что комната оказалась на деле совсем маленькой, как стена с грохотом рухнула, и в проем, освещенный вспышками разрывов, ринулись какие-то типы со смуглыми рожами, не вызывающими доверия.

– Это она! – отрывисто сказал один из них и схватил ее за руку.

Вита заверещала и замахнулась вазой. Двое перехватили ее руку, ваза выпала. Вита начала кусаться:

– Я дорого продам свою жизнь, ублюдки!

– Спокойно, крошка! – держащий Виту потащил ее к проему. – Твоя жизнь действительно дорога, и мне заплатили

неплохие бабки, чтобы я берег ее как зеницу ока. Пошевеливайся, красавица! Скоро здесь будет жарко, – он ощерился, и в дыму, пыли и пламени Вита насчитала у него во рту шесть золотых зубов.

Они бежали по узкому коридору, а стены тряслись, словно началось землетрясение. Мужчина бежал впереди и волок за собой Виту, спотыкающуюся и путающуюся в длинной ночной рубашке. У него были темные очки и каска на голове, комбинезон защитного цвета открывал мускулистую грудь, к кожаному ремню был приторочен целый арсенал современного, насколько разбиралась Вита, оружия. За спиной висела мощная пушка с глушителем. Он не колдун, внезапно поняла Вита, и это обрадовало ее. Колдунами она была сыта по горло.

– Кто вы? – задыхаясь на бегу, спросила она.

Незнакомец сверкнул зубами:

– Дэн Ши из Вэньчжоу. Только не спрашивай, кто я по профессии, детка, не то мне придется тебя убить – а платили мне как раз за обратное!

Сзади гроыхнуло. На бегу Дэн Ши быстро притянул Виту к себе, прикрывая от осколков и горячей пыли. На какое-то мгновение она почувствовала жар его покрытого потом тела, рельеф мышц... Лишь на мгновение – он снова рванул ее за руку:

– Быстреей!

Она вдруг ощутила приступ злости на себя – на то, что

она такая растрепанная, замученная, в этой нелепой мятой ночнушке, да еще без бровей по милости негодяя из белых магов! И сейчас же подивилась, как она может в такой ситуации думать о внешности. Под ногами пол ходит ходуном, стены взрываются, сзади несется копоть и слышится рев пожара... Тут только бы выбраться, хоть в ночнушке, хоть без!

Не останавливаясь, китаец сдернул с пояса коробочку с антенной и заговорил в нее. Его дыхание как будто ничуть не пострадало от бешеного бега:

– Янг, мы на подходе. Погони не видно, но пусть стрелки будут готовы. Что на радарях?

– Чисто, кэп, – раздался из динамика заглушенный и искаженный голос. – Вас очень плохо слышно. Там что, мощная электроника?

– Там дьявольщина, – сказал, как плюнул, Дэн Ши.

– Мы ждем вас. Орудия заряжены, на реакторе полная мощность. Желая удачно прорваться.

Дэн Ши щелкнул переключателем:

– Эй, кто на шлюпке? Готовьтесь отчаливать, и чтобы ни секунды промедления, не то подвешу на собственных кишках!

Они выскочили через пролом, явно проделанный тяжелым снарядом. Вита не успела даже отследить, что под ногами больше нет опоры. Дэн Ши сгреб ее в охапку и прыгнул, не оглянувшись. Они полетели с высоты прямо в бурлящее море.

У Виты сдавило горло. Она никогда не прыгала даже с пляжной вышки. Где-то далеко внизу покачивалась на волнах крохотная шлюпка, она быстро увеличивалась в размерах. Потом Вита увидела серое пасмурное небо – Дэн Ши перегруппировался, толкнув ее вверх, и первый ушел под воду, приняв удар на себя. В следующий же миг она почувствовала обжигающий холод океанских волн, глубоко вдохнула и задержала дыхание.

Китаец был поистине стремителен: она даже не успела опомниться, как уже барахталась и отплевывалась, держась за край шлюпки. Дэн Ши подхватил ее под руки, заталкивая на палубу, и она снова невольно прижалась к нему – столь же ненадолго. Он ловко перемахнул через борт следом за ней и отрывисто приказал:

– Ходу!

Шлюпка взревела и сорвалась с места, вспенивая воду. В лицо ударил ветер. Вита, промокшая и продрогшая, съежилась от холода. Дэн Ши показал зубы:

– Не желаешь ли погреться, малютка? – и гостеприимно распахнул объятия.

О, она желала! Ползком по качающейся палубе она подобралась к нему. Он крепко обхватил ее за дрожащие плечи, прикрыв полой куртки. Он сам был мокрым насквозь, но, видно, горячая кровь текла в его теле. Вита начала согреваться.

– С-спасибо, – перестукивая зубами, проговорила она.

Он осклабился:

– Ну, я получу за твое спасение кое-что посуущественнее «спасибо»!

– От кого?

– Да от каких-то теток чокнутых.

– А спасибо – от меня лично.

– Пожалуйста, – хмыкнул он. – Нечасто меня благодарят симпатичные девочки. Что это вокруг тебя такой переполох? Ты дочь миллиардера? Или секретная агентка?

– Да нет, – Вита досадливо убрала со лба прядь мокрых волос. Ей было совершенно не до того, чтобы изобретать правдоподобную ложь, и она ответила правду. – Связалась с колдунами по дурости.

Он прищелкнул языком:

– Ведьмы эти бабы, то-то и оно! Я им не верил, да ладно, деньги их. Дали мне точные координаты, прибываем на место – пустота, простор на семь ветров. А как вдарили залпом из всех орудий – сразу появилась эта дребедень, – он небрежно кивнул налево. – Точно так, как говорили.

Они огибали громадную башню, высившуюся посреди открытого моря. Башня угрожающе шаталась, из трещин в стенах рвался огонь и дым. Вот шлюпка на полном ходу миновала последний качающийся уступ, и взору Виты открылся корабль. Она ни разу не видела настоящих современных кораблей, и ее представления о морском флоте складывались из книжек: резные фигуры на носу, белые паруса, ну на ху-

дой конец внушительные колеса с лопастями. Этот же корабль был сер и приземист. На борту двумя черными кляксами – два китайских иероглифа. В ухе Виты все еще висела серьга-Переводчица, и она разобрала название: «Морская звезда». Внешних признаков двигателя не наблюдалось, но в «Морской звезде» почти физически ощущалась дремлющая до поры до времени мощь. Корабль оцетинился дулами орудий, видна была ракетная установка. Над палубой возвышалась антенна радара, описывающая круги.

Впрочем, кое-что из романтических книжек присутствовало. Высоко, выше, чем антенна, развевалось на ветру черное полотнище с хрестоматийным белым рисунком, который Вита не раз видела на бутылках с химическими ядами.

«Морская звезда» была кораблем пиратов!

Лицо Дэна Ши перекошилось. Он резко привстал, сорвал с себя темные очки, как будто желая тщательнее приглядеться к этому безобразию, и Вита увидела его узкие жестокие глаза, сощуренные в холодном бешенстве. Он выхватил свой передатчик и заорал:

– Три тысячи акульих задниц! Кто додумался поднять флаг? Всех перевешаю на радаре вниз головами!

Он изверг еще целую серию проклятий, до того витиеватых, что Вита невольно заслушалась, поражаясь неортодоксальности человеческой мысли. Пиратский флаг стал быстро опускаться. Дэн Ши отбросил передатчик и сжал плечо Виты:

– Придется все-таки тебя пришить. Службы по борьбе с терроризмом спят и видят, кто бы навел на нас, а молчат только мертвые.

Вита истерически засмеялась:

– Боже мой, меня собираются убить второй раз за один день!

– Правда, жаль деньги терять, – проворчал китаец. – Я за целый год столько не награблю...

– Кто платит за меня? – спросила Вита. – Что это за женщины? Такая рыженькая зеленоглазая девушка и брюнетка в белом?

– Нет, – раздраженно отмахнулся он. – Они уже в возрасте, и рыжих там нет. Главная – черномазая лет шестидесяти.

– Странно, – промолвила Вита.

Шлюпка причалила к борту корабля. Лишь успели они подняться на палубу, Дэн Ши сделал резкий жест:

– Полный вперед!

Корпус судна глухо завибрировал. Через минуту вибрация прекратилась, и «Морская звезда», плавно набирая ход, бесшумно заскользила по волнам. Дэн Ши взял бинокль, протянутый одним из матросов, и распорядился:

– Барышню – в каюту!

Вита спустилась вниз в сопровождении вооруженного до зубов одноглазого китайца со шрамом через все лицо. Ее покачивало, она мелко дрожала от холода. Она вошла в каюту,

оставляя на полу мокрые следы босых ног.

– Вы понимаете по-нашему? – спросил одноглазый, растопырившись в дверном проеме.

– Э... – Вита потрогала серьгу. До сих пор ей почему-то не пришло в голову, что и Дэн Ши, и этот тип говорили с ней по-китайски. – Да, понимаю.

– Виски, – он вытащил из шкафчика знакомую и родную пластиковую бутылку. – Сигареты, – рядом легла непочатая пачка. – Еще что-нибудь надо?

– Переодеться бы, – Вита, скривившись, посмотрела на облепившую ее ноги мокрую рубашку.

– Вообще-то у нас нет дамских платьиц, – оскалился одноглазый. – Но вряд ли кэп вздернет вас на радаре, если вы позаимствуете кое-что из его гардероба. Есть еще вопросы?

– Есть. Куда направляется «Морская звезда»?

– Кэп не делится с нами своими планами. Мы делим только добычу. И за ваши перышки, мадам, – он криво улыбнулся, – нам перепадет немало.

Он ушел. Вита устало села на койку, сдернула проклятую ночнушку. Отхлебнула виски, остатками тщательно растерлась. Стало тепло. Она открыла шкаф и принялась рыться в нем в поисках подходящей одежды.

Спустя некоторое время она, держась за перила железной лесенки уже более уверенно, поднималась на палубу. На ней была майка, кончающаяся где-то в районе колен, примерно такой же свитер, брюки с подвернутыми штанинами, затяну-

тыми на поясе узким ремнем, непромокаемая куртка с капюшоном. Обувь по размеру не нашлось, и чтобы сапоги не болтались на ногах, она надела три пары шерстяных носков.

Дэн Ши стоял на мостике. Каски на нем не было. Спереди блестел гладко выбритый череп, а сзади черные волосы были заплетены в тонкую крысиную косичку.

– Вниз! – заорал он, заметив Виту. – Сиди, как мышь, и не топчись под ногами! – казалось, он был чем-то обеспокоен, то и дело поглядывая в бинокль назад.

Вита оскорбленно пожала плечами:

– Я только хотела спросить, не могу ли чем-нибудь помочь.

– Нам сейчас никто не поможет, – сплюнул он. – Надеяться и ждать, вдруг выпадет удача. Ладно, иди сюда.

Она подошла, встала рядом, опираясь о перила.

– Что, какие-то проблемы?

Дэн Ши посмотрел на нее оценивающе своими прищуренными глазами:

– Хорошо держишься, малышка. У меня тут бывали красотки попредставительнее, но что-то я не примечал за ними подобного самообладания. Ты хорошо осознаешь, где находишься? Ты на пиратском корабле, дорогая, и тебе это теперь известно, и я, между прочим, должен тебя убить. Никто из тех, кто видел наш флаг, не покидает этот корабль живым. Так-то. А может быть, вскоре мы все пойдем ко дну. У нас за кормой варится такая каша, что я решил принести Нептуну

человеческую жертву за попутный ветер!

Она разглядела, что два матроса переваливают через борт чье-то окровавленное тело.

– Ты веришь в Нептуна? – спросила она, провожая тело взглядом.

– Разумеется, нет, – фыркнул он. – Но надо же куда-то деть труп безмозглого идиота, поднявшего «Роджера»! Ну? Тебя еще не тошнит?

– Я не страдаю морской болезнью, – проговорила она сквозь зубы.

Некоторое время он молчал, потом указал биноклем на темное пятнышко на горизонте:

– Эта башня... Я теперь понимаю, о чем толковали те бабы. Мы разворотили магическую защиту массивированным огнем. И энергия защиты постепенно высвобождается, все быстрее. Короче, надо рвать когти.

«Морская звезда» неслась вперед наперерез волнам. Вита раньше и не подозревала, что корабль может развить подобную скорость.

– Да, в крутую затею ты ввязался, – Вита издала сочувствующий смешок.

Китаец отстранился, внимательно разглядывая ее, и присвистнул:

– Клянусь зубами акулы, которой я собственноручно вспорол брюхо! Сдается мне, что это не красивая поза! Ну-ка скажи мне, в каких передрягах ты успела побывать за свой

недолгий век?

– Ты все равно не поверишь, – махнула рукой Вита.

– Те, кто платит за тебя, научили меня верить в невозможное. Валяй, выкладывай!

И она рассказала. Это был первый раз, когда она доверила постороннему историю своего знакомства с Фаиратой, заточения в Хешширамане и поединка с Флифом. Рассказала и о последних событиях: как был заключен несправедливый договор и как она оказалась в руках белых магов. Дэн Ши покачивал головой.

– Н-да, – вымолвил он наконец, поигрывая биноклем. – Если кто и ввязался в крутую затею, то это ты. Не буду я тебя, пожалуй, убивать. Я даже дам тебе совет, как выжить. Никогда не расставайся с оружием – *никогда!*

– Твой совет – не более чем совет, – заметила Вита. – Ведь у меня попросту нет оружия.

– Пошли, – сказал он коротко.

Они спустились в каюту. Дэн Ши присел на корточки, и Вита посмотрела на него с интересом.

– Я бы дал тебе хорошую пушку, – сказал он, – но магия с современным оружием несовместима. Так что возьми вот это, – он отвернул ковер и вынул из-под него грубые кожаные ножны.

Вита протянула руку и чуть не выронила презент, не рассчитав тяжесть того, что было в ножнах.

– Ого! – воскликнула она и, взявшись за резную костяную

рукоятку, с любопытством вытащила клинок.

Вита никак не ожидала увидеть то, что предстало перед ее глазами. Она замерла, затаив дыхание. Узкое, всего в пару сантиметров шириной, и длиной с локоть лезвие, светлое, как серебро, но твердое, как алмаз, остро заточенное с обоих краев и кончающееся тонким острием... Ближе к рукоятке виднелись более темные иероглифы.

– Это древняя вещь, – проговорил Дэн Ши. – Ее ковали в тибетском монастыре. Дядя завещал мне ее перед смертью.

Вита с благоговейным трепетом вложила клинок обратно в ножны и, поколебавшись, протянула ему:

– Я... я не приму от тебя такой подарок. Как ты можешь отдать его?

– Тебе нужнее, – ответил он, пряча глаза.

– Спасибо, – прошептала она и с благодарностью прижала к груди новообретенное оружие.

Китаец все еще сидел на корточках, наклонив голову. Повинуясь охватившему ее порыву, Вита быстро опустилась на колени рядом с ним и приникла к его губам поцелуем.

Дэн Ши не спешил убирать губы. Похоже, он воспринял ее инициативу с энтузиазмом. Она почувствовала его язык у себя во рту, а его сильные руки на своих бедрах, голова ее сама собой запрокидывалась все ниже и ниже и вскоре легла на ковер...

И вдруг словно юпитера вспыхнули. Оба мгновенно встрепенулись, оглядываясь в недоумении, не находя источ-

ника света. Жуткая догадка пронзила Витин мозг: этот ослепительный, давящий свет был отраженным!

– Девять тысяч электрических скатов! – хрипло выругался Дэн Ши, высвобождаясь.

Это ж надо, как не вовремя, подумала Вита.

Шквальный удар ветра обрушился на «Морскую звезду». Вита, только что поднявшаяся, снова упала, когда чудовищная сила метнула корабль, как камень из пращи. Что сейчас творится на палубе, ужаснулась Вита, держась за ножку койки, чтобы ее не мотало от стены к стене. Дэна Ши с размаху ударило о дверь каюты. Одной рукой вытирая кровь с лица, другой он схватил передатчик:

– Янг, глуши реактор! Ты меня слышишь, Янг? Ты жив? Сорок тысяч пираний, одни помехи! – он в сердцах швырнул бесполезный передатчик в стену.

Хаотическое кидание «Морской звезды» по воле ветра и волн постепенно уменьшилось, и яростный свет померк. Дэн Ши с лицом мрачнее тучи, распахнув дверь каюты, заковылял по лесенке вверх. Вита на негнущихся ногах последовала за ним.

Палуба была мокра от морской воды, тем не менее на корме что-то горело. Там уже копошились матросы с огнетушителями.

– Радар, – безутешно промолвил – почти простонал – Дэн Ши.

Все сколько-нибудь вертикальные конструкции, малочис-

ленность которых поразила Виту при первом знакомстве с «Морской звездой», были сметены начисто. И радар, и флагшток, и ракетная установка... Смыло все шлюпки. Все, что могло гореть, сгорело или догорало.

На горизонте, в стороне, противоположной заходящему Солнцу, далеко на востоке, там, откуда они неслись очертя голову, вздымался ввысь мощный столб воды, увенчивающийся шляпкой, словно древнегреческая колонна. Вита похолодела.

– Не слишком ли современным было твое оружие? – тихо спросила она.

Дэн Ши сплюнул:

– Я честный пират и держусь подальше от ядерных игрушек. Мы били разрывными. Клянусь плавниками мурены, которой я порвал пасть, это тот самый эффект магической защиты.

Вита поежилась:

– Я думала, дело ограничится пожаром...

– Я тоже на это надеялся. Ну, тетки не зря предупреждали, чтобы мы линяли оттуда как можно скорее. Запомни это навсегда! – сказал он неожиданно жестко, повернувшись к ней. – Не стреляй в колдунов. Только сталь!

К ним подошел смуглый коренастый человек в темных очках и прожженной кепке.

– Кэп, мы лишились радара, – сообщил он обеспокоенно. – Мы слепы, как котята, и к нам может подобраться неза-

меченным целый флот.

Дэн Ши хмуρο кивнул.

– Еще что-нибудь, Янг?

– Есть потери. И ребята... подавлены.

– С ребятами я поговорю, – Дэн Ши с усилием изобразил на рассеченном лице улыбку. – Пятьдесят тысяч барракуд, нам еще крупно повезло! Реактор в порядке?

– А что ему сделается, – ответил Янг, просветлев. – Нужно прямое попадание, чтобы вывести его из строя. Хвала небесам, кэп, что вы не пожалели средств на реактор.

– При чем тут небеса? – раздраженно буркнул Дэн Ши. – Логика и расчет, вот на что надо молиться.

Виту словно током дернуло. Давно она не слышала ни от кого столь трезвых слов.

– Как бы то ни было, Янг, – заключил Дэн Ши, – мы живы, и двигатель на ходу. И ветер к тому же западный – значит, на нас не понесет осадки. Сделаем дело, придем на базу... Куча бабок – залатаемся быстро.

Низенький Янг покивал и с легким сердцем удалился.

Этой ночью у команды «Морской звезды» и ее капитана было много дел. Вита вздремнула, но долго ей не спалось. Она встала, прибралась в разбомбленной каюте. На рассвете заработало радио. Подперев руками подбородок, она сидела за столиком перед стаканом виски и слушала разноязыкие сообщения о незаявленном ядерном взрыве в Тихом океа-

не. Она ловила обрывки фраз. «В зоне заражения оказалось французское исследовательское судно». «Ни одна из ядерных держав не берет на себя ответственность за случившееся». «Начато расследование». И все это – из-за нее!

Она бессильно стукнула по столу кулаком. Чувство вины перед человечеством, успевшее утихнуть за годы, прошедшие с трагедии на Киевском вокзале, вновь проснулось. Снова человеческие жертвы, снова переполох... Можно было сколько угодно уговаривать себя, что человечество должно закрыть на это глаза и благодарить ее за спасение от конца света. Совесть не принимала этот аргумент. Жертвы оставались жертвами. На путях спасения человечества Вита стала причиной гибели многих людей, пускай и против своей воли.

Ужасная мысль пришла ей в голову. Может быть, Лисаан был прав?

Она опрокинула стакан. На глазах выступили слезы. Боже, неужели он прав?

Она резко одернула себя. Бог мне не поможет, как говорила Фаирата. Надо разбираться самой.

Да, ее не назовешь праведницей. Ее путь отмечен недобрыми деяниями и усеян трупами. Но ведь и среди святых были воины! А война – недоброе дело. Значит, то, что чтут, как святость – это не добро.

Она замерла, потрясенная этим выводом. Люди сражаются во имя добра. Сражаются! Убивают друг друга, калечат, причиняют страдания... Это же зло! Или нет? Если не сра-

жаться со злом, оно заполонит все и вся. Бездействовать, смотреть, не вмешиваясь, как кругом творится зло – вот в чем настоящее зло! А зло против зла... Минус на минус дает плюс. Есть зло и *зло*, добро и *добро*. Добро – то, что является светлым и правильным по духу своему. И добро-абсолют. «Как бы кого не обидеть!»

Вите вспомнилась характеристика Аррхха: Соа *абсолютно* добра. Не добра, а *абсолютно добра*. Добро, доведенное до абсурда. Чем же абсолютное добро лучше абсолютного зла? Флиф – страшный, темный, холодный и алчный, и Соа – такая прекрасная, лучащаяся светом... Оба – абсолюты. Вот в чем беда. Абсолюты, тупые, бездушные абстракции, чуждые живому миру. Нет отдельно добра и отдельно зла, лишь в их единстве существует мир. Вита вдруг поняла, почему Аррхх, дитя Соа и Флифа, так отличается от своих родителей. В нем слились оба начала, переплавились и дали ему нечто новое – душу. Аррхх живой и, как все живое, несет в себе искры добра и частицы зла. А Соа и Флиф – бесчувственные, невещественные, мертвые категории. Вот тебе, Лисаан!

Но как же невинные жертвы? Как же поглощенные чернотой на Киевском вокзале? И погибшие только что?..

Нет, не могу больше об этом думать, мысленно взывала Вита. Она встала. Ей нужна работа, чтобы отвлечься. Она поднялась на палубу. Дэна Ши не было видно, и она окликнула Янга, отдающего распоряжения матросам. Насколько она

понимала, он был на «Морской звезде» персоной номер два, правой рукой капитана. Янг с радостью принял ее предложение и попросил помочь корабельному доктору.

Доктор принимал пострадавших в кают-компании, здесь же лежали те, кто не мог сам передвигаться. Вита не тешила себя иллюзиями относительно своих медицинских талантов или даже способностей к утешению, но по крайней мере она не боялась вида крови, торчащих обломков костей и ожогов, а уж в умении готовить растворы ей, дипломированному химику, нельзя было отказать. От работы ее оторвал знакомый уже голос:

– Семьдесят тонн китового дерьма! Где твоё оружие?

За ее спиной стоял Дэн Ши.

– Э-э... – замялась она. – В каюте.

– Я же сказал, – произнес он свирепо. – Никогда не расставайся с оружием! Ты хоть раз видела меня безоружным?

– Но...

– Единственная настоящая ценность, которая у тебя есть – это жизнь. И ты должна всегда быть готова ее защитить. Быстро за ножом!

Вита выскочила вон. В зените ярко светило Солнце. Она подивилась, как пролетело утро, и тут же вспомнила, что последний раз ела сутки назад.

Они завтракали (или обедали?) на палубе под наскоро сооруженным навесом. Было тепло, Вита сидела босиком и без куртки. Клинок, притороченный к ремню, путался в ногах.

– Тебе нужно научиться с ним обращаться, – сказал Дэн Ши. – У нас есть еще время, надо его использовать. Конечно, – он криво усмехнулся, – навыков благородного боя ты за короткий срок не усвоишь, да и ни к чему рыцарские замашки, если силенок маловато. Поэтому мы займемся кое-какими подленькими приемчиками.

Изуродованная «Морская звезда» все так же мчалась на закат, а за кормой уже темнело. Вита, намахавшись тяжелым клинком, который в ее представлении являлся чем-то гораздо более серьезным, чем какой-то нож, и который она мысленно предпочитала называть мечом, устало спускалась в каюту. Весь день прошел в непрерывных тренировках, они не прекращались даже во время еды, когда Дэн Ши между двумя глотками наносил удар, и она, от неожиданности теряя аппетит, вынуждена была его отражать. В глазах у нее плыли круги, плечи ныли.

Она потянулась к бутылке, и в этот момент за ее спиной раздался свист рассекаемого воздуха. Она мгновенно подбралась и выхватила клинок, ловко увернулась из-под зазубренного лезвия и остановила острие в нескольких миллиметрах от горла Дэна Ши.

– Молодчина, – удовлетворенно произнес он и, притянув к себе, поцеловал ее так же страстно, как и тогда, перед взрывом. – Надеюсь, это было с твоей стороны не просто выражением признательности, а?

– Конечно же, нет, Дэн, – промурлыкала она, откладывая

клинок и расстегивая рубашку.

– Не бросай оружие! – рявкнул он.

Она смущенно потупилась:

– Даже сейчас?

– *Никогда*, – отсутствие штанов не убавило ему твердости голоса. – Ты должна быть готова *в любой момент*.

– О боже, – вздохнула она, перекладывая меч поближе.

– Он не слышит, – ухмыльнулся Дэн Ши. – В своей жизни надейся только на себя.

В ее груди снова пробежал ток. Наконец-то, подумала она, прильнув к нему, не суеверный слюнтяй и не набожный моралист – человек, который привык рассчитывать лишь на себя. Единомышленник.

– Дэн, – пришло ей вдруг в голову. – Может, это ты – моя награда?

– Вот уж вряд ли, – фыркнул он, лаская ее. – Я сволочь, каких мало.

Ну и что, подумала она.

За два часа до полуночи «Морская звезда» легла в дрейф. Дул свежий ветер, небо было ясное, все в ярких точках. Луна висела в черном небе желтой горбушкой, по рваным волнам бежали дорожки света. Осталось всего два дня, невесело подумала Вита, а задача так и не решена. Возможно, это будут последние дни мира. Она содрогнулась и крепче прижалась к плечу Дэна Ши. Стоит ли тратить оставшиеся два

дня на бесплодные поиски? Может, плюнуть и попытаться за этот краткий срок наверстать упущенное, получить от жизни все, чем она пренебрегала по недостатку ли времени: потом успеется, или же в ожидании лучшего вместо хорошего... Но едва подумав об этом, она замотала головой. Она слишком любит этот мир. И она – его единственная надежда. Она не простит себе предательства.

– Когда ты покончишь с этим делом, – сказал Дэн Ши, затаившись; так и сказал: «когда», а не «если», – когда ты надерешь задницу Флифу и его чувихе, чем собираешься заняться?

Она грустно засмеялась.

– Если мне это удастся, я буду доживать остаток жизни в счастье и покое.

– Покое? – презрительно усмехнулся он. – Ты уверена, что тебе нужен вшивый покой? Я могу взять тебя в команду. Ты смелая и без предрассудков. Док без ума от твоих познаний...

Вита дрогнула на миг. Черт возьми, ей нравился Дэн Ши. Вначале это было чисто инстинктивное влечение. Он оказался первым нормальным человеком после целого сонма колдунов и колдуний, с которыми ей приходилось иметь дело в последнее время, и это притягивало ее. А потом выяснилось, что они во многом похожи. Они могли бы объединиться. Они были созданы друг для друга, как сказал бы поэт, но на «Морской звезде» не было места поэтам. Еще чуть-чуть,

и она бы дала ему руку, и они скрепили бы договор о вступлении Виты в долю.

Но вспомнив о договоре, заключенном с Черным Кругом, Вита опустила руку. Дэн Ши хорош, но ей обещано кое-что получше. У нее будет мужчина, идеальный в ее понимании. Идеал. А Дэн Ши сам говорил, что он сволочь. И вообще, стать пираткой – вовсе не та стезя, о которой она мечтала, а пират – не самая подходящая пара.

– Извини, Дэн, – сказала она. – Женщина на корабле – дурная примета.

– Кто здесь верит в приметы? – он горько покачал головой. – Ладно, я понял. Наши корабли идут разными курсами.

– Мне очень жаль, Дэн, – ей действительно было жаль. Она спинным мозгом чувствовала, что гонится за миражом, что упускает синицу в руке ради журавля в небе. Но мираж был слишком заманчив. – Мне, правда, очень жаль, но...

– Довольно, – оборвал он ее. – Решено так решено. Как бы то ни было, я не жалею, что ввязался в эту затею, благодаря которой наши курсы пересеклись.

Что-то белое мелькнуло в темном небе. Белое перышко падало вниз, постепенно увеличиваясь и превращаясь в белоснежного крылатого коня. Снежно-белая грива его развевалась по ветру, глаза сверкали бриллиантами, могучие крылья распластались по воздуху. Он планировал прямо на судно.

– Это за тобой, – сказал Дэн Ши.

Конь плавно приземлился на лишнюю надстроек палубу и мелодично заржал. С его спины прыгнула темноволосая женщина с тонкой фигурой и пронзительным взглядом. Лишь морщинки на лице и руках выдавали ее возраст.

– Вот твое золото, Дэн Ши, – промолвила она, указывая на два сундука, связанные между собой и навьюченные на коня. – Я вижу, Виталия с тобой.

– Да, – буркнул он, сделав знак матросам, чтобы они сгрузили сундуки.

– Куда вы хотите меня везти? – неприветливо осведомилась Вита. Она была раздражена. Ее раздражало, что ее судьбой кто-то распоряжается, что до полнолуния не хватает всего двух дней, что надо прощаться с Дэном Ши.

– Узнаешь, – был ответ, ничуть не убавивший ее раздражения. – Садись на коня.

Вита повернулась к Дэну, и ее подбородок непроизвольно задрожал. Она бросилась в его объятия. Это было прощание навсегда.

Потом она, как во сне, влезла на белую конскую спину. Сзади уселась женщина.

– Береги себя, крошка, – криво улыбнулся Дэн Ши.

Конь расправил крылья, всхрапнул и взмыл в небо.

Дэн Ши с остервенением пнул сундук со своим богатством.

Крохотная палуба «Морской звезды» стремительно удалялась. Вот уже она стала неразличима. Горизонт раздвинул-

ся, и взор Виты уловил иные вещи. С запада по беспредельному океану, испещренному бороздками волн, двигалась цепочка огней эскадры ВМС США. С северо-востока ей наперерез спешили корабли под российским флагом военного флота. Эхо взрыва еще не утихло, волнение не улеглось.

8. Возвращение

Белый конь парил над темным морем. Внизу, вверху, со всех сторон была ночь. Только звезды да невыносимо полная луна резали холодным светом пространство.

Вита молчала, стиснув зубы. У нее было много вопросов. Куда ее везут? Зачем? Вряд ли для того, чтобы убить – если уж эти неизвестные заплатили за ее жизнь. Хотят они помочь ей или имеют третью цель? И кто они такие? Но ей не хотелось разговаривать с этой надменной женщиной. Она предпочла бы общество бесцеремонного пирата соседству с этой утонченной высокомерной дамой. Неужели я больше его не увижу, кольнуло в сердце.

Она с усилием отогнала тоску. Если она справится со своей работой, ее ждет награда, которая заставит ее забыть и Дэна, и других. Если же нет – не все ли равно, с кем она встретит конец света?

Она почувствовала уменьшение веса – конь снижался. Внизу все так же плескались волны. В лунном свете показалось темное пятнышко посреди океана. Остров, поняла Вита. Одинокий остров, наверное, вершина подводной горы.

Или какое-то колдовское образование?

Они опустились на скалу, и тотчас все вокруг них заколебалось, замерцало и медленно стало принимать очертания каменного замка. Они находились во внутреннем двореке. Было тепло и душновато.

Женщина повелительно мотнула головой. Вита, обдав ее сумрачным взглядом, слезла с чудесного коня. Тот заржал, взмахнув крылами, поднялся в воздух, сделал круг над двориком и исчез во мгле.

Женщина зацокала каблуками по слабо светящимся плитам, направляясь к галерее. Вита последовала за ней.

Их ждали в небольшой зале. Узкие окна в ночь оплели зеленые лианы. Зала была ярко освещена уютным желтым светом. Вита не смогла понять, откуда он исходил. К непонятностям она, впрочем, успела привыкнуть.

За резным столиком в мягких креслах сидели пятеро. Один был мужчиной ненамного старше Виты с буйной черной бородой, остальные – женщины. Среди них выделялась величественная темнокожая старуха с волосами, добела вычищенными сединой – словно негатив. Она сидела прямо, смотрела свысока, но Вита не увидела в ней того, что ей так не нравилось в людях: самодовольства, размещения себя на ступеньку, а то и на целый лестничный пролет выше собеседника. Глаза старушеницы были теплыми и добрыми.

– Виталия-Сама-по-Себе, – произнесла она низким, приятного тембра голосом. – Я – Мван Балиду, хозяйка Зам-

ка Ренегатов. Присаживайся и пользуйся гостеприимством этой обители.

Мужчина пододвинул ей кресло. Она села. Мягкая обивка спинки и сиденья ласково обняла ее тело. Ворс обивки приятно щекотал ноющие мышцы. Хорошо-то как, подумала Вита, лишь теперь осознав, насколько ее вымотали приключения последних дней. Тут же на поверхности стола перед нею появилась чашка дымящегося кофе и блюдо горячих бутербродов.

– Ох, спасибо, – растроганно пробормотала она, беря бутерброд. – Но кто вы?

– Мы – ренегаты, – сказала Мван Балиду, и ее компаньоны невесело заулыбались. – Отщепенцы. Аутсайдеры. Какое слово тебе ближе, Сама-по-Себе? Мы – изгой Белого Круга.

Вита проглотила бутерброд, запила его глотком кофе, и от приятной теплоты в желудке шарики в мозгу закрутились быстрее.

– Значит, вы погрызли с Лисааном? Поэтому вы и решили вырвать меня из его рук?

– Не так важен факт ссоры, как ее причина, – промолвила Мван Балиду, перебирая кисточки своей шали. – Белый Круг во главе с Лисааном поставил догмы и принципы превыше здравого рассуждения. Верховный белый маг и его приспешники возвели указующую путь идею в ранг обязательного закона и тем самым обратили ее в свою противоположность. Лисаан умеет вести за собой, – она покачала головой с от-

тенком грусти. – Многих он вовлек в это сумасшествие. Но мы имеем свое мнение.

Вита с искренним уважением поклонилась старухе.

– Мы откололись от Белого Круга, – продолжала та, – но ни в чем не препятствовали безумцам, оставив их идти своим путем и гордиться своими заблуждениями... покуда их благие деяния не поставили под угрозу существование самой Вселенной.

– Пока они не вознамерились меня уколошить, – уточнила Вита с полувопросительной интонацией.

Собравшиеся согласно кивнули.

– По-моему, – заметила Вита, – Лисаан не слишком последователен. Дурно совершать насилие над Флифом, хотя он может погубить мир, но чтобы я, не дай бог, не обидела Флифа или Соа, он был вполне готов лишиться меня жизни. Сдается мне, он двуличный тип. Надеюсь, он мертв...

– Нет, – качнула головой Мван Балиду. – Уничтожение Башни Лисаана не значит, что уничтожен он сам. Он наверняка успел перенестись в безопасное место и снова мутит воду... по крайней мере, надеяться надо именно на это, – она слабо улыбнулась. – Мы не желаем смерти людям, даже злодеям.

– Но скажи, Мван, – задала Вита мучивший ее вопрос, – как вы тогда могли допустить, чтобы взрыв защитного поля унес жизни невинных людей?

Старуха прикрыла глаза, покрутила кисточку.

– Видишь ли, – произнесла она наконец, – можно было бы сказать, что ни один маг, да и ни один человек вообще не в состоянии учесть всех последствий своих действий. И это было бы чистой правдой. Но есть мнение, что все гораздо сложнее. Все имеет свою цену, за все надо платить. Человечество должно заплатить что-то за свое спасение. Вероятно, жертвы позавчерашнего взрыва и жертвы Флифовых теней на Киевском вокзале пять лет назад не случайны.

– Но это ужасно, – Вита заломила руки. – Они же были ни при чем! Я чувствую себя такой виноватой...

Мван Балиду усмехнулась.

– За все надо платить, милая. Вспомни, какую цену ты уплатила за то, что сверкает у тебя в ушах и на пальце, за то, что ты без страха смотришь в лицо земным опасностям...

У Виты екнуло сердце. Неужели она имеет в виду... Она заглянула старой колдунье в глаза и увидела в них подтверждение. Лёшка!.. Она разрыдалась, не в силах сдержать себя.

Коричневая морщинистая рука, униженная перстнями, мягко провела по ее волосам.

– Да, это была непомерная цена, – с состраданием проговорила Мван Балиду. – Но разве все человечество должно заплатить меньше за свое бытие? Не вини себя, милая. За тобой нет зла. Это счета Вселенной.

Вита хлюпнула носом и высморкалась в салфетку.

– Откуда, – голос ее прерывался всхлипами, – откуда вы узнали о нем? Это мое, личное...

– Мы прочли это в магических книгах, – нарушила молчание женщина в синем пончо, сидящая на углу. Вряд ли она была существенно младше хозяйки.

– Неужели в магических книгах написано все? – расстроено воскликнула Вита.

– Конечно, далеко не все попадает туда. Только самое важное для мира и для колдунов.

– Чем же я так важна?

– Тем, что ты – Сама-по-Себе.

Вита повесила голову.

– Боюсь, недолго мне ею оставаться. Я не могу найти способ управиться с Соа. В книгах ничего нет.

– Есть еще книги Белого Круга, – напомнила Мван Балиду. – И потому ты здесь.

– Книги Белого Круга? – она встrepенулась.

– Да. Соа – Владычица Света. Что до нее черным? Как в наших книгах нет подробностей о Пожирателе, так и Черный Круг почти лишен информации о Соа.

– Соа приходит в мир по своей воле, – заговорила женщина в пончо, – бросая свое обиталище вне земных пределов. Только одно может призвать ее обратно вопреки ее намерениям. Если что-либо нарушит покой, порядок и красоту ее жилища в ее отсутствие, она вернется.

Вита, загоревшись, чуть наклонилась вперед:

– Как попасть в ее дом?

– Ее дом находится вне этого пространства. Лишь с помо-

щью волшебного кольца можно создать туннель между нашими мирами.

– Но где же взять кольцо?

– Его сейчас не существует.

– Как?! – Виту словно обдало ледяным душем.

– Оно служит лишь раз. Тебе придется сделать его, Виталия-Сама-по-Себе. Возьми это, – дама в синем протянула ей свернутый трубочкой и запечатанный воском лист. – Это копия тех страниц магической книги, где описаны необходимые процедуры.

Вита взяла листок, повертела его в руках. Что-то здесь было не так.

– Постойте! – она подняла ладонь. – Вы знаете, как вернуть Соа восвояси. Вы знаете, как изготовить для этого кольцо. Почему же вы сами не займетесь этим? Вы же маги!

Приглушенный смех раздался среди собравшихся за столом.

– Вот поэтому мы и бессильны, – кивнула старая негритянка. – Мы связаны со своими богами. Жилище Соа закрыто для всех, кто служит другим. За всю историю мира лишь исконные жрецы Соа бывали там. Туда не проникнуть человеку, чтящему иного хозяина.

– Понятно, – со вздохом наклонила голову Вита. – Что ж, спасибо вам, – она посмотрела на окружающих ее колдуний и колдуна. – Я проникну туда и сделаю все, от меня зависящее. Но мне нужно хотя бы отправить весточку в Хешшира-

ман. Меня наверняка ищут...

– Нет нужды в весточке, – улыбнулась Мван Балиду. – Мы переместим тебя туда.

Вита в который раз почувствовала, как размывается мир вокруг и навстречу ей несется черное жерло туннеля. Сквозь его бесплотные стены до нее донеслись последние слова:

– Успеха тебе в твоём нелегком деле, Виталия-Сама-по-Себе.

Все закружилось, завертелось, и она вновь увидела облеченные в формы предметов свет и тьму. Она стояла на заснеженном крыльце, твердый колючий снег летел прямо ей в лицо, ветер продувал насквозь свитер рыхлой вязки. Она вжала голову в плечи. Это ж надо, за двое суток она успела позабыть, что в Хешширамане зима, рождественские морозы. Не тратя время на то, чтобы замерзнуть окончательно, она дернула массивное дверное кольцо на себя и юркнула вовнутрь.

Несмотря на глубокую ночь, царящую в этом часовом поясе, в замке не спали. Стены изливали яркий свет, вдали по коридору слышались голоса. Один из них, среднего тембра, с капризными нотками, явно принадлежал Фаирате, другой был мужским, неуловимо знакомым. Неужто она в такое время уединилась с любовником, удивленно подумала Вита. Но нет – приглушенно раздавались и другие голоса, не слышанные ею сразу. Она поспешила на звук.

Подходя к двери, она узнала наиболее громкий голос. Это был Дарьен, верховный маг. Судя по всему, он был в гневе.

– У меня есть все основания заподозрить вас в измене! – гремел он. – Не ты ли, Фаирата Хешшкора, настаивала, чтобы Виталия находилась под твоим покровительством? Теперь я понимаю, зачем. Чтобы тебе удобнее было ее нейтрализовать!

– Не смей так говорить со мной, Дарьен! – вскипела Фаирата. – Она моя подруга, и я не стала бы ей вредить. И разве не я вызвала тебя, когда поняла, что не могу ее разыскать своими силами?

– О да – чтобы остаться чистенькой! Но что же ты не вызвала меня двумя днями раньше? Я отвечу. Ты ждала, пока пройдет драгоценное время, и мы не успеем ничего предпринять. А теперь, когда уже поздно бить в колокола, ты навивно полагаешь, что я не пойму твоей хитрости!

– Зачем только я позвала тебя? – прошипела Фаирата, хрустнув кулаками. – Я не желаю выслушивать этих лживых обвинений!

– Вот! – торжествующе рявкнул Дарьен. – Ты уже жалеешь о том, что призвала меня на помощь. Это ли не говорит об истинных твоих намерениях?

– Убирайся вон! – в бешенстве закричала Фаирата.

– Я не уйду отсюда, – в его голосе сквознул холод и твердая решимость, – пока ты не скажешь мне, где Виталия.

– Тебе придется ждать вечно! Я не знаю, где она.

– Послушай, Дарьен, – вклинился негромкий вкрадчивый голос Бэлы, – Фаирата невиновна, клянусь тебе в этом.

– Молчи, обманщица! – оборвал ее Дарьен. – Вы обе в сговоре. Ваши имена стоят рядом в делах минувших. Пять лет назад вы выпустили Флифа на волю, но ваш безумный план не удался. Вам помешала Виталия, которую ты, Фаирата Хешшкора, так предусмотрительно заключила в своем замке! И теперь, воспользовавшись случаем освободить Флифа, вы убрали Виталию подальше. Осмелитесь ли вы сказать, что я неправ?

– Ты пользовался моим гостеприимством, Дарьен, – сказала Бэла; Фаирата была не в состоянии говорить, из ее гортла вырывались нечленораздельные звуки, похожие на рычание. – Я голосовала за твое избрание верховным магом. И я говорю, что ты неправ, Дарьен, и да поможет мне Айанур...

– Сомкни уста! – гневно вскричал он. – Я верховный маг, как ты верно заметила, и не по праву ты выкликаешь имя своей богини в моем присутствии!

Вита услышала аж из-за дверей, как Фаирата скрежест зубами.

Хватит, решила она. Довольно куражиться этому заносчивому магу. В конце концов, Фаирата – ее подруга, да и Бэла – хорошая приятельница... если не считать, что они втянули ее в договор с Черным Кругом. Но все хорошо, что хорошо кончается, а сейчас в кармане Виты лежала информация о кольце, с помощью которого она доберется до жилища Соа.

И она могла позволить себе забыть о роли Фаираты и Бэлы в заключении этого дурацкого договора.

Она толкнула дверь. Створки с готовностью распахнулись, признав в ней свою.

Все разом замолчали, уставившись на нее: бледные Фаирата и Бэла – с радостью, Дарьен и несколько человек с ним, мужчин и женщин – с изумлением. Вита скрестила руки на груди и прислонилась к косяку:

– Что за суматоха здесь в ночное время? Мне кажется, Фая, твои гости чересчур бесцеремонны.

У Дарьена и его сопровождающих вытянулись лица, а Фаирата сорвалась с места и бросилась подруге на шею:

– Витка! – задохнулась она, чуть не плача от радости. – Ты жива! А где твои брови?

Бледность ее лица сменилась румянцем на щеках, но глаза были запавшими, на закушенной губе повисла красная капелька. Как она, должно быть, перепугалась, не найдя меня утром, подумала Вита. А еще этот гад Дарьен!

– Все будет о'кей, Файка, – она успокаивающе похлопала рыжую колдунью по спине. – Выпей-ка чего-нибудь, да и мне налей.

Хозяйка занялась делом. Вита неприветливо обернулась к Дарьену и его свите:

– Что вам еще? Уходите отсюда.

Дарьен изобразил прохладную улыбку:

– Осталось два дня до срока, Виталия Сама-по-Себе, а Соа

все еще здесь и уходить, в отличие от нас, не собирается. Где ты шлялась, вместо того чтобы заниматься делом?

– Не твоя забота, – ответила она грубостью на грубость. – Думай лучше о своих обязательствах по договору, а о моих я помню без тебя.

Как она ни была зла на Дарьена за его слова, обращенные к Фаирате, она не хотела с ним ссориться. Она рассказала бы ему о своих злоключениях, задай он вопрос иначе. Но он задел ее гордость. Он был слишком самоуверен, этот маг. Кто она в его глазах? Девчонка со стороны, ничего не смыслящая в колдовских делах, слабая, глупая девчонка, которую можно провести на мякине и с которой можно разговаривать тоном повелителя, раз уж она связана договором. Но Дарьен кое в чем ошибся.

– Я никому не служу, Дарьен, – произнесла она сухо, – и ты жестоко обманулся, вообразив меня своей слугой и подчиненной. Я – сама по себе, и мы заключили договор, как равные. Если тебе это не по душе, у тебя есть две возможности. Во-первых, расторгнуть его, но на это ты не пойдешь, потому что руки твои коротки и до Соа ими не достать. Поэтому тебе придется подождать два дня. Мы сочтемся и разойдемся в разные стороны. А теперь, – она недвусмысленно указала на дверь, – твое общество мешает моей работе.

В глазах Дарьена вспыхнуло бешенство, но он ничего не сказал. Лишь рывком взмахнул плащом и исчез вместе со своими подпевалами, оставив после себя языки пламени.

Бэла невозмутимо поднялась со своего места, откупорила бутылку минеральной воды и залила горящий ковер.

– Ты зря хамишь Дарьену, – проговорила она, ставя пустую бутылку в угол. – Он тебе не хозяин, да, но мы с Фаиратой в его власти. Он верховный маг, и он очень умен.

– Раньше мне тоже так казалось, – буркнула Вита, отхлебывая из бокала, который поднесла ей Фаирата.

– Ну, Витка! – затормошила ее Фаирата. – Расскажи же! Что ты сейчас будешь делать?

Вита осушила бокал и сладко зевнула.

– Для начала – спать.

9. Кольцо Путешественника Вовне

Был полдень. Иней искрился многоцветьем на замерзших окнах, блистая, словно россыпь мелких бриллиантов. Солнечный луч упал на лицо спящей Виты. Она поморщилась, чихнула и открыла глаза.

Осознание того, что надо приниматься за дело, заставило ее с неохотой свесить ноги с кровати и откинуть одеяло. Под одеялом лежали ножны с клинком. Вита натянула рубашку, брюки, повесила к поясу ножны. Черт, как в кино, пришло ей в голову. Она приняла перед зеркалом последовательно несколько сугубо кинематографических поз и рассмеялась.

День начался неплохо. Насвистывая себе под нос мелодию из суперфильма «Принц Корум», она умылась и поспешно перекусила. Пора было посмотреть, что содержится в лист-

ке, данным ей белыми ренегатами. Развалившись на стуле в обеденной зале и попивая ликер, она сломала печать и раскатала лист по столу.

Ксерокопия, разочарованно поняла она. Романтическое настроение тут же улетучилось. Что ж, вздохнула она философски, мы живем в современном мире, – и начала читать.

«Внемли же, вознамерившийся отковать Кольцо Путешественника Вовне.

Тебе понадобится капля белого серебра, капля желтого золота, но всего больше нужна тебе красная медь, коей не касались ничьи руки, кроме твоих. Извлеки же ее сам из руды, расплавь и присоедини золото с серебром. Вытяни металл тонко, свей в спираль и сверни ее в кольцо. Да не забывай во время работы произносить слова нужного заклинания...»

Интересно, подумала Вита, на самом деле ощущая не столько интерес, сколько досаду, откуда я возьму это чертово заклинание? И тут же, просмотрев лист внимательнее, успокоилась – слова следовали внизу, снабженные пояснением:

«Если ты желаешь попасть в Чертог Соа, заклинание да будет таковым. Готовое кольцо, имеющее размер грецкого ореха, повесь на нити себе на шею, поднимись в воздух выше птиц и там переверни его обратной стороной... Желаемого достигнешь».

Оптимистическая концовка, мрачно хмыкнула Вита. Вот только ее настроение уже не было оптимистическим. Вместо

разрешения проблемы она получила еще кучку проблемок. Где взять чертову руду? И как, дьявол ее побери, извлечь из нее медь? Вита никогда не увлекалась металлургией, сферой ее интересов был органический синтез. А здесь от нее требуются навыки кузнеца-алхимика: плавить медь под заклинание! Где ее плавить? Не на плите же! А как она вытянет проволоку? Она смутно припоминала, что на заводах для этого льют металл через мелкие дырочки. Или она что-то путает? Или так производят полимерные волокна?

Она отерла пот со лба. Только без паники. Поищем-ка положительные моменты. Она легко может достать золото и серебро – в Хешширамане этого добра навалом. Тут ей повезло. Загвоздка с медью? Спокойно, сказала она себе. Ты все-таки дипломированный химик, неужели ты не найдешь, как вытащить металл из любого его соединения? Ну-ка. В крайнем случае придется собирать электролитическую ячейку. Но, может, дело не так плохо. Если бы был оксид, сошло бы простое восстановление водородом. Слава богу, медь – не натрий какой-нибудь. Только что-то она не видела залежей оксида меди вокруг Хешширамана...

Стоп! На нее как будто снизошло озарение. Ваза на столе, настоящая малахитовая ваза!

Она свернула лист и протянула руку к вазе. Что скажет Фаирата? Ничего, переживет. За все надо платить. Она с размаху грохнула вазу о каменный пол, брызнули во все стороны обломки. Вита опустилась на колени и стала сметать их

в тарелку.

Файрата появилась почти моментально:

– Что за шум? – ее зеленые глаза расширились при виде того, что осталось от ее любимой вазы. – Витка! – прошептала она. – Ты с ума сошла?

– Мне нужен малахит, – сообщила Вита. – А также золото и серебро. Фаечка, ты же хочешь, чтобы я выполнила свою задачу. Помоги мне.

– Золото, серебро, – ошарашенно повторила Файрата. – Еще что?

– На данный момент – эмалированная миска и толкушка.

– Ты что, собираешься стряпать?

– Вот уж нет! – Вита не удержалась от смешка. К чему она была совершенно не склонна, так это к готовке еды. – Мне надо измельчить твою... э... вазу.

Синий цветок плясал над конфоркой, обнимая небольшую кастрюлю из тугоплавкого стекла. В ней шипел растолченный малахит, плюясь водой и выделяя пузырьки углекислого газа. На соседней конфорке кипел чайник. Вита, не отрывая глаза от листка и непрерывно шевеля губами, выключила огонь под чайником и плеснула кипятка в кружку. В горле у нее пересохло от заклинаний, и она чувствовала себя полной идиоткой.

Она находилась на одной из крохотных дачек за кольцевой дорогой, близ Хешширамана. Зимой неоттапливаемые дачки

были заброшены, огородики пустынные, но в гаражах, сараях и погребах хозяева оставляли на зиму баллоны с газом, аккумуляторную кислоту и все остальное, что недосуг тащить с собой в московскую квартиру. Вита легко отыскала баллон с пропаном, подключила к плите. Водопровод во дворе замерз, но она набрала в чайник чистого снега.

Она быстро глотала горячий чай в промежутках между труднопроизносимыми словами заклинания. Долго ли еще, с тоской думала она. Осторожно заглянула в кастрюльку – на дне оставался лишь черный порошок. Оксид меди готов!

С чувством удовлетворения она перекусила солеными кабачками, обнаруженными в подполе, выпила еще чаю и снова принялась за работу. План она продумала заранее. Горизонтально укрепила над конфоркой алюминиевую трубу от пылесоса, засунула в нее порошок оксида. С сожалением вылила кипяток из чайника, соединила резиновым шлангом его носик и трубу. Налила в чайник аккумуляторной кислоты, разбавленной водой, и с замиранием сердца бросила туда кусочки железной проволоки. Содержимое чайника вспенилось, зашипело, забулькало – начал выделяться водород. Она прикрыла чайник крышкой, подождала немного и, включив под пылесосной трубой газ, начала читать заклинание.

Рванет – не рванет, думала она отрешенно, скрестив руки и поглядывая из угла на свою замысловатую конструкцию. Вроде рвануть не должно – прошедший через трубу водород не вылетает в кухню, грозя образовать гремучую смесь, а вы-

водится резиновым шлангом за окошко, где в соответствии со своей природой резво устремляется в верхние слои атмосферы. Она усмехнулась, продолжая бормотать заклинание. Кое-чему практикун по неорганической химии на первом курсе ее все-таки научил.

Конфорка исправно нагревала трубу, в чайнике клокотало. Вита подбросила еще горсть гвоздей, найденных в ящиках с инструментами. Из меня получился бы неплохой самогонщик, хмыкнула она, вспомнив, как в этой же кухне пять лет назад она варила из подручных средств диэтиловый эфир для усыпления Аррхха.

Когда она выковыривала из трубы в миску красные блестящие крупинки металлической меди, дверь скрипнула, и, потоптавшись на пороге, вошла Фаирата в кокетливой меховой шубке. Голову ее прикрывала причудливо заколотая цельная шкура лисы, из-под которой выбивались еще более рыжие волосы. Колдунья, снисходительно подумала Вита. Она просто не может удержаться от показухи.

– Витка, там готово, – сказала Фаирата, грея руки за пазухой. – Я сложила эти проклятые кирпичи, как ты сказала. Только зачем это?

– А где мы, по-твоему, будем плавить медь? – саркастически осведомилась Вита. – В мисочке?

Фаирата вздернула нос:

– Ты прекрасно знаешь, что я в этом не разбираюсь!

– Если бы я сама разбиралась... Ладно. Камень с дыркой

готов?

Та кивнула.

Они вышли во двор. Там в мерзлой земле, расчищенной от снега, была вырыта ямка, над которой возвышалось небольшое сооружение из кирпича. Вита добавила к крошеву меди приготовленные Фаиратой крохотные кусочки золота и серебра и всыпала смесь внутрь импровизированной печки.

– В качестве топлива у нас есть бензин и керосин, – задумчиво проговорила Вита. – Бензин, я полагаю, по зимнему времени лучше. Что еще нужно для хорошего пламени? Баллончик кислорода...

– Кислорода? – брови Фаираты удивленно поползли вверх. – Но разве мы дышим не кислородом?

– Мы дышим воздухом, – хмуро отозвалась Вита. – А это две большие разницы. Без поддува кислорода фиг мы расплавим это хозяйство. А никто из жителей этих дурацких дачек, увы, не позаботился держать здесь кислородные баллоны. Можно, конечно, попробовать получить его из марганцовки – где-то тут я видела аптечку...

– Витка, – перебила ее Фаирата, – не увлекайся. Ты, конечно, классный химик, но я какая-никакая колдунья. Уж что-что, а пламя я тебе обеспечу.

Вита окрыленно улыbnулась.

Вскоре под кирпичной печкой бушевал огонь. Две женщины стояли поодаль, одна твердила осточертевшее заклин-

вание, вторая молча делала пассы, заставляя языки огня раздуваться и реветь. Вот она опустила руки, и пламя мгновенно погасло. Тут же они подбежали к пышущей жаром печке. Вита ткнула палкой в один из кирпичиков, он сдвинулся, и горячий расплав стек в подставленную каменную плоскую с крошечной дыркой в дне. Эта плоская с длинной ручкой была одним из древнейших предметов в Хешширамане. Только раньше в ней не было дырки. Дырку Вита просверлила под причитания Фаираты.

Они подняли плоскую за ручку и понесли прочь от печи. В дырку тоненькой струйкой лился металл и застывал длинной нитью на холодной земле. Когда последняя капля, шипя, упала в снег, Вита оглянулась и довольно прищелкнула пальцами. За ее спиной лежало несколько метров медной нити.

– Смеркается, – предупредила Фаирата. – Пора нам торопиться.

Вита бережно собрала проволоку, и они, неся с собой плоскую, покинули дачный поселок.

Вечером, сидя у камина, Вита накручивала проволоку на карандаш, свивая ее в спираль. Собственно, это была не совсем проволока, просто тонкая нить металла неровной толщины, хрупкая, кое-где порванная. Приходилось действовать очень осторожно, разрывы аккуратно спаивать стерженьком, который нагревался на решетке камина. Негромко играла музыка – постаралась Фаирата, отдыхающая в кресле напротив. Вита напевала в лад слова заклинания, механиче-

ски делая свое дело и размышляя над новой проблемой. Как достичь Чертога Соа? Как подняться выше птиц? Поймать тачку, полным ходом в аэропорт, купить билет на первый попавшийся самолет? Но сколько там будет пассажиров, кроме нее? Она даже не знает, что случится с самолетом. Продолжит ли он свой путь или перенесется вместе с ней? Вправе ли она рисковать чужими жизнями? За все надо платить... Нет, хватит с нее ядерного взрыва. Она должна добираться одна. Угнать самолет? Или вертолет? Черта с два, она не умеет ими управлять. Эх, ей бы летающего коня, как у белых ренегатов!

О Виталия, столь же умная, сколь и глупенькая, зачем тебе конь, раздалось прямо под черепной коробкой.

Аррхх! Вита подпрыгнула и чуть не сломала проволочку. Ну конечно, Аррхх гораздо лучше любого Пегаса. И, в отличие от всяких там лошадей, у которых неизвестно что на уме, он надежный друг.

Приятно знать, польщенно мурлыкнул Аррхх у нее в мозгу.

Аррхх, так ты можешь читать мои мысли, воскликнула она про себя. Почему же раньше ты этого не показывал?

Твои губы заняты заклинанием. Только тогда, когда это хотя бы раз произойдет с человеком, его мысли становятся для меня слышимыми. До сих пор я не слышал тебя.

Аррхх! Вита испытала теплое чувство оттого, что он был рядом. Когда-то она считала его чудищем, потом – мудрым сверхъестественным существом, но сейчас она впервые ощу-

тила необыкновенно близкое родство с ним. Теперь, после пережитого и передуманного, она лучше понимала черно-золотого змея. Он был вовсе не такой, как его родители. Он был такой же, как она – живой и мыслящий, добрый и злой одновременно.

Она взглянула в окно и увидела на белом снегу, залитом лунным светом, темное тело с золотыми блестками. Аррхх вышел из депрессии, он покинул зал.

Аррхх, миленький, спасибо тебе за то, что напомнил, обратилась она к нему. Только... ей вдруг пришло в голову... как же ты проникнешь в Чертог Соа? Ведь путь туда открыт лишь тем, кто не служит никому, кроме разве самой Соа. А ты, кажется, служишь Черному Кругу?

У тебя ведь не возникало вопроса, Виталия-Сомневающаяся, не может ли Флиф меня слопать.

Ну, слопать собственного сына... Да, он же и Соа приходится родней. Вряд ли она закроет двери Чертога перед своим отпрыском, несмотря на то, что его хозяйка – черная колдунья.

Я не домашний зверек, заметил Аррхх. У меня нет хозяйки. Я сам выбираю, кому помогать. И ты прекрасно знаешь, что Фаирата Хешикора Огненный Локон мной уже не распоряжается.

Извини, Аррхх, сокрушенно опустила голову Вита. Я просто идиотка. Конечно же, я очень ценю твою заботу.

Когда мы отправляемся?

Завтра. Завтра на рассвете. Вита не удержалась от зевка посреди заклинания, пальцы ее дрогнули, и проволока оборвалась. Мысленно чертыхаясь, она протянула руку за раскаленным стержнем... и внезапно поняла, что хватит. Если получившуюся спиральку согнуть в кольцо, то оно будет как раз с грецкий орех. Она осторожненько спаяла концы проволоки. Готово! Наконец-то можно пойти отдохнуть. Как она устала!

Она отложила кольцо, приподнялась и тут же села обратно. Колечко такое хрупкое, проволока неровная, витки кривые... Вдруг не сработает или сломается? А у нее в запасе еще длинная нитка меди. Из курса химической технологии она знала, что одна из гарантий от аварии – дублирование систем. Надо сделать второе кольцо.

И она снова взялась за проволоку, шепча надоевшие магические слова.

10. Чертог Соа

К утру разразилась снежная буря. Пронзительный ветер нес порывами жесткую твердую крупу, выл волком в верхушках деревьев, заметал мрачно выступающий из сугробов-дюн замок. Земля и небо смешались и потерялись; существовали лишь снежные вихри, подцвеченные на востоке кроваво-красным. Вита дрожала в своей теплой экипировке. Фаирата, вышедшая на крыльцо проводить ее, тряслась не переставая в модной шубке, более полезной для украше-

ния, чем для согревания. Казалось, одному Аррхху все было нипочем. Змей разбросал свои гигантские кольца среди глубоких сугробов, кажущихся рядом с ним игрушечной ватой под новогодней елочкой.

– Витка, – проговорила Фаирата заледеневшими губами, – ты просто не можешь потерпеть неудачу, понимаешь? Сегодня ночь полнолуния. Ты должна сделать это сегодня или никогда.

– Все будет нормально, – выдавила из себя Вита.

– Я... я буду молиться Хешшкору.

– Если ты думаешь, что это поможет, – Вита неловко рассмеялась.

– Ну, прощай. На закате соберется шабаш. Мы ждем тебя.

Пора.

Аррхх обхватил ее плотным кольцом, и ей тут же стало тепло оттого, что ветер и колючий снег перестали забираться под одежду. Она почувствовала, как змей отрывается от заснеженной земли и устремляется ввысь, навстречу воющим вихрям. Буря выла там, снаружи, и Аррхх боролся с нею в одиночку, а Вита сидела, скрючившись, в тепле, прикрытая со всех сторон его черно-золотым телом.

Она расстегнула куртку и нащупала на груди висящее на леске Кольцо Путешественника Вовне. Ее охватило беспокойство. Что, если она напутала в заклинаниях? Или неправильно закрутила спираль? Нет, нет, это невозможно, только не это, взмолилась она. Она не может потерпеть неудачу,

сказала Фая. Она не имеет на это права. Это равносильно концу.

Второе кольцо – в кармане, тщательно завернуто в носовой платок. Хоть одно из двух не должно подвести!

Но где мы сейчас? На какой высоте? Она ничего не видела и не слышала, кроме непрерывного свиста и воя. Что значит расплывчатое «выше птиц»? Как определить эту границу? Ни одна птица не полетит в такой буран. Поднялись они достаточно высоко или нет?

Они поднимались. У Виты закладывало уши. Становилось все холоднее. Напал приступ зевоты, сперва она думала – не выпалась, но вскоре поняла: с высотой падает давление. Каждый новый вдох давался с трудом.

Шум пурги неожиданно стих. Аррхх раздвинул кольца так, что на уровне лица Виты образовалась щель. Ледяной разреженный воздух обжег ноздри, на глазах выступили слезы и тотчас начали замерзать. Небо вокруг было чистым и синим, на юго-востоке алел солнечный диск. Под ними был неровный серо-белый меховой ковер с проплешинами и свалившимися комками – облачный массив, закрывающий Хешшираман и всю Москву. Вита подняла глаза и вдруг увидела совсем рядом блики на металлической поверхности.

– Самолет! – воскликнула она. Изо рта вырвалось облачко пара, тотчас начавшего конденсироваться.

Это самолет ВВС, отозвался Аррхх. Между прочим, он передает на базу, что наблюдает НЛО.

– Ты что, слышишь радиоволны?

Пора совершать переход Вовне, Виталия-Поднявшаяся-Выше-Птиц. Ему посоветовали расстрелять галлюцинацию.

– Это нас-то?

Самолет развернулся. Вита увидела вспышки выстрелов, взвизгнула и инстинктивно пригнулась. Только этого не хватало! Она поспешно нашарила на груди кольцо и перевернула его.

Резко потемнело вокруг – но не так, как в черной трубе во время уже привычной телепортации. Не было и ощущения легкости и стремительного полета. Они с Аррххом словно двигались сквозь плотную вязкую субстанцию, липкую, желеобразную, тормозящую их движение. Вокруг чмокало и скрежетало, словно что-то рвалось. Вдруг впереди заиграл свет, и они пулей вылетели из межмирового желе, выплюнувшего их.

Это был он, Чертог Соа. Здесь не существовало «внутри» и «снаружи», планеты и дворца на ней. Чертог Соа представлял собой отдельный мир, отдельное пространство, замкнутое в себе. Вита припомнила лекцию на физфаке, куда она однажды забрела; лектор говорил что-то о теории, согласно которой Вселенная похожа на мыльную пену, и отдельные ее области, в каждой из которых свои законы, отгорожены друг от друга пленочными стенками, подобно пузырькам... Тогда это поразило ее воображение. Теперь же она просто засты-

ла с открытым ртом. Ее окружал свет, он отражался и преломлялся в тончайших структурах цветного стекла, словно невесомых, парящих над и под, и со всех сторон... Под ногами была хрупкая, похожая на стеклянную лента, уходящая вперед, там она причудливо извивалась, выворачивалась наизнанку и бежала над головой в обратную сторону.

Вита осторожно пошла по сверкающей дорожке, и пространство заполнилось чарующей музыкой, подобной перезвону серебряных колокольчиков. Она замерла – звон замолк, лишь эхо поплясало меж чудесными арками и колоннами да утихло. Она двинулась дальше, сопровождаемая нежной мелодией. Она шла вперед, широко раскрытыми глазами глядя по сторонам, и в какой-то момент поняла, что идет уже обратно, только вверх ногами. В зените на площадке сверкающего стекла распростерся Аррхх, он смотрел на нее пурпурным глазом.

– Как это, Аррхх? – она изумленно повела рукой вокруг. Голос ее прозвучал гулко.

Не пытайся объяснить это для себя, Вита-Пытливый-Ум. Делай то, для чего ты здесь.

Среди этой невозможной красоты Вита совсем забыла о том, что привело ее в Чертог Соа. Она вовсе не была забывчивой. Просто она не могла одновременно восхищаться этим прекрасным местом и думать о том, чтобы нарушить его совершенство.

– Уничтожить такое? – ужаснулась она. – Нет, я не смогу!

Я... У меня рука не поднимется!

Змей молчал. Похоже, и ему было бы невыносимо тяжело созерцать красоту этого мира поруганной.

Это несправедливо, с мукой подумала Вита. Такое великолепие не должно умереть. Я не хочу этого делать. Мне это противно! Пусть лучше...

Нет! Не лучше. Если она этого не сделает, миром завладеет Флиф. И красоты вообще не станет. *Никакой.*

Ну почему, почему всегда нужно чем-то жертвовать?

Со слезами на глазах она вытащила из ножен древний клинок, размахнулась, держа его обеими руками, и, зажмурившись, нанесла удар по хрустальной конструкции, плывущей в гармонии мимо. Режущий сердце звон пронзил пространство, изящный цветок рассыпался в крошево осколков, которые медленно падали вниз, жалобно звеня, словно стена. Вита заткнула уши и размахнулась вновь. Ее душили рыдания, грудь стеснило, подбородок дрожал, но она стиснула зубы. Эту боль нужно преодолеть. Соа должна вернуться, и она сделает для этого все. Она крушила колонны, гирлянды, лесенки, задавив свои чувства и боясь остановиться. Если она остановится, то не сможет заставить себя второй раз поднять меч.

Соа возвращается, донесся до нее мысленный голос Аррхха. *Достаточно.*

Она вложила меч в ножны и на шатающихся ногах двинулась к Аррхху. На душе было мерзко. Она с трудом уго-

варивала себя смотреть по сторонам, чтобы не свалиться с узкой дорожки. Ей не хотелось поднимать глаза: столь ужасным казалось то, что сотворила она здесь.

Пора уходить в наш мир.

Вита вдруг поняла, что не знает, как это сделать. В копии волшебной книги содержалось все относительно того, как попасть в Чертог Соа, но ни слова о том, как выбраться оттуда. А может, это и не предусматривалось? Холодок пробежал по спине. Она с надеждой всмотрелась в то место, где они проникли в Чертог. Ни щели, ни следа. Разорванная ткань пространства затянулась.

Без паники, сказала она себе, чувствуя, что начинает психовать. Если мы прорвались сюда с помощью кольца, то логично допустить, что обратный переход совершается таким же образом. Скорее всего, надо просто перевернуть кольцо в прежнее положение.

Она пошарила по груди и не смогла справиться с произвольной дрожью. Кольца на леске не было.

– Аррхх! – закричала она в ужасе. – Я потеряла Кольцо Путешественника! Господи, мне вовек не найти его в этом... в этом... – она никак не решалась назвать то состояние, в котором находилось теперь жилище Соа.

О Вита-Напрасно-Сокрушающаяся, на тебе не было Кольца Путешественника Вовне уже тогда, когда мы вынырнули из стены, разделяющей миры.

– Что это значит? – прошептала Вита, и тут ее как мол-

нией ударило. Оно служит лишь раз, говорила Мван Балиду! Только теперь она поняла значение этих слов. Кольцо – билет в один конец.

Она сжала кулаки. Почему ее не предупредили об этом? Или белые ренегаты сочли, что довольно намек – «оно служит лишь раз»? Или, скорее всего, им было безразлично, вернется Вита или нет – ведь для выполнения своей задачи ей надо было найти путь в Чертог Соа, а уж выберется ли она обратно, значения не имело. Может, она сама виновата, что не спросила? Но они могли дать ей совет и без ее требования. Чертовы колдуны, никому из них нельзя доверять!

Аррхх скользнул к ней, подставив свою громадную тушу под ее уставшую спину.

*Ты обязательно найдешь дорогу назад, Виталия-Непре-
взойденная-в-Предусмотрительности.*

– Спасибо, милый, – растроганно промолвила она, погладив змея. – Ты единственный из всей этой дурацкой компании, кто обо мне заботится и поддерживает в трудную минуту.

А как насчет других компаний?

Прозвучавшая ирония была настолько неуместна в сей мрачный момент, да еще в устах стометрового змея, что Вита фыркнула:

– Ну, знаешь! – и сердито сунула руки в карманы.

Второе кольцо!

Кольцо, сделанное ею для подстраховки, на случай, если

не работает первое! Оно лежало там, в кармане куртки. Вита достала сверток, аккуратно извлекла из него кольцо. Оно было в порядке, даже не погнулось. С замиранием сердца она подцепила его на леску.

Пространство вдруг начало заполняться ослепительным золотым сиянием, еще более ярким, чем сверкавшее здесь до учиненного Витой погрома.

– Соа? – прошептала она полуутвердительно-полувопросительно.

Аррхх обвил ее кольцом. Время смываться, поняла она без слов и с трепетом повернула колечко на груди.

Они вынырнули из желеобразной перегородки высоко в подмосковном небе. Обжигающий ветер ударил в лицо. Короткий всплеск радости: получилось!

Змей начал плавно снижаться. Вита спряталась меж черно-золотых витков и мелко тряслась от холода и от мыслей о том, а что бы было, если бы...

11. Дело еще не сделано

– О всемогущий Хешшкор! – бросилась к ним переволновавшаяся Фаирата. – Вы живы!

– Да, живы, и это чудо, – мрачно уронила Вита, поднимаясь по занесенному снежной крупой крыльцу. – Но ненадолго, если мне не дадут согреться.

В обеденной зале ее уже ждал кофе с коньяком. Она бухнулась в кресло и с наслаждением потянула горячую жид-

кость из чашки.

Файрата посмотрела на нее тревожно:

– Витка, ты не расслабляйся.

– Почему бы и нет? – она добавила коньяку. – Дело сделано, Соа убралась.

– Но Флиф остался.

– О-ох! – взвыла Вита, болезненно сморщившись. – И сегодня последняя ночь!

Ей так хотелось напиться, залечь в теплую ванну и дремать там, пока не остынет вода, а потом перебраться в спальню, на мягкие нагретые простыни, и забыться до утра сном без сновидений... Но увы – она была Тюремщицей Флифа, и ей оставался лишь краткий отдых перед шабашем, а после – поединок с Пожирателем Душ, который неизвестно чем еще кончится. Она помнила мельчайшие детали прошлого раунда их схватки, состоявшегося почти пять лет назад. Она помнила, какой это было мукой и каким невыносимым усилием далась ей победа. И она боялась. Только этого она и боялась по-настоящему. Ее даже подташнивало от страха. Господи, что угодно, только не это! Я больше не хочу! Почему бы кому-нибудь другому не взять на себя этот крест? Ведь не сошелся же мир на ней клином!

Она откинулась в кресле и скосила глаза на горящий камин. Синее светлое пламя колыхалось лепестками. Впервые она обратила на это внимание. Газ. Секундой позже обнаружился прикрытый гардиной баллон. Тоже мне, колдовской

замок. Она вздохнула. Фаирата Хешшкора Огненный Локон была, увы, слишком слабой колдуньей. Но все же колдуньей, в отличие от Виты. И у нее, в конце концов, имелся могущественный защитник.

– Фая, – медленно произнесла Вита, вертя на пальце тяжелый перстень. – Пожалуй, ты была права, когда говорила, что твоя драгоценность должна принадлежать тебе. Я отказываюсь от перстня Тюремщика Флифа в твою пользу. Возьми, – она сняла кольцо и быстро протянула его Фаирате.

Та отшатнулась с неожиданным ужасом:

– Нет!

– Ты же хотела носить это кольцо, – Вита внимательно посмотрела на нее. – Разве не так? Оно больше пристало колдунье, Фая.

– Нет, нет! – она задрожала. – Витка, не проси меня, умоляю. Только не я. Найди ему другого хозяина... если сможешь.

Вита начала было возражать, но тут же сомкнула губы. Фаирата боится. Она слишком слаба. Но ведь есть колдуны посильнее и потщеславнее. Она увидит их уже скоро.

Шабаш начался после обеда. Это собрание вовсе не походило на то грандиозное шоу, свидетельницей которого Вита была в Айфарете. Происходящее напоминало скорее производственное совещание. За столом обеденной залы Хешширамана восседали верховный маг Дарьен Миленион, несколько приближенных к нему колдунов и колдуний, Бэ-

ла Айанур в костюме безукоризненной белизны, Фаирата, на удивление хмурая. Вита села рядом с ней.

– Пришел последний день, – сказал Дарьен, – и я требую отчета. Справилась ли ты с Соа, Виталия?

– Да, – ответила она. – Я сделала все, что обещала. И я хочу кое о чем сказать, – она глубоко вздохнула и объявила: – Пять лет я была Тюремщицей Флифа, простая слабая девушка. Мне кажется, это неправильно. Я согласна с теми, кто говорил в Айфарете: разве непосвященная может выполнять такую обязанность? Она больше пристала магу. Я готова отдать перстень Тюремщика любому достойному из присутствующих.

Честно говоря, она ожидала, что поднимется лес рук: «Я!» Быть Тюремщиком – большая честь. Но колдуны что-то не торопились драться за перстень. Пробежал шепоток, за столом стали переглядываться.

– Бэла, не желаешь ли? – спросила Вита.

Черноволая колдунья отвела глаза:

– Нет, это не для меня.

Вита переводила взгляд с одного на другого, и всякий раз, когда она встречалась с кем-нибудь глазами, тот спешил отвернуться и отрицательно покачать головой.

– Неужели никто не считает себя достойным? – бросила она вызов. – Вы ничтожества!

Хоть один да взорвется и примет перстень, думала она. Но ничего не изменилось. Разве что спины колдунов согнулись

еще больше.

– Дарьен, – она повернулась к главному колдуну. – Неужели и ты, сильнейший из черных магов, сидишь в нерешительности? Возьми перстень, Дарьен!

– Нет, я не возьму его, – проговорил он, и ни толики оправдания не слышалось в его голосе, а лишь раздражение и возмущение. – Я не возьму его потому, что ты должна делать эту работу сама. Слишком легко ты забыла о своих обязательствах.

– Мои обязательства? – переспросила Вита. – Я уже выполнила их. Я бралась изгнать Соа, и она ушла. Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду наш договор, девочка с короткой памятью, – без тени улыбки произнес француз. – Боги Черного Круга, Айанур и Миленион засвидетельствовали обязанности обеих сторон. Твой долг – заключить Флифа в башню на веки вечные, и эти слова слышали боги.

– Я не соглашалась на это, вы произнесли слова договора, не обращая внимания на мой протест!

– Тем не менее они произнесены, и никто из нас не волен их нарушить.

12. Битва в полнолуние

Сволочи, думала Вита, стоя на холодном ветру перед Бетреморогской башней. Горазды загребать жар чужими руками. Только одно могло примирить ее со сволочным устрой-

ством мира: утром ее ждет награда. Только это удерживало ее от бессильной яростной ругани, пока она собиралась.

Она долго сомневалась, брать ли с собой меч. К чему сталь в битве, где значение имеет сила воли, а не физическая сила? От меча не ожидалось никакой пользы, а он был тяжел. Вита помнила, какой свинцовой тяжестью наливались руки. Есть ли смысл отягощать себя лишним грузом? Она почти решила оставить клинок под матрацем, но в памяти всплыло наставление Дэна Ши: «Никогда не расставайся с оружием». Она вспомнила его, и губы невольно разошлись в улыбке. Замечательный мужчина... Не время, одернула она себя. Делай свое дело, и у тебя будет парень еще лучше.

Меч она все-таки взяла. Засунула в сапог, за высокое голенище, чтобы руки оставались свободными. Руки ей понадобятся для другого.

Высыпали звезды. Луна горела ярким фонарем, и в ее свете бесплотная чернота, шевелящаяся внизу, казалась еще более черной. Вита вдохнула морозный воздух и решительно шагнула навстречу Флифу, вытекающему гигантским потоком черного дыма из Бетреморогской башни.

Медленно, пугающе медленно переваливали клубы черноты через узкий проем окна, скапливались у подножия башни, загустевали, образуя огромное змеевидное нечто. Оно было больше гиганта Аррхха, и от него веяло слепой угрозой и холодом, проникающим до самого сердца, холодом, невозможным даже в эту морозную зиму. Он сковывал

любое движение, в том числе и движение мысли. Он вымо­ раживал душу. Вите уже приходилось видеть, как он это де­ лает. Она ненавидела его, и ненависть давала ей силы.

Нельзя было ждать, пока Флиф сам начнет поединок. Его удары воли, заставляющие сердце и диафрагму замереть, могли оказаться смертельными, и тогда конец не только неза­ дачному герою, вышедшему против Пожирателя Душ, но и всему бытию. Вита подняла руку с перстнем.

Рука сопротивлялась, управляемая волей Флифа, много­ кратно возросшей в ночь полнолуния. Стиснув зубы и не обращая внимание на струйки пота, бегущие по лицу, Вита медленно, но верно, сантиметр за сантиметром поднимала перстень Тюремщика. Только бы он не успел нанести свой парализующий удар, мерцала мысль на задворках сознания. Ей казалось, что она недопустимо медлит. Однако она уже выбивалась из сил. Она делала все, что позволяли ее жалкие мускулы и ничтожная решимость.

Ну же, сказала она себе. Не трепещи перед ним. Это про­ сто тупая абстракция, злобная стихия, а не мыслящее суще­ ство. Она передвинула руку еще на сантиметр.

Есть! Флиф застыл, пойманный кольцом. Черные завих­ рения будто окаменели.

Второй раз в своей жизни, поддерживая левой рукой пра­ вую кисть, на которой глубоким синим огнем переливался камень в золотой оправе, Вита произнесла дрожащим голо­ сом:

– Ты побежден, мерзкий Флиф. Возвращайся же туда, где ты должен находиться, светом полной Луны заклинаю тебя!

Ей вторил испуганный голосок:

– Я, Фаирата Хешшкора Огненный Локон, согласна вновь принести обет Тюремщика Флифа и в ознаменование этого клянусь... клянусь, – пролепетала она, – никогда не пить спиртного...

С фантазией у Файки было туговато. А с другой стороны, от какой еще мирской радости отказываться? Не от мужчин же! Подобного обета Фаирата была полна решимости избежать всеми мыслимыми силами. Ее мать, умирая, принесла именно такой обет за свою маленькую дочь, не умевшую еще говорить. Фае предстояло навек остаться девственницей. Ну и что хорошего вышло? Девчонка, ни сном ни духом не ведая о последних словах матери, ясное дело, не удержалась от того, чтобы испробовать взрослую забаву, и сразу начались проблемы... А если бы и ведала? Что значат какие-то туманные обеты, если тебе семнадцать, голова у тебя идет кругом, а рядом – потрясающий парень?

Лишь только отзвучали слова, звеня в холодном воздухе, Флиф задрожал. Как будто невидимая мясорубка скрутила его, выжала, разбила на мелкие черные капельки – крошечные вихрики, а затем налетела неслышная буря, подхватила их и унесла к Бетреморогской башне. И вокруг воцарилось спокойствие – словно и не было ничего...

Вита расслабленно опустила плечи. Всё. Наконец-то всё.

Ноги едва держали ее. Она добрела до порога ужасной башни, села на заснеженные ступени. Вот и всё. Она прикрыла глаза. Только немного отдохнуть, минут пять, а потом подойдет Фая, отведет ее в комнату, напоит горячим чаем – и баиньки. А завтра – награда...

Странный шорох заставил ее с усилием распахнуть глаза. Снежное поле, совсем недавно темное и безлюдное, было заполнено колдунами и колдуньями. У цитадели стояли Бэла с Фаиратой, Фаирата отвернулась к стене. А по хрустящим сугробам к Вите шел Дарьен, и в руке его был меч.

Вита поднялась навстречу ему:

– Итак, я выполнила свое обещание.

– Еще нет, – мрачно оскалился Дарьен. – Ты заточила Флифа, но где гарантия, что Соа еще раз не захочет его освободить? Ты должна заточить его *на веки веков*.

– Ты смеешься, – вспыхнула Вита. – Это невозможно!

– Возможно! – ответил он хладнокровно и молниеносно взмахнул мечом.

Только мгновенная реакция, получившая хорошую тренировку на «Морской звезде», спасла Виту. Не успев даже осознать, что произошло, она отскочила, выхватила из-за голенища клинок, и меч Дарьена, вместо того чтобы вонзиться в мягкую девичью шею, лязгнул о закаленную сталь.

На лице колдуна мелькнула растерянность.

– Ожидал покончить со мной одним ударом? – прошипела Вита. – Вероятно, затем, чтобы не платить?

– Ты еще не заслужила платы, – бросил сквозь зубы Дарьен, снова поднимая свое оружие. – Соа никогда не доберется до Флифа лишь в том случае, если Бетреморогская башня будет запечатана теплой кровью Тюремщика!

Один миг потребовался Вите, чтобы все понять. Вот почему эти тщеславные самолюбивые маги, которых хлебом не корми, дай только нацепить на палец еще одно колдовское кольцо, отказывались от перстня Тюремщика. Они знали, что ждет Тюремщика Флифа! Вот почему так тряслась Фаирата, когда Вита предложила вернуть ей ее законное наследство.

– Файка, сволочь! – заорала она. – Ты знала! Знала и не предупредила! Дряннь!

Фаирата обернулась, лицо ее было белее мела, шапка сбилась набок:

– Извини, – пролепетала она. – Я все-таки колдунья Черного Круга, – и она снова спрятала глаза.

Вита тяжело дышала. После схватки с Флифом она обессилела, и тут же ее вовлекли в новую схватку. О, как она была благодарна Дэну Ши, что научил ее не пренебрегать своей безопасностью. Хороша была бы она, оказавшись беззащитной перед Дарьеном. Скорее всего, она даже почувствовать ничего не успела бы, и спустя миг ступеньки Бетреморогской башни обагрились бы ее дымящейся кровью. Ну и картина! Она мысленно передернулась. Ее бы зарезали, как ягненка на алтаре. А родители всю ее сознательную жизнь убеждали

ее, что девочке драться неприлично. Быть бы ей уже в могиле, послушай она их...

Время, казалось, растянулось, словно эластичный чулок. Дарьен неестественно медленно заносил меч для удара. Мысли лихорадочно проносились в голове Виты. Силы ее были на исходе. Это не борьба на ринге: ударит гонг, и все кончится. Дарьен не остановится, не даст ей передышки, не отпустит, если она признает его победу. Это битва не на жизнь, а на смерть. Он не успокоится, пока не убьет ее, и единственный способ не допустить этого – самой стать убийцей. У нее похолодело в груди. Она никогда не убивала людей своими руками. Но выхода не было. Она ощутила на своей шкуре закон джунглей: или ты убьешь врага, или он тебя. Третьего не дано. Убивать, чтобы жить.

Только сейчас, подумала она, пока осталась хоть кроха сил, пока преимущество Дарьена не стало абсолютным. Он не был чересчур физически силен – колдунам ни к чему растить мышцы; он не слишком хорошо умел обращаться с мечом – кому в наше время придет в голову серьезно совершенствоваться в этом искусстве? Но все-таки он был здоровым мужчиной во цвете лет, а Вита – всего-навсего приткая девчонка, смертельно вымотанная Флифом. Ее может спасти только один удар – удар, в который нужно вложить всю оставшуюся силу, удар наверняка.

Дарьен слишком сильно развернулся при замахе, и Вита подалась вперед всем телом. Ее остро отточенный клинок

вспорол меховой полушубок и вонзился в бок колдуна, как в масло, разрезая мышцы и кости. В глазах Дарьена застыло изумление, когда его сердце почувствовало холод чужой стали.

Как просто убить человека, отрешенно думала Вита, стоя по колено в окровавленном снегу над умирающим женщиной. Ей казалось, что все это происходит во сне. С лезвия капает на снег горячая кровь, и главный колдун Черного Круга лежит у ее ног. Неужели у него не было защиты? Или любое холодное оружие действительно способно преодолеть ее? Неужели? Или ее клинок, сработанный в горах Тибета, обладает особенной силой?

Она вытерла его о снег, потом протерла насухо краем плаща Дарьена и засунула в ножны. Толпа колдуний и магов смотрела на нее. Тучи разошлись, и лужа крови на снегу казалась в свете Луны темным пятном на искристом ковре.

– Вы хотели крови? – глухо спросила Вита. – Так получите.

Вперед вышла женщина лет тридцати пяти в медвежьей шубе и высокой шапке, украшенной бриллиантами. Вита почувствовала себя неловко под ее взглядом.

– Нужна кровь Тюремщика, – сказала она ледяным тоном. – Ты не выполнила условия. Опасность освобождения Флифа остается.

– Я не собираюсь умирать, – отрезала Вита и наполовину вытащила клинок из ножен. – Любой из вас может убедиться

в серьезности моих намерений. Ну?

Это был вызов. Вита прекрасно понимала, что прими его кто-нибудь – и быстрый конец ей обеспечен. Она слишком устала. Но она знала, что должна вести себя вызывающе, ни за что не показывать страха. Пусть они сами боятся ее.

И она достигла своей цели. Ни один из колдунов не поднял руку и не вышел вперед. За ней признали силу.

Как странно, подумала она, что маги подвластны тем же законам, что и простые люди. Их можно убить, их можно напугать. В чем же их могущество?

Но сейчас перед ней стоял другой вопрос.

– Что вам нужно от меня? – спросила она, не выпуская меча из рук. – Моя кровь или моя жизнь?

Маги переглянулись.

– В книге говорилось о крови, – ответила дама в медвежьей шубе.

– Достаточно, – прервала ее Вита. – Я выполню свои обязательства. Вам придется лишь подождать пару дней... если минувшие переживания не сбили мне цикл.

13. Деадарг

На шабаше в Деадарге бушевали страсти. Колдуньи и маги орали, как базарные торговцы, размахивали головными уборами, метали громы и молнии. Немира Деадаргана была права, когда поставила барьер: не будь его, в Деадарг пожаловала бы полиция разобраться, что за скандал или смерто-

убийство здесь происходит.

– Эта пошлая, циничная, противная девчонка! – вопил кто-то, брызжа слюной. – Разговаривать с ней о чем-то просто унизительно!

– Надо было нам всем не прятать глаза, а убить ее сразу же! – стучала кулаком по столу какая-то женщина.

– Замолчите, она выполнила все, что от нее требовалось!

– Да это настоящее осквернение магического действия!

Она издевается над нами!

– Вы что, хотите сцепиться с ней? Она убила верховного колдуна, зарезала, как теленка! Кто из вас выйдет против нее – сейчас, когда она к тому же отоспалась и отъелась?

– Я не понимаю, о чем речь! Мы должны исполнить свою часть договора вне зависимости от того, что мы думаем о ней.

– Правильно! – поддержал кто-то здравую мысль. – Она утихомирила и Флифа, и Соа, а вы – кто из вас способен на это? Только глотки драть можете.

– Она опасна, ее следует уничтожить!

– Молчать всем! – с места в центре стола поднялась женщина в меховой накидке. Она скрестила руки на груди и подождала пару секунд, пока все не успокоилось. Это была сама Немира Деадаргана. – Я считаю, нам пора закончить разговоры о Дарьене как о главном маге, – продолжила она уже тише. – А также о нетрадиционном способе решения нашей проблемы, предложенном и осуществленном Виталией. Все

это в прошлом. А перед нами встал вопрос поважнее: как расплачиваться? То, что мы обязаны это сделать, сомнений не вызывает. Кое-кто из вас может ненавидеть Виталию, но договор есть договор. Кто знает, как нам выполнить обещанное?

За битком набитым столом царило безмолвие.

Вита с Фаиратой прибыли в Деадарг вечером. Вита все еще немного дулась на приятельницу, подставившую ее, но что хорошо кончается, то хорошо, и она начала оттаивать. Фаирата в последние три дня вела себя тише воды, ниже травы – видно, чувствовала свою вину. Она незаметно следила за тем, чтобы никто не беспокоил Виту, чтобы стол в обеденной зале был всегда накрыт и чтобы в кувшине в изголовье Витиной кровати всегда плескалось доброе вино. Сама она к вину не притрагивалась и лишь вздыхала, когда взор ее падал на чужой бокал.

Вот и теперь, в Деадарге, заметив сгрудившиеся в углу пустые бутылки, она издала еле слышный вздох и прошептала:

– И почему именно я должна была отказываться от радости пьянства? Витка, ведь Тюремщица-то ты.

– Молчала бы, – буркнула Вита. – Небось не хотела оказаться на моем месте?

Фаирата примолкла и пропустила ее вперед.

В зале находилось всего человек десять; из обильных остатков шумного пиршества Вита сделала вывод, что ша-

баш собирался в полном составе, а перед ней – лишь горстка уполномоченных иметь с ней дело. Она узнала даму в накидке, главенствующую за столом – там, на пустыре у Бетреморогской башни, на ней была медвежья шуба.

– Здравствуй, Немира, – произнесла она спокойно. – Флиф в башне, и кровь на его пороге. Где моя награда?

Немира, нахмурившись, уткнулась взором в блюдо перед собой.

– Виталия Сама-по-Себе, не раз отмечалось, что негоже Тюремщику быть простым человеком. Не хочешь ли ты войти в Черный Круг? Это большая честь, ее удостоиваются лишь по рождению или преодолев множество испытаний. Но тебя мы приглашаем без всяких условий.

– Я не желаю связывать себя принадлежностью к какому бы то ни было кругу, – отрезала Вита.

– Тогда, возможно, драгоценности и золото послужат достаточной компенсацией...

Морочат голову, поняла Вита.

– Мы договаривались об иной награде, – проговорила она довольно зло. – Где мой идеальный мужчина?

Тяжелое молчание повисло в зале. Наконец Немира разомкнула губы:

– Видишь ли, Виталия, Дарьен Миленион, да возродится вновь его душа, мог обещать тебе все, что угодно. Выполнить свою задачу до конца ты должна была, умерев, а где видано, чтобы мертвецы требовали возвращения долгов?

– Иными словами, – осуждающе произнесла Вита, – вы меня кинули.

– Дарьен схитрил. А как бы ты поступила на его месте?

– Не заговаривайте мне зубы! – взорвалась она. – Пусть Дарьен не собирался выполнять свое обещание, но все вышло по-другому. Он мертв, а я жива. Договор засвидетельствован вашими собственными богами, и я требую его исполнения. Ты преемница Дарьена, Немира – с тебя и спрос.

– Виталия, пойми нас. Твое требование исполнить невозможно.

– Вы отказываетесь? – гневно уточнила она.

– Мы не в состоянии удовлетворить тебя по объективным причинам. Такого мужчины нет среди людей.

Вита хмыкнула. Дура, дура. Купила кота в мешке, клюнула на крючок, развесила уши...

Ладно, нет так нет. Она даже испытала некоторое облегчение. Есть мужчина, которого она уже любит – чего там лукавить? Она может к нему вернуться. Он, конечно, не идеал, но с нее хватит и первого приближения к идеалу.

– Хорошо, – сказала она. – Вы сделаете для меня кое-что другое. Вы найдете одного человека. Его зовут Дэн Ши.

Ей показалось, что из горла Немиры вырвался непривольный стон.

– Извини, – проговорила колдунья. – Пять дней назад он был казнен на корабле ВМС США по обвинению в использовании ядерного оружия в пиратских целях.

У Виты сердце ухнуло вниз.

– Казнен? Что с ним сделали?.. Нет, не говорите. Оживите его, и мы будем в расчете.

– К сожалению, мы здесь бессильны, – в тоне Немиры действительно слышалось сожаление. – Мы не можем оживлять мертвых.

– Что вы вообще можете? – заорала она. – Липовые колдуны, обманщики, жулики! Вы годны только на то, чтобы надувать таких, как я, кто делает за вас всю грязную работу! Будьте вы прокляты!

Голос ее сорвался. Она с ненавистью плюнула под ноги и пошла к дверям. Дэн... Смелый, сильный, остроумный, ласковый, заботливый – почему она не оценила этого тогда, почему грезила о чем-то большем? Боже, неужели она была так глупа, чтобы не понять, что он подходит ей лучше всякого абстрактного идеала? У нее трясся подбородок. Поздно теперь думать об этом. Он погиб из-за нее. Опять! Зачем судьба заставляет ее второй раз переживать потерю самого важного в жизни человека? Разве мало ей было первого? Разве она должна вечно платить по одному и тому же счету?

Она прислонилась лбом к прохладному косяку. Эти проклятые маги взвалили все на ее плечи, а сами смотрели со стороны. Их руки чисты. Все делала она, Вита, и ей расплачиваться. Почему так все устроено? Это несправедливо! Пусть эти колдуны возмещают ей ее потери! – но они не могут, они ни на что не способны... Вероломные ублюдки.

Она обернулась в дверях, и лицо ее было страшно:

– Вы еще заплатите по нашему договору. Я не знаю, как, и не знаю, когда – но попомните мои слова: вы заплатите!

14. Зеркало

Столовая зала замка Хешшираман была скупо освещена свечами, гардины закрывали раннюю темноту за окном. Перед Витой стоял стакан, и он снова был пуст. Духи, витавшие в воздухе у стола, излучали ауру неодобрения, но Вите было плевать. Пусть обижаются, что она предпочитает создаваемым ими деликатесам и тонким винам брутальную водку. Дорогими винами не напьешься, а у Виты была именно такая цель. И она находилась где-то близко к финишу. Она откинулась на спинку кресла, а столовая зала мерно колыхалась вокруг, периодически расплываясь, словно она, страдая близорукостью, зачем-то снимала очки.

Она с трудом подняла голову и, уставившись на свое отражение в большом зеркале, висящем на противоположной стене, ткнула в него указательным пальцем.

– Ну ты, дура, – обратилась она к себе без малейшего пиетета. – Кинули тебя, как последнюю лоханку... – она призадумалась, верно ли образовала женский род от слова «лох», и мотнула головой. – Как лошку последнюю!

Отражение тоже мотнуло головой, и Вите показалось, что оно с ней несогласно.

– Проклятые маги, – проворчала она. – Ни за что теперь

не стану с ними связываться. Никогда. К Файке – ни ногой, – в глубине души зашевелилось понимание, что это вряд ли: слишком уж тесно они с Фаей связаны, и она поправилась: – Во всяком случае, никаких больше колдовских приключений, упаси господи!

Она погрозила пальцем зазеркальной Вите, а та в ответ погрозила пальцем ей. Вита оскорбилась:

– Это что же ты, интересно, имеешь в виду своим вот этим самым?..

На трезвую голову она, конечно, не стала бы болезненно воспринимать жесты собственного зеркального отражения и тем более выяснять с ним отношения. Но пьяную Виту как-то не очень и удивило, когда та, другая Вита, вдруг ехидно усмехнулась своему реальному двойнику и исчезла. Зеркало затянуло туманом, и сквозь молочную пелену стали проступать картины...

Воздух сгустился, затрепетала темная рябь, и минуту спустя из нее сформировалась мужская фигура. На вид мужчине было лет тридцать, не старше. Орлиный профиль, горящие темные глаза; слегка вьющиеся черные волосы, спадающие на плечи и спину длинной волной; стройное, но далеко не хилое тело, обтянутое чем-то вроде черного трико, расшитого блестками. Взгляд – властный, грозный...

Вита попыталась мобилизовать расфокусировавшиеся глаза и всмотреться повнимательнее, но неожиданно изоб-

ражение смысла дымная пелена.

За окном Хешиирамана все было затянуто дымом, через который просвечивало кроваво-красное око рассветного Солнца да языки огня. Пламя плясало на стенах древних башен. Замок содрогался и трещал по швам. Башни, черные от копоти, рушились одна за другой. Вот обвалились стены Бетреморогской башни, обнажая чудовищную черноту, от которой веяло смертельным холодом. Овеществленная Тьма, клубясь, начала растекаться по котловине...

Нет, чуть не вскрикнула Вита, но зеркало милосердно затуманило Флифа.

Черноглазая темноволосая женщина в фиолетовом и юноша той же масти, черноусый красавец-джижит, разве что без коня, сражались. У нее было больше силы. Но он был более изобретателен, использовал неожиданные приемы, позволяющие пройти сквозь защиту, призывая и свет, и тьму, и жар, и хлад, и камни, и воду... Стены здания пылали, как картонные, перекрытия рушились, и только незримый купол, воздвигнутый сражающимися, давал какую-то возможность выстоять под напором высвобожденной стихии. Фундамент трясся, трещина и ломаясь, воздух был напитан озоном от электричества, волосы торчали дыбом, и на их концах плясали голубоватые огоньки святого Эльма. Тени и свет менялись местами, дрожали, боролись между собой и друг с другом...

Вите показалось, что изображение сопротивляется, усту-

пая место туману очень неохотно. Он то наползал с краев, то отступал, постепенно отвоевывая пространство зеркала. Вот уже заволокло почти все... И в этот момент женщина из зазеркалья выпустила разряд из пальцев прямо Вите в лицо.

...Вита тупо посмотрела на бутылки под столом. Неужели это все я?.. Как-то не верилось. Тем более что она была совершенно трезва. Даже не как стеклышко – как хрусталь. Только виски слегка покалывало.

Она встала, прошлась по зале, подошла к зеркалу. В нем отразилась молодая женщина двадцати трех лет с серо-стальными глазами, короткой соломенной стрижкой и мечом на поясе. Вите вдруг захотелось задать отражению какой-нибудь идиотский риторический вопрос, но она вовремя прикусила губу. Что с ней было? Кажется, она *что-то* видела в этом зеркале.

Вита не сразу заметила черную черту на отраженной в зеркале стене. Она обернулась, посмотрев на стену в яви. Конечно, никакой черты там не было. Эдакое безобразие в волшебном замке, где за порядком следят неутомимые духи, просто невозможно. Вита снова всмотрелась в зеркало. Грязь? Она потерла черточку и поняла, что оказалась на месте ребенка, который пытается достать игрушку с экрана телевизора. Черта была там, в зазеркалье. Черная, выжженная электрическим разрядом полоса на стене чуть-чуть выше ее, Витиной головы.

Ё-моё!

Может, ей бы удалось припомнить ускользающие сюжеты, попытайся она сделать это раньше, сразу после того как она проснулась... нет – очнулась... Но помнила она лишь одно – бьющий из зеркала прямо в лицо разряд. Кто его послал? За что? Мысли путались. Что она сделала перед тем, как зеркало стало показывать ей картины? Какие слова сказала? Можно ли это повторить? Она была уверена, что открывшееся в зеркальном отражении очень важно для нее, что все это непосредственно ее затрагивает. Но все, чего она добилась мучительными попытками вспомнить – раскалывающая голову боль в висках.

Она потянулась было к бутылке, но остановила руку. Хватит топиться в выпивке. Если верить зеркалу, у нее есть дела на этом свете, пусть она и не в состоянии точно припомнить, какие. Ну, по крайней мере одно: выяснить, что именно показало ей отражение. И, по-видимому, сделать это можно, лишь прожив долгую и насыщенную жизнь.

Она поморщилась и погладила рукоять меча. Что ж, будем надеяться, подарок Дэна поможет ей в этом.

Вита набросила на плечи зимнюю куртку и шагнула в морозные сумерки. Где-то там ждет ее Димка. Интересно, он уже успел соскучиться? А может, обиделся, что она так неожиданно исчезла? Она вернется, а он закатит скандал? Странно, даже мысль о скандале ее не поколебала. Пусть Димка и не идеал, но он любит ее по-своему. А идеал... чертовы колдуны правы, в жизни идеалов не бывает. И, наверно,

ное, это к лучшему. Скорее всего, идеал был бы столь же ужасен, как абсолютное Добро, на поверку оказавшееся ничуть не лучше абсолютного Зла. Идеалы хороши для того, чтобы на них ориентироваться, и больше ни для чего.

Призрачный замок Хешшираман растаял за Витиной спиной.

1992-1994